

**ВИКТОР
АЛЕКСЕЕВ**

ПРИРУЧАТЕЛЬ

**ПРЕДПИСАНИЕ
В РАДИУС
ТРИДЦАТИ...**

Алексеев В. П.

Предписание в радиус тридцати... «Русич», 2010,— 268 с.

Молодой офицер Костя Арсентьев срочно командирован в бригаду химзащиты для участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции. Оказавшись в омуте драматических событий, он становится непосредственным свидетелем и участником противорадиационных работ. В «зоне отчуждения» и на самой атомной станции постоянно происходят необъяснимые мистические события, с которыми Костя сталкивается сам или ему рассказывают очевидцы. Повсюду присутствующая радиация предстает перед ним в реальном и сюрреалистическом облике.

Арсентьев видит ежедневные героические поступки солдат и офицеров, помогает слабым преодолеть страх и растерянность перед радиацией, добивается оказания медицинской помощи нуждающимся. Ему поручено отобрать добровольцев и подготовить их для заброса на крышу третьего энергоблока атомной станции для того, чтобы вручную очистить ее от радиоактивных осколков. Вместе с батальоном он принимает участие в уничтожении «рыжего» леса. Понимая, что все находящиеся в радиоактивном эпицентре обречены на физические и моральные страдания от радиационного облучения, Арсентьев глубоко переживает это обстоятельство, но иного выхода, как направить людей в опасное место, просто нет. И он идет вместе с ними.

От автора

Уважаемый читатель!

Эта книга посвящена тем солдатам и офицерам, которые спасли не только нашу страну, но и весь мир от ужасной трагедии, произошедшей 26 апреля 1986 года в центре европейской части СССР. Взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной станции вызвал страх и панику у жителей Западной Европы. Еще бы - через 40 лет после американских атомных бомбардировок двух японских городов в конце второй мировой войны ряд европейских государств накрыло чернобыльское радиоактивное облако.

Чернобыльская катастрофа вторглась в жизнь более 4 млн. человек и обусловила последствия (экономические, политические, экологические, медицинские, социальные и нравственные), которые в течение длительного периода будут сопровождать развитие нашей цивилизации. По внезапности, масштабности, последствиям на общество и окружающую среду, длительности радиоактивной загрязненности (например, период полураспада плутония-239 составляет 24 тыс. лет), трагедия на ЧАЭС уступает только Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.

В локализации и ликвидации последствий чернобыльской катастрофы были задействовано около миллиона специалистов министерств и ведомств, кадровых военнослужащих и призванных из запаса.

Это была настоящая война, война за жизнь, война против радиации. Статистика неумолимо подтверждает, что горестный список ушедших из жизни и продолжающих уходить неумолимо растет и в последние годы уже не подчиняется закону арифметической прогрессии. У радиации ведь свои законы!

Вроде бы много уже написано о Чернобыльской трагедии (ее причинах и следствиях, героях и виновниках). Однако мало что известно о простых людях военной форме, на плечи которых взошли все трудности по ликвидации последствий страшной аварии, об их жизни в тридцати километровой «зоне», чувствах, страхах и переживаниях.

Эта книга основана исключительно на реальных событиях, в которых сам автор принимал непосредственное участие. Если же истинная фамилия участника тех событий заменена на вымышленную, то в этом нет никакого негативного умысла.

Глава I

Начало пути

Действительно, странная штука - человеческая память... Прожитые дни и события просеиваются через наше сознание, как будто песчинки сквозь сито. Одни - обыкновенные и невзрачные - быстро забываются, бесследно растворяясь в закоулках мозга и ничего не оставляя в душе. Другие - яркие моменты жизни, как осколки - «застревают» в этом «сите» и жгут в груди мучительным огнем, возвращая нас в прошлое, заставляя снова и снова прочувствовать пережитое. И мы всегда помним о них, как бы порой не хотелось их забыть. Некоторые нет-нет да напомнят о себе будто кадрами кинохроники во сне, придут с физической болью. Один такой «осколок» до сих пор сидит в моей памяти...

Воскресное утро 18 декабря 1986 года для старшего лейтенанта Константина Арсентьева, помощника начальника политотдела по комсомольской работе, было обычным. Накинув на плечи шинель, и поцеловав у дверей жену и сынишку, он бодрым шагом, а где-то и бегом, направился на свое очередное дежурство. Через пятнадцать минут Костя уже был на месте.

В политотделе его встретили два помощника - рядовые Андрей Серов и Леонид Климентьев. Оба призывались из Москвы, были дисциплинированными, пунктуальными и сообразительными солдатами. Им было приятно общаться с Арсентьевым, а ему с ними. В нем они видели не только офицера, но и старшего товарища, который понимает их, ценит, оказывает помощь в несении воинской службы.

Пока Костя отходил от двадцатиградусного мороза, один из бойцов уже созванивался с подчиненными частями для уточнения обстановки и мероприятия, запланированных на выходной день, другой - разогревал чайник и расставлял фигуры на шахматную доску. К шахматам Костя относился с уважением, да и на дежурстве они заставляли всегда быть в форме: поиск правильных ходов рождал полезные мысли, да и время дежурства быстрее пролетает.

Арсентьев знал, что сегодня в частях должно быть относительно спокойно, без чрезвычайных происшествий, поскольку на дворе мороз приличный, да ко всему прочему, практически все офицеры политотдела, кроме начальника и его зама, находятся в командировках в этих же частях. А уж они- то порядок в частях обеспечат!

Через час Костин доклад дежурному офицеру по политуправлению округа прозвучал буднично и после положенных формальностей он позволил себе обратиться к шахматной доске, предвкушая захватывающее сражение.

Не успели первые шахматные фигуры перейти в наступление, как раздался телефонный звонок.

- Дежурный по политотделу слушает, - буднично представился Арсентьев.

- Доброе утро,- отозвался на другом конце провода женский голос. - Дежурная по гарнизонному узлу связи беспокоит. Пришлите «секретчика» к нам за кодограммой.

Такая постановка неожиданной вводной несколько озадачила Костю. Дело в том, что, следуя должностным инструкциям, «секретчик» должен получать соответствующую корреспонденцию в строго определенные дни и часы, а сегодня - воскресенье, значит, выходной. Да и за три года службы в политотделе с таким явлением ему пришлось столкнуться впервые. В то же время подобное обстоятельство заинтриговало его. Он обратился к телефонистке:

- «Секретчика» я уже посылаю, однако, скажите, пожалуйста, чем вызвана такая спешка?

- Вы же человек военный, должны знать, что открытым текстом я не имею права знакомить с содержанием кодограммы, - пыталась образумить Арсентьева дежурная связистка. - Так что ждем «секретчика».

- Ну, а все-таки, - не унимался он. - Вы только в общих чертах ее опишите, может она вовсе и не срочная.

Девушка на другом конце провода весело рассмеялась и снисходительно ответила:

- Ну что же, будь по-Вашему! Но сначала ответьте: в вашей части служит офицер Арсентьев? - раздалось на другом конце провода.

- Он самый сейчас по телефону с Вами говорит,- не понял Костя подвоха и сразу же предательская мысль просквозила: «А чего я «такова» сделал?».

- Так вот, офицер Арсентьев, Вам надлежит завтра, 19 декабря, быть в Чернобыле! - кратенько процитировала она текст кодограммы.

Молчание было не долгим. Его прервал сочувствующий голос телефонистки:

- В общем, ждем «секретчика» за получением кодограммы и всего Вам хорошего, товарищ Арсентьев.

Костя еще не успел осознать услышанное, а в голову уже полезли тревожные мысли: «Что делать с семьей? Как они будут без меня? Да и служебных вопросов накопилось полно, а, уезжая в командировку на неопределенное время, их никто за него решать не будет. Инструктор по комсомольской работе, прапорщик Витя Колмычков, только что уехал на три месяца на учебу...».

«Так, что дальше мне делать в такой ситуации? - лихорадочно про себя рассуждал Арсентьев. - Если завтра я должен быть там, значит, выезжать мне сегодня вечером. Сколько времени у меня в наличии? Часов 10-12... Однако, стоп. Сначала мне следует доложить об этом начальнику политотдела».

Костя поборол в себе волнение и обратился к солдату:

- Андрюха, бери свой «секретный» портфель и дуй на узел связи за кодограммой. Только давай быстро, пулей.

- А, что случилось, товарищ старший лейтенант? Почему такая спешка? Воскресенье ведь, - недоуменно отозвался боец.

- Андрюха, все детали потом, а сейчас выполняй распоряжение и шевели поршнями, - поторапливал он солдата, набирая номер домашнего телефона начальника политотдела.

Трубку подняла жена начальника политотдела - полковника Овцына Валентина Анатольевича.

- Добрый день, - начал Костя. - Это дежурный по политотделу старший лейтенант Арсентьев беспокоит.

- Опять какое-то ЧП? - насторожилась она. - Когда же человеку дадут отдохнуть в законный выходной? - в сердцах бросила она.

- Нет-нет, с этим у нас все нормально, - успокоил Костя ее, - просто я хотел бы Валентину Анатольевичу кое-какую информацию передать.

- Ладно, зову.

Через секунду в трубке раздался голос Овцына:

- Здравствуй, комсомол. Что там у нас произошло? Слушаю доклад, - сурово проговорил он.

- Здравия желаю, товарищ полковник! В подчиненных частях без происшествий - коротко доложил Костя.

В трубке послышался облегченный выдох.

- С узла связи просят забрать срочную кодограмму. Я уже послал «секретчика» за ней, - продолжил Костя.

- Отзывай обратно, завтра заберет, - рекомендательно отозвался начальник.

- Не могу, товарищ полковник, потому что она касается... меня.

- А, что такое? - напрягся он.

- Товарищ полковник, телефонистка мне в двух словах познакомила с текстом телеграммы. В общем, я уже завтра должен быть в Чернобыле, - осторожно обронил Арсентьев.

Будучи в армии почти тридцать лет, пройдя все служебные ступени своей карьеры, объездив весь Советский Союз, послужив за границей, в том числе и в Афганистане, Валентин Анатольевич моментально оценил обстановку и распорядился:

- Значит так, Костя, вызывай в политотдел замначпо, Светлану Алексеевну, финансистов и пришли за мной служебную машину. Сбор всех - в политотделе через час.

Служебная «Волга» начпо еще не успела выехать за ворота политотдела а Арсентьев уже успел обзвонить указанных начальником сотрудников. Благо, что все оказались дома в это время.

Озадаченные воскресным вызовом, все вопросы сослуживцев адресовались к Косте. Он не имел права распространять информацию ранее начальника политотдела, поэтому смущенно отнекивался и переводил разговор на другие темы. Хорошо, что вскоре вернулся «секретчик». Он достал из своего портфеля депешу и передал ее начальнику политотдела. Ознакомившись с содержанием кодограммы, тот пригласил всех присутствующих в свой кабинет и подытожил:

- Итак, товарищи, ваш срочный вызов связан вот с этим важным документом, - он поднял над столом лист, тесненный штампами и печатями.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Отчасти зная ее содержание, Костя испытывал определенную неловкость из-за внимания к его персоне.

Тем временем полковник Овцын продолжал:

- В кодограмме сказано, что в соответствии с приказом Командующего военным округом мой помощник по комсомольской работе, - он посмотрел в сторону Арсентьева, - должен быть откомандирован в 26-ю бригаду химической защиты, дислоцируемой в селе Ораное Иваньковского района Киевской области для участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции сроком на два месяца. Прибытие в бригаду - 19 декабря 1986 года. Временно снять офицера Арсентьева с партийного учета и финансового обеспечения на данный срок. Командировочное предписание и проездные документы выписать до места дислокации части с промежуточным заездом в город Белая Церковь для организованного следования к новому месту службы.

- Вот те на-а! - выдавила из себя Светлана Алексеевна с сочувствием.

Заместитель начпо подполковник Кисленко Иван Алексеевич почесал седую лысину, пробежался глазами по столу начальника политотдела и сразу взорвался:

- Ерунда какая-то! Если Арсентьеву быть в Чернобыле 19-го, а сегодня уже 11.00 18-го, как же он в назначенный срок из Воронежа до Киева доберется? Это немыслимо. Он просто не успеет. Да уж, ситуация... Может быть, Валентин Анатольевич, - обратился он к начпо, - позвонить в Москву, объяснить положение. Комсомольцу ведь надо рассчитаться со службами, документы по должности передать. А то интересно получается: Арсентьев - в командировке на два месяца, его инструктор - на учебе, и кем нам прикрыть комсомольскую работу? Некем! Лично мне все это не нравится.

Иван Алексеевич всегда отличался своим независимым мнением и явным нигилизмом ко всему. Бывало, придет к нему Арсентьев с очередной комсомольской инициативой, он до конца не выслушает, и, не отрываясь от очередного кроссворда, сразу массу замечаний выскажет, а затем отправит «думать дальше». Излишние нотации и такое безразличие к себе лично и к комсомолу в целом часто приводили Арсентьева к отчаянию. Иногда отношение менялось на противоположное. Жесткий контроль Кисленко за работой комсомола подавлял различные молодежные начинания и заставлял действовать строго в рамках партийных решений, исходя из принципа: «Комсомол - помощник партии».

Однако, как часто в жизни бывает, все так бы и продолжалось, если бы не случай. Дело в том, что Арсентьеву везло на толковых людей, с которыми ему приходилось встречаться на своем жизненном и служебном пути. Среди них - секретарь партийной комиссии при политотделе майор Богатырев Анатолий Семенович. В свои сорок с небольшим он обладал качествами мудрого и справедливого человека, был грамотным офицером-политработником, обладающим большим авторитетом в войсках. Его тонкий юмор и незлой сарказм воспринимались всеми по-доброму и располагали к открытому разговору, а человеколюбие всегда притягивало к нему людей.

Как-то раз Анатолий Семенович увидел Костю в подавленном настроении и поинтересовался:

- В чем дело, Константин? Отчего такой хмурый с утра?

- Да вот Анатолий Семенович, стопорит наши комсомольские начинания Кисленко, - и вкратце он ввел его в курс дела. - К сожалению, время летит, он только и повторяет: «Иди, думай», - заключил Костя.

Анатолий Семенович, как всегда, закурил свой любимый «Беломор» и, немного подумав, с иронией произнес:

- Запомни, Костя, любой заместитель всегда хочет стать начальником. Кисленко так сильно мечтает им стать, что уже сейчас желаемое воспринимает за свершившийся факт. Заметь, как смакует, подписывая документы от первого лица и устраивая своим подчиненным всякие там разносы и т.д. Однако, этого недостаточно для достижения заветной цели. Необходимы свежая струя, инициативные предложения, эффективные действия с его стороны. Но думать в таком возрасте Ивану Алексеевичу уже не хочется. А вот кроссворды - другое дело.

- Согласен, - кивнул Костя. - Но мне-то как с ним работать дальше?

- Элементарно. Сделать так, чтобы твоя идея стала его. Вот и вся премудрость.

Этот откровенный разговор закончился практическими советами для Кости. Их истинность вскоре им была проверена на деле. Отныне многие комсомольские инициативы стали реализовываться, а Кисленко стал «внимательнее» относиться к делам комсомольским.

Итак, выслушав словесную тираду своего «боевого зама», начальник политотдела заключил:

- Мне, Иван Алексеевич, нет необходимости напоминать лично Вам и офицерам политотдела, что такое для военного человека приказ, к тому же приказ командующего округом. - Его щеки покраснели, лицо приняло суровый вид — Поступаем следующим образом. Моему заместителю подготовить приказ на откомандирование старшего лейтенанта Арсентьева на 60 суток в 26-ю бригаду химической защиты, выписать проездные документы в обе стороны. С партийного учета временно снять, - он перевел взгляд на Светлану Алексеевну. - Финансистам выплатить офицеру денежное содержание за два месяца и командировочные деньги. Срочно отправить посыльного за билетом для Арсентьева на поезд Воронеж-Киев. Вопросы? - Овцын вопросительно посмотрел на всех присутствующих и, убедившись в том, что вопросов не последует, произнес, - Раз нет, тогда выполнять немедленно.

Все стали расходиться. К выходу направился и Костя, но его остановила команда начальника:

- Задержись на минутку, комсомол.

Оставшись наедине, полковник пригласил Арсентьева сесть и стал рассказывать по кабинету.

- Знаешь, Костя, твоя командировка в Чернобыль для меня не является неожиданной. Дело в том, что неделю назад присутствующий на нашей комсомольской конференции член Военного совета начальник Политуправления округа Репин Иван Петрович обратил внимание на тебя и твои организаторские способности. Поинтересовался твоей службой.

А потом признался, что кадровики политуправления составляют списки офицеров на отправку в командировку в Афганистан. Он полагает, что из тебя получится хороший замполит мотострелкового батальона. Затем, как бы вскользь обронил, что намечается массовая замена офицеров в Чернобыле и, что в этих списках есть и твоя. Костя, фамилия.

От услышанного Арсентьеву стало не по себе. Вырисовывается очень интересная картина: за него, за его спиной, заранее, молчком и наперед все уже решили, а его самого заранее не предупредили, не подготовили.

- Ты - человек военный, должен понимать, что приказы старших начальников следует выполнять, - продолжал Валентин Анатольевич. - Какая разница где, в Афгане или в Чернобыле? Но, самое главное, я уверен в тебе, Константин, что ты с честью выполнишь свой долг.

На прощание он пожал Косте руку, хлопнул по плечу, пожелав ему удачи и скорейшего возвращения. Получив все необходимые документы и расчетные деньги, Арсентьев тяжело шагал по дороге домой...

Глава 2

Расставание

Поднявшись на пятый этаж, Костя нажал на звонок своей служебной квартиры. Сердце стучало в висках. Дверь отворила его жена Настя.

- Ты почему так рано? Случилось что? - удивилась она.

В прихожей Костя стал поспешно снимать шапку и шинель. В его действиях чувствовалось напряжение. Как объяснить Насте, что ему придется уехать, туда, где произошла вселенская трагедия, о которой знает весь мир? Сегодня, сейчас, без промедления... В горле стоял комок.

- Папа, папа пришел, - вылетел из комнаты четырех летний сынишка Темка и повис на руках у Кости.

- Понимаешь, Настя, мне придется уехать в командировку сегодня, - начал Костя. - Через час привезут билет на поезд, на сборы у меня осталось часа четыре, не более.

- Почему так срочно? - удивилась Настя. - Куда на этот раз тебя отправляют?

- Я откомандирован в Чернобыль ровно на два месяца. Мне необходимо быть там уже завтра, - Арсентьев старался говорить спокойно, чтобы не драматизировать ситуацию. - Все необходимые документы у меня уже в кармане.

Жена прижалась спиной к стене. В глазах был ужас, обреченность, незащитность. Ее большие глаза вмиг наполнились влагой, по щекам одна слеза догоняла другую.

- Этого не может быть! Почему тебя? Что значит откомандирован? Я не пущу тебя! Слышишь, не пущу! Почему, почему ты? Я не хочу!!! - не унималась она.

Костя обнял жену, стал ее успокаивать. Артем, переводя взгляд с отца на плачущую мать, также пустился в рев. Арсентьеву пришлось сказать много теплых слов жене и сыну, чтобы успокоить обоих.

Вскоре прибыл посыльный, который вручил Арсентьеву билет и пожелал старшему лейтенанту поскорее вернуться назад живым и здоровым.

Пока Костя составлял перечень вещей, которых в первую очередь нужно было взять с собой, жена быстро приготовила обед. Ели молча, каждый думал о своем...

Все необходимое для командировки вместилось в небольшой чемодан. Продукты питания на двое суток дороги и туалетные принадлежности были вложены в портфель. Документы, билет на поезд и небольшую сумму денег Костя разместил в нагрудные

карманы военной рубашки. Пока Настя укладывала сына спать, Арсентьев написал свои будущие координаты, где ему надлежало быть, а поверх листа с указанным адресом положил деньги.

«На пару месяцев семье хватит на жизнь, а там и я вернусь, - рассуждал Костя, - Лишь бы с моими родными ничего плохого не случилось, пока я буду у черта на куличках».

Закончив свои дела, Костя подошел к кровати сына. Темка спокойно спал, посапывая носиком. Костя тихонько поцеловал пшеничные волосики сыночка, потрогал пальчики на пухленькой ручонке и тут почувствовал предательский комок в горле.

«Ты, военный, еще слезу пусти! - стал себя корить Костя. - Не до сентиментальностей сейчас. Держи свои чувства при себе и не вздумай дать себе слабину».

На плече он почувствовал руки жены. Развернувшись, Костя обнял Настю. На своей щеке он почувствовал слезы, которые лились из Настиных печальных глаз, и стал ее успокаивать. Так и стояли они, крепко обнявшись возле кровати сына, целуясь и шепча друг другу слова, принадлежащие только им одним...

Трогательные и мучительные часы расставания пролетели быстро. Много было сказано друг другу, но еще больше предстояло им пережить в предстоящей разлуке. Неопределенность будущего пугала их. Оба понимали, что эта неожиданная командировка принесет в их молодую семью тревогу, страдания и тяжелые испытания. Настя чувствовала, что муж уже мысленно там, и лишь сердце дорогого ей человека пока бьется возле нее.

Проснувшийся сынишка обрадовался папиному присутствию и вытащил свои игрушки, чтобы вместе с ним поиграть. Но, вместо этого, Настя стала доставать теплые вещи ребенка.

- Мы поедem папу на вокзал провожать, - сказала Настя ребенку.

- Не нужно этого делать, Настя, - спокойно произнес Костя и поглядел на часы. - На улице уже темно, сильный мороз, да и возвращаться назад одним без меня вам тяжело будет. Оставайтесь дома, мне так будет спокойнее.

Не успел он накинуть шинель, как к нему подбежал сын и обнял ногу.

- Папа, ты опять к солдатам идешь? - голос Артемки уже дрожал. - Давай бороться?

Косте ничего не оставалось, как снять шинель и немного повозиться с сыном. Демонстрируя друг другу «борцовские приемы», отец и сын так увлеклись игрой, что казалось, кроме них в этом мире никого нет. Комната наполнилась детским визгом и смехом. И только Настя молча смотрела на игру своих любимых мужчин - старшего и младшего Арсентьевых, ладонью по щекам размазывая свои соленые слезы.

Стрелки часов предательски приближали расставание. Костя поднял на руки раскрасневшегося и развеселившегося Артемку, прижал к себе жену и сына.

- Береги себя и Тему. Я скоро вернусь. Обязательно вернусь! Жди меня, - прошептал он Насте, и, поцеловав ее в мокрые глаза, а сына в вспотевший лобик, шагнул за порог.

Глава 3

Попутчики

Выйдя на улицу, Арсентьев встретился с кромешной темнотой, жутким ветром и обжигающим морозом. С трудом пробираясь по занесенной снегом тропинке, он держал направление на автобусную остановку. Идти пришлось не более двадцати минут, но за это время Костя чертовски устал.

«Только бы не опоздать на поезд, - как молитву повторял он про себя. - Только б не опоздать. Мое опоздание там могут расценить как невыполнение приказа, как предательство...».

Почти пустой автобус пришел по расписанию. И, несмотря на заснеженные улицы города, Костя без особых затруднений доехал до железнодорожного вокзала, проследовал до стоявшего на перроне киевского экспресса. Подходя к своему вагону, он огляделся по сторонам: возле состава практически никого из пассажиров и провожающих не было, лишь трое нетрезвых мужчин вдалеке курили и о чем-то оживленно спорили.

Костя подошел к своему вагону, протянул билет проводнице.

- Здравствуйте! До Киева довезете?

- И поезд, и язык до Киева довезет, - с иронией и с некоторой колкостью ответила круглолицая хохлушка лет сорока.

- А что так не гостеприимно Киев принимает?

Вместо ответа проводница усмехнулась.

- Через десять минут отправление, а пассажиров совсем нема. Вы - перший в моем вагоне, да, мабуть, и единственным будете до самого Киева. У Вас мисто в последнем купе возле туалета. Если хотите, то займите любое купе, все равно порожняком поедем, - стала оправдываться она, чередуя русские слова с украинскими.

- Спасибо, - обрадовался Костя.

Он быстро разместился в купе, разложил постель и вышел в проход. В вагоне было прохладно: сказывались и отсутствие пассажиров, и сильный мороз за окном. Через несколько минут послышался скрип закрывающейся вагонной двери. В проеме показалась проводница, которая, прокашлявшись, обратилась к нему:

- С соседней полки можете взять дополнительное одеяло, а то змерзните Сейчас поедем. А Вы що к нам в Киев едите?

- В командировку. Правда от Киева мне еще дальше придется ехать, но уже не на поезде, - охотно поведал Костя.

- Да Вы, небось, в Чернобыль едите? - догадалась она.

- Почему Вы так решили? - недоумевал Костя.

- Сейчас из Киева вагоны от пассажиров ломаются, а обратно мы только военных и везем, - парировала она и стала подбрасывать уголь в печку на растопку.

Действительно вскоре поезд тронулся, оставляя за собой пустынный замороженный перрон и город, в котором осталась часть Кости - самые близкие ему люди. Он смотрел через обледенелое стекло купе, чувствуя, как тоска и безысходность сдавливают его сердце. Что ждет его впереди? Какие опасности и испытания приготовила судьба? Справится ли в такой сложнейшей обстановке, не спасует ли?

«Стоп-стоп, а что я сам знаю об этой аварии? - размышлял Костя, чтобы сменить тему.

- Официальная информация гласила, что в ночь с 25-го на 26-е апреля 1986 года, в 01.23 на четвертом блоке Чернобыльской АЭС произошла крупнейшая в мире ядерная авария, вследствие которой пострадали около 5 млн. человек. В результате аварии произошло радиоактивное заражение местности в радиусе 30 километров. Поэтому было принято решение образовать вокруг атомной станции зону. Так называемую «зону отчуждения», из которой в принудительном порядке были выселены жители из всех населенных пунктов. Практически через неделю после трагедии для ликвидации последствий аварии на атомной станции и внутри этой зоны прибыли воинские формирования Министерства Обороны СССР. Но первыми, кто вступил в схватку с атомной катастрофой, были пожарные...».

В купе постучали.

- Да-да, входите, - отозвался Костя.

В дверном проеме показалась одетая в форменную телогрейку фигура проводницы.

- Я Вам, товарищ старший лейтенант, горячего чайку принесла, все ж теплее ехать будет, - сказала она и поставила на столик стакан чая.

- Огромное спасибо, - ответил Костя, с радостью прерывая тяжкие раздумья. - Чай - это хорошо.

- Значит, в Чернобыль в командировку едете, - продолжала она.

- Получается так. Кстати, как там сейчас обстановка? - оживился Арсентьев.

Проводница тяжело вздохнула, села на край скамьи и начала свой рассказ. Она поведала Косте о том, как в ночь аварии всех жителей города Припяти и Чернобыля вывозили в экстренном порядке на автобусах в Киев. Людей так быстро эвакуировали, что они успевали захватить с собой лишь документы, деньги и небольшое количество вещей. О масштабах аварии власти скрывали, демонстрируя, что ничего серьезного на атомной станции не произошло. На первомайскую демонстрацию агитировали. А позже по городу поползли страшные слухи, подогреваемые людской молвой о страшных последствиях атомной аварии. Власти стали рекомендовать плотно закрывать окна, двери, носить марлевые повязки и без нужды не появляться на улице.

Новое слово «радиация» стало нарицательным. Оно порождало только одно чувство - страх. Это еще сильнее подталкивало людей умчаться подальше от места трагедии. Началась паника. Транспорт не справлялся с пассажирооборотом, дополнительные рейсы ситуацию несколько нормализовали, но не надолго. В самом Киеве жителей почти не осталось.

Всю ночь Костя не сомкнул глаз. Он сидел возле окна и всматривался в промозглую темноту. Мысли о масштабе трагедии и последствиях аварии не давали ему покоя. Ему не верилось, что скоро он своими глазами увидит их истинные размеры, каждой клеточкой прочувствует радиационное воздействие о котором так много говорят. И как организм выдержит эту радиацию?

Арсентьев проснулся от сильного толчка. Поезд резко затормозил и остановился. Было почти 10 часов утра. Декабрьское солнце еле поднялось, и сквозь оттаявшее окно Костя увидел здание железнодорожного вокзала.

- Клинцы, - громко произнесла проводница скорее по привычке, чем по необходимости. - Стоянка поезда 20 минут.

«Как же, как же, знаем эту станцию, - повеселел Костя. - Помнится, полгода назад, на 9 мая, был я откомандирован в одну из воинских частей Клинцовского гарнизона для обеспечения праздничных мероприятий. И в тот раз я ехал в практически пустом вагоне».

Тогда случайно ему пришлось присутствовать при разговоре двух женщин. Молодая женщина, ехавшая с маленькой дочкой, рассказывала своей пожилой попутчице, что ее семья жила в самом Чернобыле. Муж в момент аварии на атомной станции находился на смене, а под утро всех жильцов дома быстро посадили в автобус и вывезли в Киев, выдали билеты в том направлении, куда желали бы выехать. Две недели о муже не было ничего известно, поэтому она решила вернуться обратно и найти его.

Арсентьев вспомнил также, что проводники наглухо задраили все окна вагона, когда как немногочисленные пассажиры изнывали от жары. Сам город встретил его унылым молчанием. По улицам постоянно разъезжали поливочные машины, магазины практически все были закрыты, люди ходили в головных уборах. В воинской части офицеры поведали ему о проводимых организационных и профилактических мероприятиях, вызванных радиационной опасностью. И уже тогда Костя почувствовал на себе все «прелести» подобных ограничений: с асфальта не сходить, на траву не наступать, воду из городского водопровода не пить, местные овощи и фрукты в пищу не употреблять.

- Теперь это вновь повторяется, но уже в новых условиях, - вслух пробормотал Костя.

- Простите... Вы что-то сказали? - в дверях купе стоял мужчина в форме железнодорожника и с чемоданом в руках.

- Нет-нет, это не Вам, - ответил Костя и поздоровался с незнакомцем.
- Проводница направила в Ваше купе, чтобы веселее было ехать. Не возражаете?
- Да никаких проблем, размещайтесь, - радушно пригласил его Костя в купе.

Новый пассажир стал размещать свой багаж, снял форменную железнодорожную шинель и шапку.

- Ну, что, старший лейтенант, давайте знакомиться: меня зовут Игорь Сергеевич, - представился он и протянул Косте руку.

- Очень приятно. А меня Константин, - ответил Арсентьев, отвечая рукопожатием. - Как насчет завтрака?

- Не откажусь. Сейчас закажу чаю у проводницы.

Через десять минут на столе были выложены консервы, колбаса, сало и хлеб. Но большой интерес и аппетит вызывали соленые огурчики и помидоры.

- Угощайтесь, - предложил Игорь Сергеевич.

С азартом уплетая завтрак, Костя поинтересовался:

- Соленья, очевидно, домашние?

- Совершенно верно, - подтвердил догадку попутчик. - Еду в Чернобыль, в командировку, но решил по пути на несколько часов заехать к матери. Она здесь в Клинцах живет. Как говорится, случай представился.

- Я тоже туда путь держу.

- В курсе. Меня проводница проинформировала.

Из разговора Костя узнал, что Игорь Сергеевич служит на Брянской железной дороге в должности заместителя начальника управления и откомандирован в Киев в целях организации железнодорожного обеспечения воинских частей, направленных для ликвидации последствий аварии на атомной станции.

Попутчик оказался очень интересным собеседником. Был он почти в два раза старше Кости и достаточно повидавшим на своем веку человеком. Жизненные обстоятельства много раз проверяли его на прочность. Он проехал почти все железные дороги страны, строил БАМ. В молодые годы, проходя срочную военную службу, Игорю Сергеевичу пришлось участвовать в известных событиях в 1956 году в Венгрии.

- Однажды я был выставлен регулировать движение советских воинских колонн на перекрестке двух улиц в пригороде Будапешта, - рассказывал он. - Почти двое суток простоял на своем посту, без сна и отдыха. Хорошо, что в вещмешке с собой у меня сухой паек был. Рядом время от времени слышна стрельба и грохот взрывов. Но смены так и не было. Такое ощущение, что про меня просто забыли. Не знаю, сколько бы я еще простоял на посту, пока не заметил, что по мне ведется огонь из стрелкового оружия. Я залег за осветительный столб, зарядил свой АК-47 и начал отстреливаться. Навстречу мне, постреливая, короткими перебежками приближалась группа вооруженных людей в количестве 10-12 человек. Пули шелкали по булыжной мостовой все плотнее возле меня. Экономя патроны, я стрелял лишь одиночными. Покинуть свой пост из-за обстрела у меня и в мыслях не было. Усталость и сонливость улетели прочь, я сконцентрировался только на врагах, которые пытались меня убить.

Через стрельбу я вдруг уловил звук приближающегося автомобиля, который, не сбавляя скорость, несся к моему перекрестку. Я напряг зрение и увидел штабной ГАЗ-51. Ни водитель, ни пассажиры не видели напавших на меня венгров, а расстояние между автомобилем и перекрестком неумолимо сокращалось. Я выскочил навстречу машине и замахал руками, останавливая ее. В этот момент что-то горячее ударило меня в плечо и бросило на мостовую. Помутневшим сознанием я заметил, что автомобиль резко затормозил, развернулся и свернул в соседний переулок. Превозмогая боль, я перекатился к стене дома. Впереди я заметил разбитое цокольное окно и, собрав последние силы, протиснулся в проем, потеряв сознание.

Очнулся, когда было уже темно. Голова кружилась от потери крови. Страшно болело правое плечо, рука не слушалась. С большим трудом я присоединил последний полный магазин к автомату и пополз искать выход. В жилом помещении, куда я попал, царил хаос. В темноте я преодолел разбросанные вещи, посуду и мебель и оказался во дворе жилого дома. Ночное небо вспыхивало редкими взрывами и освещалось заревом пожаров. Я сориентировался по звукам боя и разрывам и, пошатываясь, побрел в обратном направлении.

Мне повезло: часа через два-три, когда мне казалось, что силы вот-вот покинут меня, и я потеряю сознание, я набрел на наш комендантский патруль. Затем были госпиталь, допросы следователя и награждение медалью «За отвагу».

Услышав рассказ Игоря Сергеевича, Костя почувствовал глубокое уважение к этому человеку, он был просто потрясен теми испытаниями, которые выпали на его долю. Попутчики молчали, и только тихий голос Аллы Пугачевой с ее песней «Миллион алых роз» раздавался из динамика в купе.

Когда песня закончилась, начали передавать очередной выпуск новостей. Из динамика раздавалась информация о волнениях и столкновениях молодежи с милицией в Алма-Ате, в ходе которых десятки человек были ранены, есть погибшие, более сотни участников беспорядков задержаны. Протестанты вышли на улицы и площади казахстанской столицы с требованием прекращения влияния Москвы во внутреннюю жизнь республики и выхода Казахстана из состава СССР.

Игорь Сергеевич, тяжело вздохнув, посмотрел на Костю оценивающим взглядом и философски заметил:

- А знаете, молодой человек, вот это, - показав пальцем на динамик, - только начало. Начало конца нашего большого и великого государства.

Костя был ошарашен такими словами. Ему еще не приходилось слышать подобных откровений.

- Я так не думаю, Игорь Сергеевич, - разгорячился он. - Ведь даже слова нашего гимна: «Союз нерушимый республик свободных...» подтверждают, что все нации и народности СССР едины, желают жить в дружбе и согласии. Наша коммунистическая партия... Рабочий класс и колхозное крестьянство... А КГБ выявит зачинщиков, поддерживаемых американцами и тогда...

- Запомните мои слова, Костя: через пять, ну, максимум десять лет, не будет нашего Союза. Он с треском расколется, как спелый арбуз, на отдельные и неравнозначные доли. И каждая из них окрасится в кровавый цвет. Я так понимаю: Вы - политработник, значит, воспитаны и обучены соответствующим образом. Вы будете отстаивать Ваши идеалы, а, если потребуется, и защищать их. Но поймите одно: процесс, который начался сегодня, 19 декабря 1986 года, в Казахстане вызовет цепную реакцию в и других республиках, потому что порожден он внешними и внутренними противоречиями, раздираемыми нашу страну.

Неизвестно, чем закончился бы этот разговор, но поезд плавно стал втягиваться в пригород Киева. Впереди показались золотые купола Софийского собора, башня Киевского телевидения, монумент Матери-Родины. Попутчики стали собираться на выход. Когда вещи были собраны, Игорь Сергеевич обратился к Косте:

- Как думаете до Чернобыльской зоны добираться?

- У меня предписание прибыть в город Белая Церковь на сборный пункт мотострелковой дивизии для организованной отправки туда, - четко ответил Костя.

- Значит, Вам будет удобно и проще добраться до Белой Церкви с Киевского железнодорожного вокзала на электричке. Они в этом направлении часто ходят и через час с небольшим Вы будете уже на месте, - инструктировал Игорь Сергеевич. - Мы сейчас, Костя, распрощаемся. Вот Вам мой здешний служебный телефон, обращайтесь, если моя помощь понадобится. А она, как мне представляется, еще будет Вам нужна.

Костя поблагодарил, положил в служебное удостоверение под корочку листочек бумажки с написанным номером телефона, пожал руку попутчику, пожелав ему удачи, и бодрым шагом направился в пригородную кассу за билетом.

- Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? - Костя вдруг услышал чьи-то слова в свой адрес.

Повернувшись влоборота, он увидел военного с вещмешком на плече. Одет он был в шинель времен Великой Отечественной войны почти до пят, солдатскую шапку с маленькой звездочкой, с погонами защитного цвета. Возраст этого военного был под пятьдесят лет, не менее.

- Слушаю Вас, товарищ солдат, - ответил Арсентьев и поймал себя на мысли, что солдат ему в отцы годится. Вот уж превратности судьбы! А сколько их еще впереди, наверное.

- Не подскажите, как мне до Белой Церкви добраться?

- А куда конкретно Вам там нужно прибыть? - вопросом на вопрос ответил Костя.

- Да на пересыльный пункт дивизии, а потом в Чернобыль.

«Похоже, «партизан», - подумал Костя. - Скорее всего, военкоматы вынуждены призывать воинов из запаса, чтобы срочников в 30-ти километровую зону не направлять и не травить их радиацией. Спасают генофонд нации. Ничего не скажешь, государственный подход!».

- Тогда нам по пути, следуйте со мной.

Через двадцать минут Костя и его новый попутчик ехали в электричке в южном направлении. Старый, потрепанный вагон электрички был забит пассажирами на половину. Костя вместе с солдатом разместились на одной скамье. Военный оказался словоохотливым, простым и сердечным человеком.

- Степаныч, - представился он. - Сам я брянский, работаю на пилораме. Детей трое, и все дочки. Двух старших уже замуж отдал, а для младшей приданого не хватает. У нас в поселке с этим строго. Вот и напросился на старости лет в военкомате в Чернобыль поехать подзаработать, - исповедовался он перед Арсентьевым.

- А разве в Чернобыле можно заработать? - с недоумением спросил Костя.

- Еще как, если, конечно, голова на плечах имеется, - со знанием дела и на положении бывалого повествовал Степаныч. - Вот, к примеру, свояк мой недавно оттуда, - он махнул подбородком в неопределенную сторону, - вернулся, пробыл там месяц, привез денег, что за три месяца столько не заработал бы в поселке.

- Чем же он там занимался? - поинтересовался Костя, одновременно решив подзадорить собеседника и вызвать его на откровенность.

- Он был специалистом в химроте, проводил дезактивационные работы в населенных пунктах, примыкающих к Чернобыльской атомной станции. Так вот, солдаты выносили из брошенных жильцами домов и квартир мебель, одежду, утварь и грузили в самосвалы, которые отвозили все это в «могильники» для последующего их захоронения, поскольку все предметы были заражены радиацией. В ходе таких работ попадались и драгоценности, которые нужно было сдавать по описи офицерам. Но свояк оказался проворнее других. Кое-что привез своим, - с нескрываемым достоинством закончил свой рассказ Степаныч.

Косте от рассказа старого солдата стало как-то не по себе. За последние сутки он уже раз пятый слышал неприятные и невероятные истории, связанные исключительно с Чернобылем.

«Не слишком ли много? - с досадой подумал он. - Может нужно просто смириться с таким негативом и понять, что ничего хорошего впереди меня не ждет?! А со сколькими подобными неприятными моментами мне предстоит повстречаться за эту командировку? Да, одни вопросы, одни отрицательные эмоции и никакой перспективы. Что же получается: для одних авария на атомной станции - беда, а для других - возможность

поживиться, да помародерничать? Если то, что сказал этот «партизан» - правда, то она - горькая. С другой стороны, раз я офицер, к тому же политработник, значит, я должен контролировать любую ситуацию. Степаныч едет за тем же, что и его свояк. А это не правильно, не по-человечески! Попытаться как-то отговорить его от желания обогатиться подобным образом? Пошлет куда подальше. Кто я ему: ни командир, ни начальник, да и по возрасту я в сыновья ему гожусь...».

- Степаныч, а Ваш свояк какую дозу радиации получил за время нахождения в «зоне»? - как бы между прочим поинтересовался Арсентьев, стараясь придать некую официальность в своем вопросе.

- Говорил, что в личном деле записано более 20 рентген. А шо?

- А то, что не только человек набирает радиацию, но и все окружающие вещи, ну там книги, одежда, посуда, деньги, золотые украшения, впитывают радионуклиды, а затем также их и излучают, - со знанием дела выдал Костя.

- Ну и чево? - не мог понять Степаныч куда клонит офицер, но, как каждый деревенский житель, на всякий случай насторожился.

- Да дело в том, - продолжил Костя, - что привез Ваш свояк барахлишко, раздал своим родным и близким, особенно дочерям, будущим матерям, и радуется. Но радость эта слезами и несчастьем потом выльется, поскольку его домашние также радиацию получают. Это - как мина замедленного действия: не известно когда она взорвется. Но мина, она хоть видима, а радиация - нет. Ее можно лишь почувствовать. Кто-то раньше, кто-то позже, но страданий, болезней и несчастья она принесет - это факт.

Задумался Степаныч, помрачнел, а затем сказал:

- То-то он с Чернобыля вернулся худой какой-то, кожа серая, как неживая. Все на желудок жаловался, что нету аппетита... А может так оно все и есть, товарищ старший лейтенант? Вы правду говорите. Приеду в часть, сразу отпишу ему об этом. Пусть заберет все привезенное, да в огороде поглубже закопает. От греха подальше.

За разговорами незаметно время пролетело. По репродуктору машинист передал, что электропоезд прибывает на конечную станцию «Белая Церковь».

На железнодорожном перроне Арсентьев поинтересовался у начальника военного патруля о месте нахождения пересыльного пункта мотострелковой дивизии и, получив верное направление, двинулся со Степанычем пешком.

Идти действительно было недалеко, но путники все равно изрядно устали от своей поклажи. К КПП воинской части подошли уже затемно. Предъявив командировочные предписания и служебные удостоверения, дежурный сержант подсказал, что офицеров собирают отдельно от рядового и сержантского состава и показал здания казарм, куда следовало им дальше держать путь.

- Ну, что ж, Степаныч, давайте прощаться, - протянул руку Арсентьев.

- Жаль, однако, что расстаемся. Хорошо, что я Вас встретил. Прощевайте, товарищ старший лейтенант. Бог даст, может еще свидимся, - растрогавшись, совсем домашнему произнес солдат. Он приложил руку к шапке в воинском приветствии, взвалил на плечо вещевой мешок и, ссутулившись, побрел к своей казарме.

Глава 4

Благие намерения

Через пару минут Арсентьев уже подходил к подъезду пятиэтажной казармы. На входе под лампочкой он увидел табличку «Пересыльный пункт офицерского состава воинских частей...».

- Значит, нам сюда, - оживился Костя, увидев нужные цифры воинской части, в которой ему предстояло служить и смело отворил дверь. Поднявшись на второй этаж, он протиснулся через толпу курящих на лестничной площадке офицеров и уперся в стол, за которым восседал грузный майор с кавалеристскими усами и танковыми эмблемами на красных петлицах.

- Здравия желаю, товарищ майор. Старший лейтенант Арсентьев прибыл для дальнейшего прохождения службы в войсковой части 78708, - отрапортовал Костя и предъявил документы.

Тот устало поздоровался и стал делать какие-то записи в свой журнал из Костиных документов. После бюрократических формальностей майор поднял голову, посмотрел на Костю, насупив брови, и небрежно произнес:

- Что же Вы, лейтенант, себе позволяете?

- Не понял, что именно Вы имеете в виду? - недоуменно на вопрос вопросом ответил Арсентьев.

- Мы Вас давно ждем, а Вы появляетесь только сейчас. Вы неделю назад должны были прибыть в свою бригаду, а не болтаться где-то. Это как понимать? - его лицо налилось красной краской.

То, что слетело с языка майора, поставило Костю в тупик. Он не верил, что подобные нелепые обвинения, сказанные майором, относятся непосредственно к нему. Но, как офицер политотдела, Костя осознавал трагичность своего бесправного положения в ситуации, сопряженной с боевой обстановкой. Он знал много случаев, когда офицера, прапорщика, сержанта, курсанта, любого без разницы, просто оговаривали и дальнейшая участь его (служебная карьера, репутация) была уже предрешена. Попытки доказать свою невиновность выглядели неуместными, и они никому уже были не нужны. Костя понимал, что майор обвиняет его в трусости и дезертирстве, но это ведь безосновательно.

- Товарищ майор, да Вы на отметки «убыл-прибыл» в командировочном удостоверении посмотрите, - пошел в наступление Арсентьев. - Там указано, что я вчера, то есть 18 декабря 1986 года убыл из своей части, дислоцируемой в городе Воронеж. Кстати, там еще написано, что я должен прибыть в свою новую часть именно 19 декабря. А сегодня как раз 19 декабря этого же года. Так что обвинения в мой адрес беспочвенны.

Майор протер носовым платком свой лоб, высморкался в него и нажал на кнопку звонка. Через минуту перед ним появился сержант - помощник дежурного офицера пересыльного пункта.

- Отведешь старшего лейтенанта в расположение и покажешь его койку, - распорядился майор, поставил в командировочном удостоверении штамп «Прибыл 19.12.1986» и вернул Косте документы.

- Позвольте узнать, товарищ майор, когда планируется отправка в мою часть? - поинтересовался Арсентьев.

- Не горячись, лейтенант, успеешь навоеваться - назидательно ответил тот. - Колонна с очередной заменой ушла в бригаду вчера ночью. Следующая пойдет через трое суток. Так что иди, располагайся в кубрике и не забудь продаттестат сдать в строевую часть, а то без ужина останешься.

Казарменное помещение второго этажа было разбито на восемь кубриков. В каждом плотно стояли двухъярусные кровати, которые были заняты прапорщиками, младшими и старшими офицерами. Костя сразу отметил, что среди младших офицеров присутствовали офицеры, призванные из запаса, так называемые «запасники». Они резко выделялись от кадровых офицеров полевой формой одежды и заметными округлыми животами. Да и возраста они были почтенного. Многие были не трезвы.

В кубрике пахло сырыми простынями, сапожным кремом-ваксой, табаком и портянками. Пол давно не подметался: везде валялись газеты, остатки еды, пустые банки

из-под консервов, бутылки и флаконы тройного одеколona. Поставив чемодан на табуретку, она под его весом тотчас же накренилась и развалилась на части.

«Ну что за день сегодня? Час от часу не легче: то одно, то другое. Столько неприятностей в один день - это уж слишком! И сдается мне, что он для меня еще не кончился!» - сетовал Костя.

Он снял с себя шинель, повесил ее на шпингалет оконного проема и присел на кровать. Под его весом сетка кровати прогнулась почти до пола.

- А я что говорил насчет незаконченных на сегодня неприятностей? - Расхохотался Костя, качая головой из стороны в сторону.

Да, уж: белье, кровати, мебель - все из числа б/у (бывшее в употреблении). Это понятно. Попробуй снабдить всех «ликвидаторов», когда их пачками - сотнями и тысячами - везут в «зону».

Арсентьев долго так сидел, переосмысливая произошедшее с ним за этот день. Вдруг он услышал, как его позвали из противоположного угла неосвященного кубрика:

- Ты откуда будешь, землячок?

Приглядевшись, он еле рассмотрел два силуэта в темноте.

- Московский военный округ.

- А мы из Прибалтийского, - ответил один и направился к Косте.

- Действительно, земляки! - засмеялся Костя.

На свет вышел военный в звании капитана автомобильных войск. Офицеры поздоровались и разговорились. К ним вскоре присоединился и другой офицер, тоже капитан. Из их рассказа Косте стало известно, что живут они на пересыльном пункте уже трое суток. Почти все командировочные деньги проели и пропили. От их округа в «зоне» дислоцируется один полк РХБЗ, находящийся северо-западнее Чернобыля, в который они назначены командирами рот.

- Ну, а ты, старлей, куда и на какую должность едешь-то?

- Помощником начальника политотдела по комсомольской работе двадцать шестой бригады химзащиты, - отчеканил Костя.

Капитаны удивленно переглянулись между собой и стали наперебой рассуждать о том, что хоть и «блатная» должность у старлея, ближе к начальству, но часть, в которой Арсентьеву придется служить, уж больно уставная, считается лучшей и передовой в «зоне», что там сплошные комиссии, делегации снуют одна за одной, все по «веревочке» и по «ранжирчику» ходят и так далее в том же духе. Словом, не служба, а ад кромешный, легче повеситься.

Такой бред выслушивать дальше Арсентьев не стал. Он завелся и порекомендовал офицерам отвалить от него куда подальше. Неизвестно, чем бы все кончилось, но в полутемном проходе появился знакомый сержант. Он обратился к Косте:

- Вас, товарищ старший лейтенант, начальник пересыльного пункта вызывает к себе.

- По какому вопросу?

- Не знаю точно. Он находится в 21-м кабинете и ждет Вас.

Костя быстро привел себя в порядок, прихватил вещи и направился к начальству. Постучав в дверь, он вошел в кабинет.

- Товарищ подполковник, старший лейтенант ...

- Проходите Арсентьев. Здравствуйте! Садитесь, - недослушав Костю, коренастый подполковник протянул Косте руку и указал на стул напротив своего стола.

- Меня зовут Иван Васильевич Колесов. Я командую уже полгода здешним пересыльным пунктом. Как видите, работы много, офицеров не хватает, а толковых - тем более. Я вот про Вас осведомился, позвонив в штаб округа. Все отзываются положительно. Предлагаю поступить в мое распоряжение на время командировки. Будете помогать мне: принимать, размещать и отправлять контингент в 30-ти километровую зону. Ни радиации, ни лишних тягот, ни прочих опасностей. Ну, как, согласны?

«Что за черт? - пронеслось в голове у Кости. - Полчаса назад чуть не расстреляли, а теперь блага неземные обещают. Ой, верно русская пословица гласит: от добра - добра не ищут», - уже принял для себя решение Костя.

- Спасибо Вам, товарищ подполковник, за заботу обо мне и такое предложение. Но с ним не могу согласиться, потому что откомандирован я в 26-ю бригаду химзащиты и там меня уже ждут.

Помолчав немного, Костя добавил:

- Там мое место. Лучше бы помогли мне побыстрее отсюда уехать. Мне дежурный майор сказал, что очередная партия в бригаду будет отправляться через три дня.

- Дурак ты, Арсентьев! Пожалеешь потом, да поздно будет.

Подполковник явно нервничал, и мера кабинет шагами, произнес:

- Хочешь ускорить свой отъезд в пекло? Ну, что ж, я тебе помогу.

Он подошел к окну и подозвал к себе Арсентьева.

- Видишь колонну автомашин и автобусов и снующих возле них военных? Это пополнение в 25-ю бригаду химзащиты от Киевского военного округа, которая находится в селе Ораное Иваньковского района, в двух километрах от ждущей тебя бригады. Колонна должна вот-вот двинуться. Договорись с начальником колонны, значит, вместе с ними и подъедешь. Так, что торопись, старший лейтенант.

Глава 5

Встреча с радиацией

Костя на одном дыхании выскочил из кабинета подполковника, по пути застегивая шинель. Подбежав к дежурному майору, он быстро вытащил командировочное удостоверение и обратился к нему:

- Поставьте отметку об убытии из пересыльного пункта.

У того нижняя губа отвисла до стола:

- Чего вдруг?

- Я уезжаю с киевской колонной.

- Во лейтенант дает: часа не прошло, а уже убывает! И чего туда спешить? Что там медом намазано, что ли? - не унимался майор.

Костя вложил документы с отметкой «убыл» во внутренний карман кителя и, наклонившись над столом, за которым сидел майор, резко произнес:

- Не лейтенант, а старший лейтенант, да и слово «товарищ» не забывай, майор, добавлять.

У майора округлились глаза до невероятных размеров. Стоявший рядом сержант рассмеялся от души, да так, что издаваемые им звуки напоминали ржание застоявшегося коня. Его смех сопровождал Костю вплоть до входных дверей.

Тем временем Арсентьев уже летел по направлению к выстроившимся в колонну автобусам и грузовикам. Ему не составило большого труда на радостях преодолеть стометровку по обледенелой аллее до колонны военной техники прогревавшей свои двигатели. Почти все военные сидели на своих местах, лишь группа офицеров стояла в центре колонны полукругом перед офицером в папаше, который, как оказалось позже, проводил служебный инструктаж.

«Вероятно, он и есть начальник колонны, значит, мне к нему», - размышлял про себя Костя, восстанавливая дыхание.

Когда офицеры разошлись, Арсентьев сразу же подлетел к офицеру.

- Товарищ полковник, разрешите с вашей колонной добраться до села Ораное? Я откомандирован в 26-ю московскую бригаду на должность комсомольца политотдела, - на одном дыхании выпалил Арсентьев.

Полковник сложил карту в полевую сумку, одновременно рассматривая появившегося откуда-то из темноты старшего лейтенанта с головы до ног и, посмотрев на часы, произнес:

- Дуй, сынок, в третий автобус с хвоста, будешь там старшим. Отдельный инструктаж получишь на первом привале.

Костя заскочил в открытую дверь автобуса, с трудом втиснув чемодан. Поздоровавшись с солдатом-водителем, он оглядел салон. Автобус был до отказа заполнен «солдатами-партизанами», их вещевыми мешками и коробками с сухими пайками. Свободных мест в салоне не было.

Увидев старшего лейтенанта, солдаты примолкли и с интересом начали его рассматривать.

- Возьмите, товарищ старший лейтенант, для себя складной стульчик, - предложил водитель, поняв, что офицер растерялся. - Ехать нам часа четыре, Устанете стоять.

Тем временем колонна, состоящая из двадцати четырех автобусов и бортовых машин, медленно покинула территорию мотострелковой дивизии и стала вытягиваться на улицы города. По скромным Костиным подсчетам получалось, что эта колонна увозила в «зону» примерно 700-750 военнослужащих.

«Считай, два полнокровных батальона! И это только в одну киевскую бригаду. Очевидно, серьезная обстановочка там складывается! - подумал он».

Когда машины выехали из города, Костя услышал непонятное шевеление и шепот за своей спиной. Повернувшись, он увидел, что солдаты разложили между сидениями съестные припасы, приготовившись к ужину. В салоне автобуса запахло одеколоном и послышались чоканья кружек. В воздухе витали характерные запахи двух распространенных советских парфюмов - «Шипр» и «Тройной». Костя, поняв, что бойцы просто организовали элементарную пьянку в автобусе, в котором он является старшим, от негодования заерзал на стульчике.

Водитель автобуса, увидев Костино замешательство, заулыбался:

- Не обращайтесь внимания, це ж «партизаны», не срочники! Усю горилку они выпили, пока три дня кантовались на пересыльном пункте, теперь вот одеколон добивают. В бригаде с этим, - он щелкнул пальцем по своему горлу, - очень строго, не забалуешь! Я, вот, сколько таких рейсов в «зону» сделал, военных отвозя, не сосчитать. Смертники они!

- Это почему же? - осторожно поинтересовался Арсентьев у водителя.

- Дело все в том, что вернутся обратно они к своим семьям, в свои трудовые коллективы совсем другими людьми. Э-эх, мать честная!

После плотного ужина, сопровождаемого одеколонопоглощением, тридцать «партизан» одновременно закурили в салоне автобуса. Воздух быстро наполнился «табачным ассорти»: «Гуцульские», «Охотничьи», «Прима».

Если запах одеколona и его поглощение «партизанами» Арсентьева лишь расстроили, то курение в транспорте взбесило не на шутку. Не выдержав такой наглости со стороны великовозрастных бойцов, Костя решил все-таки призвать их к дисциплине и организованности.

- А, ну-ка, гарни хлопцы, затушили быстренько свои сигарки, пока до пожара дело не дошло, а то я сейчас по салону из этого огнетушителя пройду, - с раздражением громко выпалил Арсентьев сидевшим солдатам, вытаскивая из-под сидения водителя небольшой металлический цилиндр красного цвета.

Секундное замешательство солдат быстро сменилось массовым выбросом недокуренных сигарет в приоткрытые форточки автобуса.

- Вот будет через час остановка, тогда и курите, - наставлял солдат Арсентьев.

- Да мы, шо, не понимаем, - раздался голоса из салона. - Нельзя, так нельзя.

Время от времени Костя поддерживал непринужденный разговор с водителем, чтобы как можно больше узнать о характере жизни в «зоне», обстановке на самой станции. Да и отвлекать его разговорами надо было, чтоб солдат не заснул за рулем. Скорость колонны держалась в районе 45-60 километров в час. Двигатели монотонно работали, не сбиваясь с ритма, и это радовало.

Через час колонна подошла к Киеву и по объездной дороге, минуя его, помчалась строго на север. Костя лелеял надежду, что колонна обязательно поедет по улицам украинской столицы, и он вновь увидит знакомые места. Два с половиной года назад он в течение трех месяцев учился здесь на курсах усовершенствования политсостава. При первой же возможности он тратил время на то, чтобы побродить по улицам этого древнейшего города и, как любитель истории, поближе познакомиться с памятными местами: Крещатиком, бульваром Шевченко, Киево-Печерской лаврой, памятником Владимира Мономаха и т.д.

Город, в который Арсентьев когда-то был влюблен, сегодня выглядел мрачным, больным и полутемным.

Такая же тьма лежала перед колонной. Тьма, в которой перемешались неопределенность, опасность и страх, неумолимо неслась навстречу колонне и каждому, кто был в ней. Она манила к себе, притягивала, завораживала, пугала и гипнотизировала одновременно. И каждый военный, находящийся в колонне, понимал, что сойти с дороги, ведущей в эту тьму, уже не возможно. Это было их роком, с которым приходило смирение от неизбежного скорого грядущего, от которого ничего хорошего не приходилось ожидать. И только лишь свет фар от колонны, как лезвие бритвы, разрезал чудовищную черноту больше напоминая луч света в царстве мертвых из греческих мифов, везущих этих, пока еще здоровых и полных сил людей, в самое гиблое на тот момент место на земле.

Неожиданно колонна вошла в плотную пелену тумана. Водители резко сбавили скорость, и через пару минут вся техника прижалась к обочине. По колонне от машины к машине понеслись команды старших:

- Привал 15 минут! С обочины не сходить! Всем оправиться между машинами!

Арсентьев, объявил «своим» солдатам переданную команду и посмотрел на часы: было ровно 21.00.

Бойцы шумно стали вываливаться из двух открывшихся дверей автобуса, отпуская в адрес друг друга шутки и подколки. Кое-как растолкавшись, шатаясь ото сна и употребленного парфюма, они встали в одну линию вдоль автобуса и почти одновременно начали мочиться в сторону кювета. «Партизаны» делали свое дело не торопясь, основательно, вероятно полагая, что их мочевые пузыри не являются вещью казенной, поэтому они освобождали их с большим удовольствием. Костя зажег сигарету, разместившись на нижней ступеньке автобуса, и попытался рассмотреть местность, которая окружала колонну. Но из-за плотной пелены тумана не было видно ни зги.

Вдруг совсем недалеко от автобуса раздался душераздирающий крик.

- А-а-а-а! - это даже не крик был, а какой-то гортанный вой.

Душераздирающий крик повторился вновь и вновь, несся с разных сторон, то слева, то справа от автобуса. Кто-то из стоявших возле автобуса бойцов крикнул:

- Хлопцы, геть видселя!

И тут толпа бойцов бросилась обратно в автобус. Костя еле успел отпрянуть внутрь салона. За каких-то пять секунд «партизаны» загрузились в автобус И не важно, кто сел на свое место или упал в проходе на вещевые и чемоданы, главное, что все быстро покинули оказавшееся вдруг опасное место. Их взоры были обращены в сторону только что услышанного крика.

Костя быстро пришел в себя и обратился к вбежавшим в салон автобуса солдатам:

- Что это было? Кто кричал?

Ответ не заставил долго ждать. Из темноты и тумана к передней двери автобуса выплыла фигура небольшого бойца лет сорока.

- Ой, люды добри, допоможить! - задыхаясь от бега, причитал тот.

Он был без шинели и шапки, руками поддерживал расстегнутые штаны.

- Объясните, в чем дело? Что с Вами стряслось? - обратился к нему Арсентьев.

Из бессвязного рассказа бойца удалось узнать следующее. Когда колонна остановилась, и был объявлен привал, этот солдат «мухой» вылетел из автобуса по нужде: живот прихватило. В тумане он споткнулся о что-то одиноко стоящее в поле. Когда солдат поднес горящую спичку поближе к неизвестному предмету, то в глаза бросилась надпись на треугольной табличке: «Радиация!» с соответствующим рисунком. От увиденного он пришел в ужас. Бросив все, что держал в руках, солдат заорал нечеловеческим голосом и стал метаться по полю, чтобы побыстрее покинуть опасное место, пока не натолкнется на стоявшую вдоль обочины колонну военной техники.

Идти за брошенным обмундированием солдат наотрез отказался, даже земляки не могли его заставить. Чувствуя, что колонна скоро тронется, Костя принял решение идти самому. Он поблагодарил водителя, снабдившего его фонариком, и, чертыхаясь про себя на нерадивого солдата, осторожно вышел из автобуса.

Перепрыгнув через кювет, Арсентьев вдруг поймал себя на мысли, что привычные звуки и голоса людей, слабо различимые огни от фар техники как бы сразу исчезли. Он почувствовал каждой клеточкой своего тела невообразимую нарастающую тревогу. Дыхание стало тяжелым, сердце учащенно стучало, а пульсирующие звуки отдавались в висках.

Он направил фонарик перед собой, затем по сторонам. Туман практически поглотил весь свет, сделав его немного матовым и размытым. Костя прекрасно понимал, что туман вызван достаточно теплой погодой, недавно выпавшим снегом и отсутствием ветра. Поэтому он решил сначала найти следы от сапог солдата и уже по ним выйти к брошенным вещам.

Действительно, он очень быстро их обнаружил. Они лежали недалеко от метрового столбика с предупреждающей надписью на табличке о радиационной опасности.

«Ага! Это как раз то, о чем рассказывал солдат», - подумал Костя.

Внезапно он ощутил, что дыхание перехватило, и неприятный холодок проник в живот. Какой-то первобытный страх почти парализовал его, заставив присесть на корточки. Усилив воли, вращая в разные стороны фонариком, он свободной рукой осторожно поднял со снега шинель и шапку солдата и медленно стал отступать назад.

У Кости складывалось впечатление, что от неизвестной силы, которая незримо сопровождает каждый его шаг, отделяет лишь рассеявшаяся полоса света. Ему казалось, что стоит свету погаснуть, как на него навалится нечто невообразимое из темноты. А пока это «нечто» или «некто» сопровождает его своим взглядом и с интересом наблюдает за ним.

Осторожно отступая на полусогнутых ногах назад, Костя вдруг почувствовал, что каблук правой ноги зацепился за что-то, и, не удержав равновесия, он полетел на снег, больно ударившись спиной. Оказавшись на земле, он поймал себя на мысли, что с момента преодоления кювета не слышал ни своих шагов, ни скрипа снега. Даже сейчас, когда упал на снег, не расслышал звука падения собственного тела. Придя в себя, Костя обнаружил, что из руки выпал фонарик, который, ударившись, сразу потух.

Темь и страх сковали волю и действия Арсентьева. Теперь, уже без фонарика, он чувствовал себя совсем незащищенным, безоружным и беспомощным. Кричать, ползти, бежать не было ни сил, ни возможности. С большим трудом Кости удалось приподняться на локте, и тут он увидел, что темнота впереди него стала блекнуть, и на сером фоне неба образовалось еле различимое лицо. Оно больше напоминало неопределенную

клубящуюся субстанцию серо-белого облака, которая переливалась изумрудными и малиновыми вспышками. Эта субстанция смотрела на Костю своими огромными немигающими глазами, проникая в его сознание и подчиняя своей воле.

- Ты испуган? - вопрос адресовался Косте.

Голос был нечеловеческий и звучал отовсюду. Никогда Костя не слышал такого голоса: он был спокойный, но властный, завораживающий и опасный одновременно.

- Кто ты? Что тебе от меня нужно? - выдавил из себя Костя.

- Ты, разве, не понял? - ее глаза угрожающе сузились. - Я хозяйка здешних мест на ближайшие триста лет. Я покину эти края тогда, когда выберу место получше. Что ты делаешь в моих владениях?

- Я не знаю тебя. Мне ничего чужого не нужно. Я ехал не к тебе, - скороговоркой ответил Костя, как бы оправдываясь.

- Как же, как же!? А я много о тебе знаю. Ты не веришь? - от звенящего металлического смеха повеяло холодом, - Тогда посмотри налево.

Костя с трудом повернул голову и увидел быстро пролетающие картинки из своей прожитой жизни.

- А теперь посмотри направо, - не дав Косте опомниться, указало облако.

Кадры его ближайшего и отдаленного будущего быстро сменяли друг друга.

- В моих силах изменить ход истории цивилизаций, народов и отдельных людей. Ты опять мне не веришь? - голос стал наливаясь раздражением. - Посмотри, как может измениться твоя жизнь, если я захочу.

Костя смотрел на мелькавшие перед его глазами кадры и приходил в ужас.

- Достаточно! Просту тебя, остановись! - взмолился Костя.

Он попытался закрыть глаза, чтобы не видеть всего кошмара, но неведомая сила, повелевая им, заставляла смотреть эти сюрреалистические картинки.

- Ну, теперь достаточно? Поверил? - не унималось облако.

- Да-да, поверил! - примирительно и с рабской покорностью произнес Костя. - Но, разве нельзя не вмешиваться в судьбу человека? Пусть каждый выбирает свой путь и делает свою жизнь сам.

- Тебе пока сложно понять, что у всех, кто встретился со мной хоть раз, судьба во многом будет определяться мной и только мной, - назидательно вещало лицо. - Ты скоро убедишься в этом.

Облако беззвучно растворилось, и вновь наступила темнота. Невидимая сила подняла Костю на ноги и толкнула в грудь. В глаза ударил рассеивающийся свет, который вернул его в сознание. Он не понял, как оказался на дороге, его спина упиралась в переднюю дверь автобуса.

- Товарищ старший лейтенант, - послышалось из салона автобуса. Голос водителя заставил Костю повернуться. — Ну, что ж Вы стоите, залазьте.

Устало ввалившись в салон, Костя выронил из рук шинель и шапку солдата.

- Забирай свое барахло, - проронил он, усаживаясь возле водителя. «Партизан» сгреб свое имущество и спросил:

- А шо це было, товарищ старший лейтенант?

- В пяти метрах от дороги табличка выставлена: «Осторожно, радиация!». Это поле, на котором Вы, товарищ рядовой, решили в туалет сходить, заражено радиацией, - прояснил ситуацию Костя.

В салоне народ оживился. Какой-то юморист выдал шутку:

- Ну, все! Ты, паря, первая жертва радиационного облучения!

Второй сразу же подхватил:

- Поделись первыми впечатлениями от облучения!

Третий вместо него отвечал:

- А, что он может сказать, если дозу радиации приняли на себя его яйца и голая задница.

- И, что мне теперь делать? - вопрошал нерадивый солдат со стоящим в глазах ужасом.

- Шить из свинцовых пластинок себе трусы! - добавил юмора кто-то из салона автобуса.

Пока солдаты в автобусе гоготали, Костя обратился к водителю:

- Вы уж меня простите, я фонарик Ваш в поле потерял.

Солдат с удивлением посмотрел на офицера.

- Так вот же он у Вас из кармана шинели торчит, - указал он пальцем на бок Арсентьева.

Костя левой рукой проверил карман, нащупал торчащий из него фонарик, и нажал на кнопку. Яркий луч света пробежал по салону автобуса и осветил застывшие от интереса лица солдат. Теперь и Костя с удивлением смотрел то на водителя, то на оказавшийся непонятным образом в кармане фонарик.

«Мистика, - подумал Костя и посмотрел на часы».

Стрелки показывали 21.05.

«Что ж это получается? С момента остановки колонны прошло всего пять минут? Но так много увидеть пришлось, прочувствовать, пережить за эти пять минут. Нет! Никак не меньше часа прошло... Точно - мистика!»

Воцарившуюся в автобусе тишину нарушил один из военных.

- Товарищ старший лейтенант, - послышалось Косте за спиной. Обернувшись, он увидел солидного мужчину лет сорока с еле различимыми на плечах погонами младшего лейтенанта. - Мы так поняли, что Вы - кадровый офицер. Не могли бы Вы нам об обстановке на атомной станции рассказать? А заодно поясните, что собой представляет эта радиация.

- Признаться честно, - тихо начал Арсентьев, - я знаю о происходящем на самой станции не больше вашего. Установлен саркофаг. Это что-то вроде сундука с висячим замком, - в салоне послышался непринужденный смех. - Самое опасное и тяжелое уже сделано другими. Нам же предстоит убрать и уничтожить разлетевшуюся радиоактивную заразу в полосе зоны отчуждения радиусом в тридцать километров вокруг станции, чтобы она больше никого не смогла убить.

Из глубины автобуса раздался еще голос:

- А как от радиации можно защититься, или мы все обречены?

Вопрос Костю смутил. Он подошел к дверям автобуса, закурил и тихо ответил:

- Никак... Она везде. Слушайте своих командиров. Они для вас и будут защитниками. Четко выполняйте их приказы. Забудьте о расхлябанности и недисциплинированности, будьте бдительны. Радиация никого не пожалеет. Цена ошибки будет высокой. Иначе случится то, что случилось с этим бойцом, - Костя кивнул на провинившегося «партизана» и вышел из автобуса.

В свете фар впереди стоящих грузовиков Арсентьев увидел папаху, пробирающуюся через куривших на воздухе военных. Через минуту к Косте подошел полковник с двумя офицерами.

- Как обстановка, товарищ старший лейтенант? - обратился он к Косте.

Костя приложил руку в воинском приветствии и доложил, что военнослужащие в полном составе находятся в автобусе.

- Что-то тихо у вас.

- Да он, наверное, бойцам сказки страшные всю дорогу рассказывал, вот они и притихли, - вместо Кости ответил сопровождавший полковника майор. Все дружно рассмеялись.

- Шутки шутками, но будьте внимательны. Я пару дней назад сопровождал подобную колонну. После привала мы не досчитались четырех бойцов. То ли сбежали, то ли

сгнули. В общем, они нигде пока не объявлялись, - наставлял полковник. - Через час мы будем уже в селе Ораное в 25-й бригаде. Вы, старший лейтенант, сразу по приезду обратитесь в штаб бригады. Вас до своей части подкинут на дежурной машине. А пока в движении соблюдайте дистанцию с едущей впереди машиной. Дорога скользкая, поэтому следите, чтобы водитель не заснул за рулем.

Офицеры попрощались с Костей, обменявшись рукопожатием.

Через пару минут колонна снова тронулась. Туман растворился, оставив властвовать на дороге снежную пургу. Но, несмотря на темное время суток, гололед и снежные заносы, колонна благополучно прибывала в киевскую бригаду, проведя в пути более трех часов.

Въехав в довольно большое украинское село Ораное, Арсентьеву бросилось в глаза отсутствие человеческого присутствия. Улицы были темны, дома без света и без печного дыма, жителей не видно. Гнетущая пустота и мрачная темнота делали окружающую обстановку в каких-то тридцати километрах от Чернобыльской атомной станции, похожую на лунный пейзаж.

Водитель оживленно стал показывать Арсентьеву расположение различных воинских частей, которые расположились в селе Ораное: стройбат, механизированная колонна, склады, автобат, полк гражданской обороны. И, вот, наконец, 25-я киевская бригада РХБЗ.

Глава 6

Вступая в должность...

Двадцать пятая бригада химической защиты Киевского военного округа находилась на северной окраине села Ораное рядом с дорогой, ведущей к городу Чернобыль. Границы бригады были окаймлены железобетонными столбами с натянутой на них колючей проволокой.

Перед КПП бригады колонна на какое-то время остановилась, затем ворота радушно распахнулись, и все двадцать четыре единицы техники, не спеша, вползли на довольно хорошо освещенную территорию воинской части. Тепло попрощавшись с водителем и бойцами, Костя по указанной ему тропинке направился к одной из трех штабных палаток. Над входом в палатку он увидел табличку, на которой было написано белой краской: «Оперативный дежурный бригады».

Открыв висячий полог армейской палатки, Костя зажмурился от яркого света электрических лампочек. Спертый воздух, насыщенный табачным и печным дымом, ударил в нос. У всех, находящихся в палатке, были усталые глаза. Каждый занимался своим делом: один что-то кричал в телефонную трубку, два офицера сидели у карты, остальные возились у печки-буржуйки. Заметив красную повязку на рукаве капитана в полевой форме, Арсентьев подошел именно к нему, представился, сообщив цель своего прибытия, и попросил выделить дежурную машину для того, чтобы добраться до своей части. Капитан сухо поздоровался с Костей охрипшим голосом с заметным украинским акцентом:

- С приездом, старлей! Все дежурные машины у меня на выезде. Пришлось отправить в «зону», чтобы людей вывезти. Вернутся через пару часов, тогда отправлю тебя до своих. А сейчас садись к печке пить чай. А, ну, хлопцы, - обратился он к офицерам, - накормите человека с дороги.

Офицер в накинутом на плечи бушлате, работавший с картой, не вынимая папироски изо рта, вдруг проговорил:

- А чего же ждать пару часов. Тут до москалей ровно один километр по прямой, можно и пешком прогуляться на сон грядущий. Чай не хворый!

Дежурный капитан на такую реплику лишь поморщился.

- Хиба ж так робить? Ты, Тарас, не влазь, а то ходь до люльки и ей команду! - он резко оборвал заносчивого офицера и тут же обратился к солдату, возившемуся у буржуйки. - А, ну, швыдко набери мне оперативного дежурного московской бригады.

Солдат бросился к телефонному аппарату военной связи ТА-53. Связавшись с телефонистом узла связи, он назвал позывной 26-й бригады. В трубке ответили.

- Направьте дежурную машину в киевскую бригаду за офицером, прибывшим в штаб вашей бригады по замене, - распорядился дежурный капитан.

Затем, повернувшись к Косте, сказал:

- Тягач не раньше, чем через полчаса приедет. Поэтому пока отдыхайте.

Арсентьев, поблагодарив капитана за заботу, взял из рук солдата налитую кружку чая. Он только сейчас почувствовал, как проголодался и очень устал.

В душном помещении и после выпитого чая Костя ощутил сонливость. Дико хотелось спать, и чтоб взбодриться, вышел на свежий воздух.

Он закурил сигарету и стал осматриваться вокруг. Снег маленькими снежинками медленно кружил над прожекторами. Было тихо, лишь вдалеке изредка слышались голоса дневальных солдат из числа дежурных смен. Чтобы как-то скоротать время до прибытия машины, он закурил новую сигарету. Ему, вдруг, вспомнилась дорога сегодняшнего дня и те люди, с которыми ему пришлось повстречаться. Вроде бы разные люди, разные у них судьбы и ценности, но чем-то зацепили, остались в его памяти.

«Вспомню ли я их в своей жизни? Вспомнят ли они обо мне? И какой смысл в этих коротких встречах?» - размышлял Костя, прохаживаясь вдоль палатки, время от времени, выпуская дым в ночное чернобыльское небо.

Со стороны КПП послышался сигнал автомобиля. Клацнула металлическая цепь об открывающуюся металлическую створку ворот, и вскоре к штабной палатке подкатил военный ЗИЛ-130. К Косте подошел невысокий офицер с погонами младшего лейтенанта и красной повязкой на левом рукаве бушлата. Поздоровавшись с Костей, он представился:

- Помощник оперативного дежурного московской бригады химической защиты. Как я понимаю, Вы прибыли к нам?

- Так и есть, - с радостью ответил Костя.

Ответив на приветствие, Костя также представился.

- Тогда давайте грузиться, - предложил младший лейтенант, открывая задний борт грузовика.

Забрав вещи из палатки и поблагодарив офицеров за гостеприимство, Арсентьев уже через минуту держал путь в свою часть.

Действительно, расстояние между двумя бригадами составляло немногим более одного километра. Машина не спеша преодолела подъем, съехала с дороги Иванков-Чернобыль и повернула налево в поле.

Ровное и широкое поле справа и слева поджимал темный и притихший сосновый лес. В двухстах метрах от дороги начинался высокий забор из колючей проволоки. Справа от него разместилось КПП. Сразу же за забором виднелся приличный по своим размерам строевой плац с импровизированной трибуной. Сзади и правее плаца размещалось одноэтажное здание барачного типа, выкрашенное темно-зеленой краской, которое и являлось штабом бригады. За штабом разместились вагончики офицерского состава и ангарные конструкции батальонных столовых и складов (продовольственного и вещевого). За плацем виднелись строгие линии взводных палаток, которым не было видно конца. А вдалеке, почти на горизонте, маячил отдельно освещенным пятном автомобильный парк бригады.

Подъехав к самому штабу, Костя доложил о своем прибытии оперативному дежурному по бригаде. Тот проверил документы, записал его данные в служебный журнал и отправил в кабинет №5 со словами:

- Там Вас ждут.

На двери он увидел прибитую табличку с надписью: «Политотдел». Костя кашлянул в кулак, преодолев волнение, постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. В довольно просторной комнате, заставленной пятью канцелярскими столами, имеющей единственное окно, заваленное газетами и другими бумагами, сидел за печатной машинкой старший лейтенант.

- Здравия желаю, и разрешите войти, - произнес Костя. - Мне сказали, что меня здесь ждут.

- Ты комсомольцем бригады назначен? - поинтересовался незнакомый офицер.

- Да, я. Очевидно, тебя мне предстоит менять? - поинтересовался Костя.

- Меня, меня. Наконец-то... А то заждался весь, спасу нет! Кстати, ты чего так долго ехал? Две недели назад ты должен был меня заменить, а появился только сейчас. Все, небось, от бабских «титек» оторваться не мог...

Арсентьев непроизвольно поднес руку с часами к глазам. Стрелки показывали 23.55. «Значит, этот мистический день - 19 декабря - для меня все еще продолжается, - мрачно подумал Костя. - Наверное, запомню его на всю оставшуюся жизнь».

- Вообще-то, - посмотрев на его погоны защитного цвета, на которых Костя различил три маленькие зеленые звездочки, - товарищ старший лейтенант, я только вчера утром получил приказ о моем откомандировании в Чернобыль, а вечером уже уехал. Добирался на перекладных из Белой Церкви, задержавшись там всего на один час. Я твой сменщик, а ты даже поздороваться со мной не желаешь. Кто тебя две недели назад обещал сменить, у того и спрашивай! Но не меня. Ты меня, парень, с кем-то путаешь, это точно! И, еще: вместо того, чтобы по-человечески свою смену встретить, ты хамить мне вздумал. Ответить тебе таким же образом, или прямо сейчас в лоб дать? Выбирай?

- А ты обиделся, я вижу. Посидел бы здесь с мое! - уже примирительно и, как бы, оправдываясь, проговорил старший лейтенант.

- Ну и сколько ты здесь находишься? - не унимался Костя.

- Да ровно два месяца. Весь состав политотдела сменился давно, а меня все не меняют, - чуть не плача, запричитал сменщик. - Ладно, утро вечера мудренее. Пойдем, я на ночлег тебя определю. Вещи оставляй здесь. Ровно в семь я тебя буду ждать в этом кабинете, да, смотри, не опаздывай. Поведу тебя представлять начальнику политотдела и командованию бригады.

Офицеры вышли из штаба и направились по аллее вдоль солдатских палаток. Аллея была вычищена от снега до асфальта. Возле палаток каждого ротного подразделения находились грибки, под которыми стояли дневальные, приветствовавшие офицеров, прикладывая руку к головному убору. Внешне ощущалось присутствие воинской дисциплины, порядка и организованности.

Пока офицеры шли по территории бригады, сменщик пытался ввести Костю в курс дела.

- Не повезло тебе с начпо, суровый мужик. Я с ним вот уже неделю служу, а он меня уже замучил. Приходилось аж на станции от него прятаться. Все только и требует «положительного результата в работе». Офицеры политотдела ...

- Послушай, я до того устал, что «моя твоя - не понимай». Предлагаю с делами завтра разбираться, - Костя не скрывал своего раздражения к этому человеку.

А тот, не унимаясь, все болтал и болтал, рассказывая о себе... Леша Герасимов до направления в 26-ю бригаду служил помощником начальника политотдела по комсомолу Горьковского военного гарнизона. В 26-й бригаде служил справно, но под любым предлогом уезжал в Киев и отдыхал там по полной программе. Вскоре познакомился с

миловидной девушкой, продавщицей канцтоваров, часто проводил с ней время, а после окончательного убийства из бригады, мечтал провести с ней пару-трое суток, и лишь потом двигать домой.

У Кости после услышанного появилось желание врезать этому козлу по роже. Пять минут назад эта сволочь безосновательно упрекала его «титками», а сам их здесь, оказывается, не отпускал?

Костя остановился, повернулся для удара, глядя, не мигая, в приоткрытый рот Герасимова. Но что-то остановило его отрезвляющими вопросами: «Зачем тебе мараться? Тебе нужны личные неприятности? Такие люди, как Герасимов, были, есть и будут. Пусть уж не я, а жизнь его проучит». Арсентьев тяжело выдохнул, сплюнув себе под ноги, и продолжил движение.

- Ну, вот мы и пришли, - радостно проговорил Герасимов.

Они остановились у крайней палатки. В пяти метрах от нее заканчивался забор из колючей проволоки и все освещение расположения бригады. Дорога поворачивала направо и далее вела в парк автотехники.

- Иди, располагайся! - Герасимов кивнул в сторону крайней палатки и, развернувшись, быстро пошел по аллее.

Костя откинул полог палатки и вошел внутрь. Слева у входа возле железной печки-буржуйки он увидел солдата, который подбрасывал в огонь дрова. Боец поприветствовал офицера и показал кровать для отдыха поближе к печке, порекомендовав не снимать шинель, поскольку в палатке было немногим теплее, чем на улице. Уходя, он пообещал разбудить Костю в 6 часов утра.

Арсентьев осмотрел палатку. В ней находилось еще с десятков кроватей без постельных принадлежностей. На полу, прямо на земле, лежали доски. Возле печки были свалены деревянные березовые чурки. Костя подкинул еще пару полениц в печь, улегся на кровать поверх одеяла, не снимая ботинок, и укрылся своей шинелью. Он только сейчас почувствовал физическую усталость: ныла спина, гудели ноги.

Действительно, очень хотелось спать, но сон не шел. Лежа с закрытыми глазами, Костя явственно вспомнил картинку прожитых суток. Необъяснимое волнение нахлынуло на него, когда Костя вспомнил встречу с непонятным явлением на дороге и с тем прошлым и будущим, которые оно продемонстрировало ему.

«Господи, сколько же событий вместились в этот день - 19 декабря? - задал он себе вопросы. - И сколько еще предстоит пережить?»

Он перевернулся на другой бок, чтобы отгородиться от тяжелых мыслей и надвинул на голову шинель. Медленно согреваясь под ней и слушая гулкие удары своего сердца, он подумал о своей семье, которую оставил в холодном заснеженном городе. Сейчас ему оставалось лишь молить бога, своего бога, чтобы с его родными ничего плохого не случилось, пока он будет находиться здесь, куда, наконец, добрался.

С такими внутренними переживаниями ближе к глубокой ночи он все-таки забылся в тревожном сне.

Костя проснулся от шороха открывающейся палатки.

- Товарищ старший лейтенант, Вы проснулись? - раздался голос солдата-истопника, увидев, что офицер зашевелился. - Уже шесть утра.

Арсентьев поблагодарил солдата, поднялся с кровати, накинул шинель и шагнул в темноту.

«Пора привести себя в порядок, помыться, побриться, чтобы предстать перед начальством в подобающем виде», - подумал Костя и направился в штаб части.

По дороге ему встречались одиночные солдаты и офицеры в бушлатах, спешащие по своим делам. Некоторые с любопытством рассматривали офицера в шинели. Лишь дневальные из суточного наряда усердно орудовали лопатами и широкими совками,

убирая выпавший за ночь в большом количестве снег, не обращая на Арсентьева никакого внимания.

В штабе Костя попросил уже знакомого младшего лейтенанта открыть дверь кабинета политотдела. Взяв все необходимое из чемодана, Костя быстро совершил утренний моцион в туалетной комнате штаба, брызнул на лицо освежающий одеколон и через пять минут был готов встречать начальство. Настенные часы показывали 06.30 утра.

На столе Арсентьев заметил подшивку старых газет «Красная звезда». Он приставил стул поближе к столу, стал перелистывать старые газетные листы в надежде увидеть какую-либо информацию о чернобыльской аварии.

Негустая подшивка старых газет содержала десяток выпусков за последние три месяца. Костины глаза блуждали по страницам, но ничего об интересующей его теме, он так и не увидел. Напротив, передовицы, корреспондентские статьи и даже повседневные новости неутомимо повествовали о передовиках социалистического соревнования воинов армии и флота. Статья о подвиге солдата в Афганистане так увлекла Арсентьева, что он сразу не заметил, как дверь в кабинет открылась и в проеме показалась фигура офицера в танковом бушлате.

- Кто таков, почему не знаю? - вопросом, не терпящим возражений, обратился он к Косте.

- Старший лейтенант Арсентьев. - Поднявшись, представился Костя. - Прибыл вчера ночью на должность помощника начальника политотдела по комсомольской работе, - четко доложил тот.

- Ах, вон оно что! А, ну-ка, иди за мной, - скомандовал офицер и направился к соседней двери, на которой была привинчена табличка: «Командир части».

Арсентьев появился в дверях и спросил разрешения войти. В кабинете за Т-образным столом восседал офицер с погонами подполковника. Вальяжно развалившись в кресле, он продолжил.

- Значит, политотделец?

- Так точно, товарищ подполковник.

- А знаешь ли, политрабочий, куда ты попал? В курсе, чем будешь здесь заниматься? - засыпал вопросами подполковник.

- Чем конкретно я буду на новом месте службы заниматься - скоро узнаю от командира бригады и начальника политотдела. Но одно я знаю точно: я направлен для участия в ликвидации последствий аварии на атомной станции, - коротко ответил Арсентьев.

- Ишь, какой весь правильный, - не унимался подполковник. - Да я знаю, какого х...я ты сюда приехал! Небось, сорвать орден захотелось? - вдруг перешел на крик подполковник и подался всем телом вперед. - Я тебя, с...ка, насквозь вижу, но я тебя здесь сгною!

В коридоре в этот момент послышались приближающиеся чьи-то шаги.

- Что здесь происходит? - раздался за спиной Арсентьева грудной голос.

Сделав шаг в сторону и повернувшись на голос, Костя увидел в дверях кабинета седого усатого полковника в афганском бушлате.

- Да, вот, прыткого старшего лейтенанта воспитываю, - кивнул подбородком в сторону Кости подполковник. - А то присылают сюда всяких рвачей.

Полковник, не дослушав последних слов, обратился к Косте:

- Выйдите из кабинета, закройте за собой дверь и подождите меня в коридоре.

Ответив «есть», Костя шагнул в коридор. За закрытой дверью послышался разговор на повышенных тонах. Арсентьев, испытывая некую неловкость, направился в сторону комнаты оперативного дежурного. Увидев Костю, из дежурки вышел капитан.

- Кто эти офицеры? - поинтересовался у него Костя.

- Седой полковник - это начальник политотдела бригады Батраков Анатолий Николаевич, а подполковник в танковом бушлате, так это старый командир нашей части Новохатский. Слава богу, что он сегодня уезжает, а то замучил весь личный состав своими пьяными выходками, матом и бестолковыми приказами. На смену ему прибыл подполковник Шариков и с сегодняшнего дня он официально вступает в должность командира бригады. Кстати, Шариков второй раз командует нашей частью: он первым комбригом привел часть на это место в мае этого года, - проинформировал Костю капитан.

Вскоре в коридоре штаба показалась фигура начальника политотдела.

- Арсентьев, заходите ко мне, - пригласил полковник Батраков.

Кабинет начальника политотдела представлял небольшое помещение, в котором еле вмещались стол, пять стульев, небольшой сейф и три телефона. На столе лежала стопка позавчерашних газет. Полковник достал пепельницу, папиросы «Беломорканал» и, вздохнув, закурил.

- Ну, что же, с прибытием в бригаду, комсомол! - обратился он к Косте и улыбнулся. - Не обращай внимания на этого офицера, больше ты его не увидишь. Он сегодня уезжает. А теперь давай знакомиться.

Полковник кратко рассказал о себе. Анатолий Николаевич являлся заместителем начальника политотдела Костромского командного училища химической защиты, прибыл в бригаду неделю назад. Он в общих чертах ознакомил Костю с задачами бригады по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и с обстановкой на станции.

Костя также в двух словах рассказал о себе, на что начальник политотдела отреагировал лишь парой вопросов:

- Сколько детей у тебя, Костя?

- Один ребенок, сын, товарищ полковник, - с достоинством ответил тот.

- Это хорошо, что сын. А почему один?

Костя несколько растерялся от такого вопроса сугубо личного характера, ведь у него подобное никто никогда не спрашивал.

- Подумывали с женой о втором ребенке, но чуть попозже, пусть сын подрастет, - скромно ответил Арсентьев.

- Понял ли, комсомол, почему я у тебя это спрашиваю? Дело, которым ты вместе с нами будешь заниматься здесь, повлияет на то, что ты не сможешь больше иметь детей. А если и родится от тебя ребенок, то, скорее всего, будет инвалидом по жизни.

- Я приблизительно догадывался об этом, - сознался Костя и опустил голову. - Но я же офицер. Не я выбирал себе службу, это она меня направила сюда.

- Ладно, - примирительно сказал Анатолий Николаевич. - Что касается твоей службы здесь, то об этом поговорим вечером, поскольку мне на станцию пора ехать. Личный состав бригады уже на месте. А сейчас тебе следует сходить на завтрак, затем познакомиться с офицерами политотдела, сдать командировочные документы и стать на все виды довольствия. В повседневном обмундировании чтоб я тебя не видел. Тебе следует побыстрее переодеться в полевую форму. Сегодня принимай все дела у Герасимова, а завтра поедешь на станцию. Свободен.

Костя вышел от начпо и направился в кабинет напротив, где размещались все офицеры политотдела. Постучав в дверь, он вошел и увидел двух военных в полевой форме. Представившись, он протянул руку для приветствия.

Офицеры заулыбались и охотно поздоровались. Это были - начальник клуба капитан Павел Коршунов и инструктор политотдела по организационно-партийной работе старший лейтенант Борис Дашинский. Паша был кадровым офицером, среднего роста, худощав, строен и очень подвижен. Высокому и немного сутуловатому Борису, призванному из запаса, было чуть за тридцать лет.

- Так, Костя, - тоном, не терпящим возражений, начал знакомство Борис, - сейчас уже семь утра. Пойдем со мной, я покажу тебе столовую. Война войной, а завтрак - по распорядку, - перефразировал тот поговорку.

Следуя в направлении столовой, Борис знакомил Костю с объектами бригады:

- Слева от нас находятся вагончики офицеров управления бригады и батальонов, а справа видны одинаковые металлические ангары. Это и есть столовые. За ангарами, на расстоянии пятидесяти метров, - щитовые домики. Это - бани батальонов. Кстати, мы тоже в них моемся. За банями ближе к лесу находятся туалеты, сшитые из досок и побеленные известью, поэтому они плохо видны на снегу. Но протоптанные к ним тропинки укажут верное направление. Вообще-то, - подытожил Боря, - в туалет сходить здесь большая проблема.

- Почему? - удивился Костя.

- Скоро это сам поймешь и прочувствуешь на себе, - искренне рассмеялся он.

Столовая представляла собой ангарное сооружение, в котором одновременно принимали пищу личный состав двух батальонов бригады. Внутри ангара было отгорожено небольшое помещение, где кушали офицеры управления бригады и командование этих батальонов. Несмотря на большое количество принимающих пищу людей, и солдатская, и офицерская столовые были идеально чистые. Обслуживающий персонал столовых одет в белые куртки, то тут, то там слышались покрякивания на них и команды дежурного по столовой.

Разместившись за столом, застеленной белой скатертью, к офицерам подошел официант - солдат срочной службы.

- Товарищи офицеры, - обратился он, - завтрак давно закончился, поэтому могу предложить только чай, масло, хлеб и печенье.

Костя, всегда довольствующийся малым на завтрак, согласился, а Борис стал дальше инструктировать своего нового коллегу. Из его рассказа стало ясно, что распорядок дня организован очень жестко из-за создавшихся здесь особых условий службы и выполняемых заданий: подъем в бригаде в 5.00, завтрак в 5.30, развод личного состава бригады, убывающего на станцию, в 6.00. Колонна автотехники с личным составом трогается в 6.30 в направлении города Чернобыль (это где-то 20 км от расположения бригады). Не доезжая пяти километров до него, личный состав на специальной площадке пересаживается в «грязную» (т.е. зараженную радиацией) технику, которая не может быть выпущена из «зоны» постами специального радиационного контроля и дальше следует 9 км до станции. После обязательных переодеваний в спецодежду и общего построения, личный состав не позднее 8.00 приступает к выполнению поставленных командованием задач. С 13.00 до 14.00 военнослужащие бригады обедают в специально отведенном на станции помещении. Работы прекращаются в 18.00, и через полчаса колонна организованно отправляется в бригаду. В 20.00 - в бригаде ужин, в 21.00 - отбой.

После завтрака офицеры направились в штаб. Зайдя в кабинет политотдела, Костя увидел Герасимова, оживленно о чем-то говорившего с полным прапорщиком.

- Ну, наконец-то, появился мой заменщик, - с раздражением начал он. - Где тебя черти носят? Я тебя уже заждался.

- Я, как мы условились вчера, прибыл в штаб к семи утра, а вместо тебя мне пришлось встретить старого комбрига, самому познакомиться с начальником политотдела и другими офицерами, которые уже без тебя ввели меня в курс дела. А ты, Герасимов, так обрадовался смене, что на радостях проспал подъем, - парировал Костя, прозрачно намекая на перегар, исходящий от него.

- Давай перейдем к нашим делам, - предложил Герасимов. - Вот, знакомься со своим подчиненным, - он повернулся в сторону прапорщика. - Это - Олег Турыгин, направлен сюда в должности инструктора политотдела по комсомольской работе. Прибыл вчера днем.

Костя приветливо протянул руку прапорщику, представившись. Как оказалось, Олег был на четыре года моложе Кости, служил в такой же должности в строительных частях в городе Смоленске. В его глазах читались интерес и настороженность к своему новому начальнику.

- Мне уже начпо поставил некоторые организационные задачи, - начал Костя, посмотрев на часы, - поэтому я пошел становиться на все виды довольствия, переодеваться, да еще надо решать вопрос с размещением на ночлег.

- Возьми с собой и Олега, - попросил Герасимов, - а то он вчера не успел по службам пройти.

- Естественно, все же полдня в закрытом вагончике проговорили за бутылочкой, - с подколкой ответил Дашинский.

С тем и разошлись, условившись, что они встретятся для приема-передачи дел через пару часов.

Когда с формальностями в штабе было все улажено, Костя с Олегом проследовали к вещевому складу бригады. Идти было недалеко, минут пять, и все это время они беседовали, ближе знакомясь друг с другом.

- Послушай, Олег, - обратился Костя, - что ты мне все «выкаешь». Давай условимся так: промеж себя мы общаемся на «ты», при начальстве - держим субординацию. Все же одно дело нам предстоит делать, к тому же в такой непростой обстановке. А положиться придется, как я понимаю, только на самого себя и своего верного товарища, если он есть. Идет?

Олег охотно согласился и пообещал, что готов не подвести своего нового начальника.

Возле склада ребят поджидал пожилой прапорщик - начальник вещевого склада, который, добродушно поздоровавшись, провел их вовнутрь. Склад представлял собой ангарное помещение, доверху набитое новым военным обмундированием: здесь были разложены по размерам - утепленные куртки и шаровары, хлопчатобумажная военная форма, зимние шапки, солдатские ботинки и сапоги, двупалые рукавицы и форменные перчатки, белоснежное нижнее белье.

Костя и Олег бросились примерять обмундирование.

- Обязательно возьмите солдатские сапоги, вместо ботинок, зима на дворе, меньше ноги мерзнуть будут, - наставлял их пожилой прапорщик. - Да и валенки прихватите.

- А валенки-то зачем? - недоуменно вопрошал Олег. - На улице 2-3 градуса мороза, к тому же здешние места, как меня до командировки инструктировали, считаются довольно теплыми. Мороз никогда ниже 10 градусов не опускался.

- Какой ты, паря, настырный! Бери, бери, опосля меня благодарить будешь, Фома не верящий, - упрекнул Олега старый прапорщик.

Поскольку температура воздуха внутри склада была не на много выше, чем снаружи, то ребятам пришлось быстро переодеться и переобуться. Свою повседневную форму, в которой они приехали, аккуратно упаковали в плотные целлофановые пакеты и мешки. Расписавшись в ведомостях о получении обмундирования, они взвалили на себя упакованную форму и направились в вагончик, в котором уже устроился Олег. В нем находился Герасимов.

- Вот, Костя, это моя кровать и тумбочка. Теперь они твои, располагайся. Я уже подсуетился с приказом. Ты этим приказом назначен на должность, а я освобожден, так, что сегодня в 18.00 я на попутной машине из бригады еду сразу в Киев. Твой чемодан и дипломат я уже принес. Так что приходи в штаб принимать дела.

Разместив свои вещи, Костя осмотрел вагончик. Он представлял собой помещение, состоящее из трех отсеков. Средний отсек являлся прихожей или тамбуром в метр шириной. Здесь же размещалась небольшая печка (как затем оказалось - не рабочая), умывальник и место для обуви и верхней одежды. Справа и слева от тамбура за дверями находились спальные помещения, нареченные в народе кубриками. В них жили пять

офицеров политотдела и прапорщик - командир комендантского взвода, которые в этот момент находились на станции.

В каждом кубрике были размещены по три кровати, три тумбочки и столько же электрических печек. В вагончике было хоть и тесно, но уютно. Одно единственное небольшое окно в кубрике еле пропускало утренние лучи зимнего солнца.

Пока Олег размещал свои вещи, Костя вышел покурить на улицу. Действительно, погода как бы успокаивала. Мелкий-мелкий снег неторопливо опускался на землю, весело поигрывая солнечными лучами и нехотя покрывая сосновый лес и эти временные постройки.

Оглянувшись, Костя увидел, что порядка пятнадцати таких же вагончиков образуют круг, а вдоль вагончиков протоптана дорожка.

- Кого приехал менять, служивый? - вдруг послышался голос справа от Кости.

Повернувшись на незнакомый голос, Костя увидел улыбающегося майора, который шел быстрым шагом в его сторону. На его небритых щеках были видны кусочки ваты, под подбородком висел марлиевато-ватный респиратор. Костя спрыгнул с крыльца и направился навстречу майору.

- Здравия желаю, товарищ майор! - козырнув, поздоровался Костя. - Старший лейтенант Арсентьев. Сегодня ночью прибыл на должность комсомольца бригады.

- То-то я смотрю, незнакомый военный без знаков различия в офицерском блоке беспечно балдеет. Теперь давай знакомиться: я - замполит 6-го автомобильного батальона бригады майор Лепешкин Павел Ильич. - Он протянул руку Косте. - Мой вагончик находится по соседству, в нем живут офицеры управления батальона. Стало быть, будем соседями. Откуда приехал?

- Из Воронежа.

- Значит, земляки. А я служу замполитом батальона в полку гражданской обороны на Нововоронежской АЭС, - радостно произнес майор. - Ты, Костя, удачно приехал. Дело в том, что наша бригада как раз на границе зоны отчуждения находится, а это значит, что радиация здесь и повсюду. Я месяц назад приехал сюда и захватил тот период, когда люди даже по территории бригады в респираторах ходили, чтобы меньше радиоактивной пылью дышать. Но два дня назад выпал первый снег, который прибил пыль к земле, теперь хоть дышать полегче будет.

Он посмотрел на часы и на прощанье сказал:

- Сейчас заберу кое-какие документы и опять на станцию, пора к своим. Так что еще увидимся, комсомол.

Костя направился в свой вагончик.

- Олег, ну ты устроился?

- Да, жить можно, не хуже, чем в стройбате, - весело ответил тот, загружая что-то в тумбочку.

- Я так не думаю, - раззадорился Костя. - К примеру, где Ваши знаки отличия, товарищ прапорщик? - спросил он, подавляя в себе смех.

Олег с недоумением осмотрел свой живот, зачем-то осмотрел руки, многозначительно произнес: «А-а!» и посмотрел на себя в зеркало.

- Нет, нет, я подшивать подворотничок официально не буду. Я не солдат, а прапорщик, - гордо заявил он.

Костя, наконец добродушно рассмеявшись, пальцем ткнул в защитного цвета погон Олега:

- При чем тут твоя шея? Я имею в виду звездочки, которые следует пришпандорить к погонам, а то ходишь, как рядовой. Заодно и подворотничок подшить не забудь.

- А ты сам-то, почему без знаков различия? - ехидненько поинтересовался Олег.

- Забываетесь, товарищ прапорщик, с начальником все же разговариваете, а старшим куда не заглядывают! - без злобы ответил Костя, улыбувшись Олегу.

Через полчаса звездочки защитного цвета были приделаны к погонам бушлатов и курток, подшиты белым материалом воротнички гимнастеров. К новому облику под стать были портянки и солдатские сапоги. Все, теперь можно и дела по должности принимать.

В кабинете политотдела находились два офицера. Старший лейтенант Дашинский был в тот день дежурным по политотделу и, будучи по должности секретарем партийной комиссии, уединился за столом у окна, чтобы запротоколировать прошедшее на днях заседание. Сидевший в одиночестве Герасимов, уже рассчитался с частью, получил командировочные деньги за время нахождения в зоне и проездные документы, и поджидал сменщиков. Появление Кости и Олега он встретил радостно:

- Вот вам документация, - бросил он на стол небольшую тетрадь-скоросшиватель. - Получите и, как говорится, распишитесь.

- Подожди, - успокоил скорого Герасимова Костя. - Давай выкладывай все по порядку: список секретарей комсомольских организаций батальонов, отдельных рот и взводов, других подразделений, список комсомольского актива, качественный и количественный состав членов ВЛКСМ подразделений, награжденные и представленные к наградам правительства страны и ЦК ВЛКСМ воины-комсомольцы и за что...

- Ну, ты хватил, Арсентьев! - оборвав Костю на полуслове, громко воскликнул Герасимов. - Я целых два месяца был один. Каждый день я был на станции, поэтому, когда у меня было время все то, о чем ты говоришь, вести? А теперь вас двое, к тому же у тебя инструктор по комсомолу есть. Озадачь его, пусть он и подготовит эти сведения.

Тут встрепнулся Олег:

- Какого хрена ты мною командуешь? У меня есть свой начальник, - покрылся красной краской Олег и посмотрел в сторону Кости. - Небось, вчера за моей бутылкой совсем другое говорил.

- Что именно? - поинтересовался Костя.

- Советовал ежедневно на станции бывать, чтобы оплата за ходки шла и меньше в бригаде с начальством встречаться.

- Ах, вон оно что, - поразился таким откровением Арсентьев. - Ты тут шаровиком-затейником устроился, а другие пусть за тебя твою же работу делать будут? Не хило придумал, товарищ!

Побелевший Герасимов, сквозь сжатые губы процедил:

- Ни х...я подобного, приказ о твоём назначении уже подписан новым комбригом, так что теперь ты несешь ответственность за комсомольскую работу. А с частью я уже рассчитался. Счастливо оставаться!

Через секунду он скрылся за дверью, сильно хлопнув ею.

Неприятный осадок остался на душе у Кости после разговора с Герасимовым. Придя в себя, Олег выдал:

- Вот козел!

Дашинский оторвался от своей писанины и, повернувшись к Косте и Олегу, сказал:

- Я вот тут не вмешивался в ваш разговор, хотя все слышал. И скажу вам следующее, ребята. Чувствую я, что свое дело вы знаете хорошо. Поэтому, исходите из того, что есть на сегодняшний день. Все недочеты, которые имеются, вы быстро устраните. Офицеры политотдела, да и я, поможем вам в становлении и, уже через неделю, вы будете опытными сотрудниками. А, что касается Герасимова, то комсомольским работником он был никудышным: никто его толком не знал, в деле не видел, ничего толкового для бригады он не сделал, комсомолом руководил из рук вон плохо. Так, что отпустите вы его, пусть он катится отсюда к едрене фене.

- Пойдем-ка, Олег, для начала по палаточному городку пройдемся, посмотрим, как солдаты и офицеры живут, пообщаемся с ними, - потянул за собой Олега Костя.

- И то дело, - согласился Олег и вышел за Костей, прихватив тетрадь.

Выйдя из штаба бригады, Костя обратился к Олегу:

- Слушай меня внимательно, дружище: считай, что пару часов назад началась наша служба в новой части, но со старыми обязанностями. Спрашивать за работу с нас, а точнее, с меня, будут жестко, а я не привык, чтобы с меня снимали стружку за свои пролеты и своих подчиненных. Поэтому, я спрашиваю тебя, Олег: ты будешь работать со мной или болтаться между ногами?

От суровости и прямоты таких слов Олег несколько растерялся, но быстро подобрался и ответил:

- Я лучше буду с тобой, Костя! Вот увидишь, что я тебя не подведу.

- Вот и славненько... А теперь пошли нашу работу делать, за которую, между прочим, сегодня вечером мне предстоит отчитываться.

Ребята направились в сторону палаточного городка. Они подошли к первой палатке, возле нее под грибком стоял дневальный 1-го батальона.

- Дежурный по роте, на выход! - прокричал он.

Через мгновение из палатки появился дежурный сержант. На вид ему было лет двадцать пять. Подбежав к Арсентьеву, он приложил правую руку к шапке, представился:

- Товарищ старший лейтенант, дежурный по 1-й роте 1-го батальона сержант Крыжинков. Позвольте узнать цель вашего прибытия.

- Я являюсь новым помощником начальника политотдела по комсомольской работе, фамилия моя Арсентьев. Прапорщик Турыгин - мой инструктор. Не могли бы Вы показать нам расположение батальона?

- Конечно, следуйте за мной, - ответил сержант.

Он уверенно прошел к первой палатке, отдернул полог и рукой пригласил войти.

- Личный состав взвода находится на станции, - стал рассказывать сержант. - В расположении находятся три военнослужащих, которые заступают сегодня в наряд. До обеда они заготавливают дрова для печки, поддерживая тепло в палатке, наводят порядок внутри, проводят дезактивацию и представляют помещение для контрольной проверки врачам-радиологам.

Костя для себя отметил четкий однообразный порядок в палатке, чистый дощатый пол, застеленный толстой пленкой. Двухъярусные солдатские кровати были выровнены и застелены аккуратно. Личные вещи сержантов и солдат находились на своих местах. Такое же положение было и в других палатках. Всюду чувствовались и зоркий командирский глаз, и забота политработников, и умение старшин приспособиться к суровым полевым условиям и создать элементарные удобства для подчиненных.

- А теперь, проведите нас в Ленинскую комнату, - попросил сержанта Арсентьев.

Углубившись на территорию палаточного городка, они подошли к обычной палатке, над входом которой была приделана табличка «Ленинская комната». Внутри, помимо мирно потрескивающей от огня буржуйки, стояли несколько столов, стульев, за которыми сидели пять солдат. Одни смотрели цветной телевизор, другие читали или писали письма домой.

- Вы найдете пять минут для общения с нами? - Костя обратился с вопросом к дежурному.

- Охотно, - ответил сержант и пригласил офицеров разместиться за столом.

Из разговора выяснилось, что сержант Крыжинков является секретарем комсомольской организации 1-й роты 1-го батальона, срочную службу прошел пять лет назад в воздушно-десантных войсках и вот уже месяц в бригаде командует отделением радиационной и химической разведки. Из 165 человек роты комсомольцами являются 58 солдат, сержантов и офицеров. Он четко проинформировал о задачах, решаемых ротой, об объектах, где работает личный состав, состоянии воинской дисциплины.

Поговорив еще немного, Костя отпустил сержанта исполнять свои служебные обязанности. Тем временем Олег пролистал переданную Герасимовым тетрадь и, почесав затылок, произнес:

- Это мы удачно зашли. Уже складывается кое-какое представление о размещении личного состава подразделений, опять же, с их комсомольскими вожаками знакомимся. Теперь надо правильно и полностью обновить все фамилии актива, уточнить численность комсомольцев, их социальную характеристику и т.д. Это я беру на себя, если ты не возражаешь. Думаю, что за пару дней у нас будет собрана подробнейшая информация.

- Отлично, - одобрил предложение Турыгина Костя. - Не даром мудрецы говорили: «ищите и обрящете». А сейчас нам нужно пойти во все батальоны и отдельные подразделения и получить возможную на этот момент информацию. Вечером, когда батальоны вернутся на базу, нужно собрать комсомольский актив бригады в одном месте, познакомиться с каждым поближе и определиться по основным вопросам. За работу.

И, действительно, работа закипела. Костя с Олегом до обеда быстро обошли все батальоны. Многие им стало понятно, еще больше они узнали для себя и для будущего дела, для которого они и прибыли сюда.

Незаметно пролетело время. В офицерской столовой было немногочленно, поскольку практически весь военный люд в это время находился на станции. Однообразное меню состояло из качественно приготовленных блюд, куда входили гороховый суп с мясом, картофельное пюре с двумя котлетами, компот из сухофруктов, салат из соленых огурцов и свежего лука. Обед был приготовлен в котлах на дизельных форсунках, размещенных на улице с тыльной стороны ангаров.

Надо отдать должное офицерам тыла бригады, которые постоянно находились при каждом приготовлении пищи, контролировали этот процесс, следили за качеством пищи, отслеживали санитарную безопасность помещений и полноту положенных порций. Не было ни одного случая желудочных расстройств у военнослужащих бригады, ни одного замечания от медицинских работников по работе наряда по столовой, потому что элементарное разгильдяйство могло привести к трагическим последствиям. И это все прекрасно понимали. Такое обстоятельство заставляло командование предпринимать действенные меры для создания условий, препятствующих заболеванию личного состава.

Костя обратил внимание на одну интересную деталь: перед входом в столовую одежду и обувь каждого военнослужащего, независимо от воинского звания и должности, тщательно обследовали два врача-радиолога специальными приборами. И, если они обнаруживали радиоактивную пыль на одежде или обуви, то обязательно направляли такого военного переодеваться. Между двумя дверьми тамбура ангара была установлена довольно широкая площадка, залитая водой с химическим реактивом, и каждый, заходящий в столовую, обязан был ступать в эту воду, смывая, таким образом, грязь с подошв сапог.

Тем временем, когда ребята с нескрываемым аппетитом заканчивали обед, в дверях офицерской столовой появился посыльный из штаба:

- Товарищ старший лейтенант, - обратился он к Арсентьеву, - Вас и товарища прапорщика просят зайти в 14.00 в медицинский пункт части к майору Пономареву, а затем к радиологам в штаб бригады для получения дозиметров.

Уже через пять минут после завершения обеда они шагали в сторону ПМП. Он располагался в здании штаба, только с торцевой стороны. Войдя вовнутрь санчасти, Костя сразу почувствовал специфический запах, свойственный подобным медицинским учреждениям.

- Может, уйдем отсюда, а потом когда-нибудь наведаемся, а? - услышал он взволнованный голос Олега, зажавшего нос перчаткой.

Ни ответить, ни что-либо сделать Костя уже не успел: в дверях кабинета появился мужчина в белом халате.

- А, вновь прибывшие, - он радостно потер свои руки. - Проходите, не стесняйтесь. Я начальник медицинской службы бригады майор Александр Васильевич Пономарев.

Костя и Олег также представились, а майор тем временем заполнил на каждого из них медицинский формуляр. Его интересовали перенесшие ими хронические заболевания, количество детей, группа крови и домашние адреса. Затем он проинструктировал ребят о мерах первичной радиационной безопасности при нахождении на станции, рассказал о важности правильного применения ватно-марливого респиратора, имеющего наименование «лепесток» и выдал каждому на первое время по пять штук. А затем майор направил их сдавать кровь в соседний кабинет.

- Запоминайте, товарищи офицеры, что сдавать кровь на анализ вам следует через каждые две недели. В свою очередь, мы будем следить за вашим здоровьем. А пока в целях профилактики заболевания щитовидной железы, вам следует перед каждой поездкой на станцию выпивать по одной таблетке йода. - Он передал офицерам несколько упаковок крупных таблеток темно-серого цвета.

- А можно как-то обойтись без сдачи крови? - взмолился побледневший Турыгин.

- Что так, товарищ прапорщик? - поинтересовался доктор.

- Да я, - замылся Олег, - ну, это, вида крови боюсь. Готов хоть ежедневно сдавать мочу, кал, но только не кровь.

- У Вас, прапорщик, крови в теле очень много, вон какой толстый. А медсестра только каплю-то и возьмет, - майор был непреклонен. - Ну, а, если серьезно, братцы, то с этого дня вы теперь по жизни будете всегда находиться под наблюдением врачей, раз попали в радиоактивную зону. Запомните это хорошо и с этим смиритесь. Радиация еще принесет вам не только физические, но и моральные страдания.

После посещения ПМП не очень хотелось сразу идти к радиологам, поэтому Костя и Олег решили немного отдохнуть в вагончике. Сняв верхнюю одежду, ребята завалились на кровати. Сон одолел их моментально. Но он был недолгим. Первым поднялся Костя. Спал он всего двадцать минут. Усталость прошла, силы стали восстанавливаться. Нужно было действовать дальше.

Он стал будить Олега. Тот всюю храпел и никак не хотел просыпаться. Костя был вынужден потрясти его кровать. Это подействовало на Олега отрезвляюще.

- Что, что случилось? - ошалело выпучив глаза, спросил Олег.

- Вставай! Тебя срочно начальник тыла бригады вызывает, - решил его разыграть Костя.

- Зачем я ему понадобился вдруг?

- Ты две тарелки горохового супа за обедом съел?

- Да.

- Теперь будешь объяснительную писать об этом, - Костя еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. - Одевайся живей, я тебя в штаб по пути провожу, а то сбежишь еще. И надо же было так тебе влететь в первый день пребывания в бригаде?

- Да я че? Попросил добавки, а официант и дал.

- Вот ты все это начальнику тыла сейчас и объяснишь, - посоветовал Олегу Костя.

Умывшись из раковины, на лице Олега наконец-то проявился румянец. Но такой факт его несколько не порадовал, потому что в зеркале он рассмотрел четкий отпечаток своих наручных часов на правой щеке. Подобное обстоятельство только рассмешило Костю.

- Я никуда не пойду, пока не рассосется, - взмолился Олег.

- Пойдешь. Начальство не любит ждать. Вон, радиоактивным снегом щеку потрешь, глядишь, и рассосется отметина на щеке, - ухмыляясь, наставлял Костя, подталкивая Олега в спину.

Радиологи размещались в штабе бригады рядом с кабинетом политотдела. Постучавшись, ребята вошли в кабинет. Он был перегороден деревянной стойкой. За ней

находился плотный капитан с эмблемами войск химической, бактериологической и радиационной защиты.

- Товарищ капитан, - обратился к нему Костя, - старший лейтенант Арсентьев и прапорщик Турыгин прибыли на инструктаж и для получения дозиметров.

- А, комсомольские работники?

- Так точно!

- Подходите ко мне поближе и не бойтесь меня, я ж не заразный, - издевался капитан. - Зовут меня Колосков Николай Николаевич. Я являюсь главным радиологом нашей бригады. Чаще мы будем видеться с вами на станции. Сейчас слушайте краткий инструктаж, а потом я выдам вам дозиметры.

Итак, Николай Николаевич поведал вновь прибывшим политотдельцам, что главная опасность для жизни и здоровья человека в «зоне» представляет радиация. Она незримо присутствует повсюду, от нее никуда не спрячешься. И, если в реальном бою воин может укрыться от пули или осколка за камешком или в воронке, то для радиации просто не существует никаких преград. Но и ее все-таки можно обмануть. Самое главное - знать, какие уровни радиации присутствуют в той или иной местности, помещении, чтобы быстро преодолевать эти опасные зараженные места, организовать отдых или работу личного состава по дезактивации менее излучаемого участка.

Норма облучения специалистов, работающих в условиях радиации, составляла 5 рентген в год. А, согласно приказу Министра Обороны СССР №268, для военнослужащих доза радиационного облучения допускается до 25 бэр за такой же период. Для здорового человека такая доза не страшна. Но здоровье само по себе недолговечно. С возрастом радиация более заметно воздействует на человеческие органы и быстрее выводит их из строя. При радиационном облучении поражаются в первую очередь - костный мозг и органы внутренней секреции - железы. Это приводит к тяжким болезням человека и скорой смерти.

Высвободившийся в Чернобыле радиоактивный потенциал нанес окружающей природной среде непоправимый ущерб. Во время аварии на станции было выброшено в воздух от 50 до 250 миллионов кюри, что соответствует по меньшей мере 100 атомным бомбам. Из этого числа более 10 миллионов кюри составляет цезий. Его распад составляет 33 года. Цезий опасен тем, что он находится в пыли, пище, воде. Его много на крыше 3-го энергоблока и в производственных помещениях под ней. Плутоний и стронций также присутствуют, но их влияние на живой организм пока только изучается. И мы, находящиеся здесь, принимаем непосредственное участие в проводимом эксперименте.

В наших же условиях, на военнослужащего, набравшего личную дозу облучения в 15 рентген, посылаются документы в штаб Московского военного округа на замену. А пока эта замена придет, военнослужащий как раз остальные рентгены и добирает. Помимо этого в бригаде каждый солдат и офицер должен знать приказ Командующего округом, в соответствии с которым допускается получение дозы радиации за день пребывания на станции - до 0,6 рентгена. Однако, тот, кто получает дозу больше нормы, должен предоставить письменное объяснение, где и чем занимался в период облучения, затем опрашиваются его прямые командиры, начальники, свидетели и т.д.

Чем больше капитан говорил и доводил официальную информацию до ребят, тем угнетеннее становилось их настроение. Это было видно по их лицам.

- А сейчас распишитесь в журнале за получение индивидуальных дозиметров-накопителей, - закончив инструктаж, капитан положил на стойку перед каждым дозиметр серебристого цвета, больше похожий на утолщенный карандаш. - Рекомендую носить дозиметр в нагрудном кармане и каждый день прибывать сюда для снятия показателей дозы облучения. Все ясно?

Положив в нагрудный карман дозиметр, Костя обратился к капитану:

- Николай Николаевич, позвольте получить и ДП-5В?

- Зачем он Вам?

- Ну, Вы же сами говорили, что мы должны знать уровни радиации в различных местностях, чтобы лишний раз не облучаться ни самому, ни личному составу.

- А пользоваться им умеете? - резонно поинтересовался капитан, доставая дэпэшку.

- Так точно. Являюсь кадровым офицером, окончил четыре с половиной года назад политическое училище, - отчеканил Костя, включил прибор, настроил на работу и стал проверять диапазоны поиска уровня радиации.

- Вот оно что! Тогда получите и распишитесь, - уступил капитан.

Вооруженные приборами, ребята вышли из кабинета радиологов и зашли в политотдел. В кабинете был один лишь Дашинский, который с кем-то громко разговаривал по служебному телефону. Закончив говорить, он тяжело вздохнул и обратился к Косте:

- Я сейчас в штаб ОГГО (оперативная группа гражданской обороны), звонил, докладывал обстановку, проведенную работу. Дозвониться до них - целая проблема, легче доехать. Скоро и ты, Костя, дежурить станешь, поэтому рекомендую все запоминать. А я гляжу, вы уже настоящими ликвидаторами стали: дозиметры в карманах, дэпэшка на плече, - стал подкалывать он ребят. - Кстати, зачем политотдельцу ДП-5В?

- Как это зачем? - удивился Турыгин. - А клады искать, чем прикажете?

Костя тут же поддержал того, наигранно прошипев:

- Замолчи, трепло!

Прищурился и с нескрываемой улыбкой, Боря стал допытываться:

- Вы, парни, о каком таком кладе речь ведете?

- Ну, кто тебя просил болтать, Олег? Теперь вон и Борис о кладе знает, - Костя устроил разнос Турыгину. - Его следует теперь либо грохнуть, либо в дело брать.

- Не-е, мужики! Вы это серьезно? - на лице Бориса появились недоверие и любопытство одновременно.

- Тише ты! - заговорщески стал говорить Костя. - О наполеоновских кладах, вывезенных из Москвы после пожара, слышал что-нибудь?

- Ага, я ж сам москвич.

- Так вот, Олегу недавно стало известно из достоверного источника, что один из таких кладов находится в месте, где сегодня расположена Чернобыльская станция. А дэпэшка нам поможет его быстро найти, - на ходу стал придумывать Костя, переходя на шепот.

- Пойдите, пойдите, - опомнился Боря, - а разве французы были на Украине? Да вы меня, братцы-комсомольцы, развести хотите.

Все дружно засмеялись.

- Купили вы меня, однако, - без обиды сказал Борис. - И как же я сразу не допетрил, что никаких наполеоновских войск на украинской земле никогда не было. Значит, и клада здесь не может быть. Шутники вы, как я погляжу!

- Борь, ну, пошутили мы! Надеемся, ты на нас зла не держишь? Вот и хорошо! Сам понимаешь, без шуток комсомольские работники не могут. К тому же здесь в этой непростой обстановке... Иначе от постоянного напряжения крыша точно съедет, - констатировал смеющийся Арсентьев.

- А как тебе, Борь, поиск клада с помощью дозиметрического прибора? - вставил Олег.

Новый раскат смеха разрядил обстановку. Когда все успокоились, Дашинский обратился к ребятам:

- Завтра я выезжаю на станцию. Если начпо вас отправит туда на ознакомление с обстановкой, то я смогу вас провести по объектам станции, показать, где наши подразделения выполняют задачи. На месте изучить реальную ситуацию будет проще, да и с командованием батальонов и подразделений поближе познакомитесь. Кстати, мне скоро заменяться, а вам с новым начальником политотдела предстоит послужить. Он в

бригаде уже неделю и, как я понимаю, очень деятельный руководитель. С ним вы не соскучитесь!

- Спасибо тебе, Борис, за добрые слова и предложение по ознакомлению с обстановкой, - отозвался Костя. - А, что касается начальника, так на то он и начальник, чтобы руководить, организовывать и требовать результаты работы со своих подчиненных. Для меня, например, такая служба не в диковинку, свою работу я знаю и с удовольствием ее делаю. Я на комсомоле уже четвертый год работаю, кое-каким опытом обладаю.

Костя перевел взгляд на молчавшего Олега.

- Обстановка здесь не сложнее, чем у нас, в стройбате, - оживился Олег, Решивший рассказать о наболевшем. - Ну, радиация, ну, влияет на то на се! А на стройках - план давай, процент давай, дисциплину давай. И с кем давать-то? В ротках до 60 процентов - бывшие судимые, 80 процентов - призваны из среднеазиатских республик, слабо знают русский язык, более половины численности батальонов имеют различные ограничения по здоровью. Встречаются бойцы, которые ни читать, ни писать не умеют.

- Ладно, хватит ябедничать, - успокоил Костя Олега, похлопав того по плотному плечу. - Рассказ твой, Олежек, у нас и в правду слезу прошиб. Я сейчас по делам отлучусь, кое-какие вопросы урегулирую в штабе. Давай встретимся возле палаток 5-го батальона и там поработаем. А то начпо скоро вернется и к себе позовет заслушивать наши отчеты, - сказал Костя Олегу и вышел в коридор штаба.

Костя зашел в строевую часть, куда утром сдал командировочные документы. Познакомившись с ее начальником, подполковником, он попросил его подготовить список военнослужащих - членов ВЛКСМ, награжденных правительственными наградами за службу в бригаде. Он охотно согласился помочь и рекомендовал зайти через пару дней.

Как только Костя собрался выйти из служебного помещения, открылась дверь, и на пороге нарисовался невысокий сухощавый военный с погонами старшины.

- Саня! Кучеренков? Ты? - удивился Костя, узнав в старшине знакомого.

- Я, - подтвердил тот, с нескрываемым интересом рассматривая старшего лейтенанта.

- А-а, Арсентьев! Костя! Приветствую тебя! Вот ведь где встретились!

На разговор выглянул подполковник.

- Вот, товарищ подполковник, одноклассника встретил, - пояснил Костя.

- Бывает, - с пониманием буркнул он в ответ и углубился в свою работу.

- Ты где служишь, Саня?

- Да здесь, в строевой части писарем. А ты?

Костя коротко рассказал ему о себе. Поговорив еще немного, он, посмотрев на часы, извинился и объяснил однокласснику, что должен идти, пообещав еще встретиться.

- Ты где так долго пропадал? Я тебя заждался, - поинтересовался Турыгин у Кости.

- Забыл, что ли, Олег? Тебя же начальник тыла к себе вызывал за обедание бригады.

- А, черт, совсем забыл о вызове! - Олег хлопнул ладонью себя по лбу и смачно сплюнул в снег. - Действительно, ну надо же так влететь в первый день на новом месте службы?

- Ты забыл, а я - твой начальник - нет. Вот, пришлось к начальнику тыла зайти, слово доброе за тебя сказать и заступиться за недисциплинированного подчиненного. Пообещал ему, что ты не будешь больше добавку к своему прапорщицкому пайку просить, - рассмеялся Костя.

- Да ну тебя, Костик. Не поймешь, когда ты серьезно говоришь, а, когда шутишь. Пойдем лучше к людям, - успокоившись, дружелюбно предложил Турыгин.

Первые вводные

Вечер стремительно опустился на верхушки сосен. Только-только замерцавшие на украинском небе первые звезды, скрылись за завесой повалившего неизвестно откуда снега.

«Снег - это хорошо! - про себя подумал Арсентьев, вспоминая недавние разговоры с офицерами и их рекомендации. - Он должен прикрыть злополучную пыль с ненасытным цезием. Скольких людей он уже отравил? А сколько от него еще пострадает? Среди них, кстати, и я».

В кабинете собрались все офицеры политотдела. Они оживленно обменивались мнениями, решали какие-то служебные вопросы. Но с появлением Кости и Олега они замолчали и стали знакомиться.

- Нашему политотдельскому полку прибыло! - с нескрываемым радушием приветствовал их полковник.

Сорокапятилетний возраст, лысая голова, плотное телосложение и приятный баритон говорили о его душевности и мягкости характера.

- Пропагандист политотдела Булгаков Михаил Васильевич, - просто и лаконично представился он.

- С прибытием, комсомольцы! - прогундосил майор, ответив ребятам крепким рукопожатием.

Он был высоким, худощавым и немного угловатым. Его густые брови, заметно сдвинутые к носу и с хрипотцой голос, говорили о строгости этого человека. Холодный и официальный взгляд его узких глаз и театральная манера говорить лишней раз подчеркивали ту важность его пребывания здесь, несмотря на почти пенсионный возраст и незначительность воинского звания.

- Старший инструктор политотдела по организационно-партийной работе Федоров Федор Степанович.

Последним, с кем предстояло познакомиться ребятам, был горбоносый подполковник. Он представлял собой невзрачного человека, ниже среднего роста, лысеющего, с заметно выпирающим животом.

- Это наш заместитель начальника политотдела Тарасенко Сергей Игнатьевич, - представил его майор Федоров.

Замначпо молча протянул ребятам руку. После рукопожатия, Костя невольно поймал себя на мысли:

«Ладонь-то у зама - потная, да и глаза бегающие. Жди от него подлянок...».

- Попрошу внимания! - обратился заместитель начпо ко всем офицерам. Его голос внешне был похож на женский, с примесью украинского говора. - Сейчас начальник сюда подойдет, будет опрашивать о проделанной работе за день. В первую очередь спросит с начальника клуба капитана Коршунова за снабжение подразделений телевизорами и их ремонтом. Полковника Булгакова - за обеспечение личного состава газетами и журналами на станции. Ну, и опросит комсомолят, где они целый день паштали, - неожиданно хихикнул он то ли от своих последних слов в адрес Кости и Олега, то ли от того, что они, не успев приехать, будут уже выдраны начальником.

Все с хмурыми лицами занялись подготовкой к совещанию. Костя быстро набросал в дневнике проведенные совместно с Турыгиным мероприятия за день и план на завтра, включив в него будущую поездку на станцию.

Вскоре дверь в кабинет отворилась, и на пороге образовалось нечто, состоящее из шапки набекрень, бушлата, с поднятым воротником с погонами младшего лейтенанта, и марлевой повязкой на лице.

- Юшков, твою мать! - увидев расхлябанное создание, пропищал Тарасенко. - Ты где лазаешь? И сколько тебе говорить, чтоб снимал противогаз, заходя в политотдел?

Под легкий смех присутствующих младший лейтенант снял марлевый респиратор. Под ним показалось лицо немолодого человека, лет тридцати пяти, с чапаевскими усами и испуганными глазами. Как потом оказалось, он был в должности инструктора политотдела по культурно-массовой работе или, как в военной среде говорили - «балалаечник».

Тяжело дыша и сильно заикаясь, он стал оправдываться:

- Ма-а-шина по д-дороге сломалась. Т-только щас п-приехали.

- Да садись ты, не умничай, - подгонял его майор Федоров.

За его словами послышался тихий грудной голос вошедшего полковника Батракова:

- Надеюсь, все собрались? - обвел он оценивающим взглядом вставших офицеров,- Тогда начнем совещание.

Ох, как Костя не любил совещания, особенно длинные, часто с пустой болтовней, а иногда, и с разносами командирами и начальниками своих подчиненных в присутствии окружающих. Но, прислушавшись к четким докладам офицеров, к фактам, которые они излагали, и фамилиям, а также к точным и компетентным вопросам начальника к ним, Костя как-то сразу проникался уважением и важностью происходящего.

В конце совещания последним докладывал Костя. Он говорил о совместной работе с Олегом в батальонах и отдельных подразделениях, не забыв сказать о назначенном совещании с комсомольским активом бригады после ужина и целью его проведения. Полковник делал пометки в своей рабочей тетради, время от времени, отрываясь от нее и рассматривая Костю с Олегом.

- Первым вашим днем, - он бросил взгляд в сторону ребят, - я доволен. Не забудьте, Арсентьев, забрать меня на встречу с комсомольским активом. Завтра с колонной поедете на станцию, вижу, что уже подготовились. На знакомство со станцией для вас отвожу один день, - закончил Анатолий Николаевич.

Затем он каждому определил задачи на следующий день и удалился. Костя посмотрел на часы: совещание вместились в двадцать минут.

- Толково, - тихо проговорил в сторону Турыгина Костя, когда политотдельцы организованно направлялись на ужин.

Тот махнул в знак согласия головой, продолжая думать о чем-то своем.

- То-то еще будет! - неопределенно и многозначительно заключил Арсентьев, пропуская Тарасенко в дверь столовой.

Ужин порадовал ребят: гречневая каша с мясом, масло, сыр, печенье, какао с молоком. Офицеры батальонов и управления бригады были приветливы, познакомились с Костей и Олегом, демонстрируя добродушие и внимание.

Закончив с приемом пищи, Олег предложил Косте посмотреть, что кушают бойцы. Ребята направились в солдатскую столовую. За столами сидели усталые солдаты и сержанты разных возрастов. Арсентьев заметил, что ужин у личного состава состоял из тех же блюд и порций, что и офицерский рацион. Отличием являлась лишь посуда.

Прохаживаясь вдоль рядов солдатских столов, Костя слышал непонятный шум и отрывистые команды, исходящие со стороны входа в столовую. Как оказалось, на контроль приема пищи прибыл тучный полковник. Дежурный офицер по столовой бросился ему докладывать. Обходя обеденный зал, полковник делал какие-то замечания дежурному по столовой, который их фиксировал в свою рабочую тетрадь для последующего устранения.

Дождавшись, когда прибывший полковник подойдет поближе, Костя, вскинув правую руку для воинского приветствия, обратился к нему:

- Товарищ полковник! Помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант Арсентьев, здравия желаю!

- Здравствуй, комсомол! Начальник тыла бригады полковник Иванов Иван Иванович, - представился он и протянул руку Косте. - Значит, по замене прибыл?

- Так точно, вчера ночью прибыл.

- А в солдатской столовой чего делаешь? - как бы невзначай поинтересовался он.

- Я вот уже третий раз за сутки нахождения в бригаде принимаю пищу и заметил, что питание организовано четко, качество пищи отменное, сама пища высококалорийная, почти как для летного состава. Теперь вот с моим инструктором интересуюсь, как обстоит дело у личного состава.

Полковник насторожился. Ему, старому служаке, давно известна простая истина: если по вопросам тыла, особенно продовольственной его части, проявляют интерес политработники - жди неприятностей. Поэтому, стараясь не показывать своего раздражения, он решил, на всякий случай, не обострять ситуацию с этим молодым политотдельцем.

- Ну и как же?

- Одно Ваше присутствие в солдатской столовой говорит о том, что тыл держит все под контролем. Не в каждой столовой в гарнизонах округа увидишь такой порядок и организованность. Значит, здесь тыл есть, он работает.

Ивану Ивановичу пришлось по душе слова Арсентьева.

- И, правда, мои тыловики много сделали, чтобы создать все условия для безопасного приема пищи, - устало вздохнул он. - Сам рассуди: в мае бригаду выкинули в чистое поле. Не было ни одного сооружения, все начинали с нуля. А здесь - пыль, радиация, вода привозная, топить печки здешними дровами нельзя, потому как все кругом заражено этой проклятой радиацией. А теперь - красота! Контролируешь прием пищи, да на мелкие нарушения указываешь. Кстати, все мои подчиненные по службе контролируют и обеспечивают работу столовых и прием пищи личным составом по особому графику. К этой работе подключены также врачи и радиологи бригады и батальонов, чтобы, не дай бог, никто инфекцию не подцепил, да радиационные продукты не съел. Однако, - посмотрел на часы полковник, - мне пора. Служба. Рад был познакомиться с интересным собеседником. Надеюсь еще увидеться.

Полковник, несмотря на свои внушительные габариты, легко передвигался между рядами столов, бросая взгляд на их сервировку, и в сопровождении нескольких офицеров проследовал в варочный зал, проверить работу поваров и варочных котлов.

Олег с Костей тоже поспешили на выход. Им надлежало провести первое важное мероприятие на новом месте службы. В назначенное время Костя зашел в штаб за начальником политотдела, и они вместе направились в расположение 1-го батальона. Олег, тем временем, собрал всех комсомольских активистов, внес их данные в послужной список, уточнил качественный и количественный состав комсомольцев подразделений, места работы на станции и т.д.

Начальник политотдела вошел в палатку ленинской комнаты. Около сорока человек - офицеры, сержанты и рядовые, призванные из запаса, встали. Полковник Батраков поздоровался с присутствующими, пригласил сесть, а сам остался стоять за столом, обтянутым красным материалом.

- Представляю комсомольскому активу нового помощника начальника политотдела по комсомольской работе старшего лейтенанта Арсентьева, - Костя поднялся. - Он - главный организатор комсомольской работы, а это значит, что основной спрос будет с него. Очень хорошо, что сразу по приезду, Арсентьев собрал комсомольских активистов. Пользуясь случаем, я ознакомлю вас с обстановкой на станции и вокруг нее, с задачами,

поставленными партией и правительством по ликвидации последствий аварии, предстоящими решать бригаде.

Речь полковника была краткой, но емкой. Через полчаса он удалился, оставив комсомольских активистов одних. Костя больше интересовался проблемами в воинских коллективах, старался запоминать и записывать факты, подробности, все то, что должно было пригодиться для работы в новых условиях.

Развил бурную деятельность и Олег. В этот момент проявилась его организаторская и бюрократическая (в хорошем понимании этого слова) сущность: налаживались учет, статистика, отчетность, планирование, взаимосвязь и координация деятельности. Присутствующим дали понять, что в политотдел прибыли знающие ребята, которые сами организуют свою работу и другим помогут. Покинули палатку лишь за полночь.

Идя в сторону вагончика, Олег спросил Костю:

- Какие впечатления у тебя от первого дня?

- Такое ощущение, что он никогда не кончится. Если таким насыщенным будет каждый день нашего пребывания здесь, то на время нашей командировки нас просто не хватит.

Он остановился и, глядя на уставшего Олега, тихо продолжил:

- Сдается мне, дружище, что нам предстоит принять участие в грандиозных событиях, а в каких именно - мы скоро точно узнаем. Ладно, пошли спать. Завтра, вернее, уже сегодня, нас ждет «зона отчуждения».

Глава 8

Знакомство с «зоной»

Военная колонна, возглавляемая БРДМ, медленно ползла по выющейся тонкой змейкой заснеженной дороге. За спиной остались ранний подъем, быстрый завтрак, строгий развод подразделений на плацу, убывающих на станцию и суетливая посадка в машины.

Выехав на шоссе Иванков-Чернобыль, Костя, сидевший в кабине КАМАЗа, в свете фар увидел вывеску на большом фанерном щите: «Чернобыль - зона трезвости!».

- Ты видал? - обратился он к Дашинскому. - И что это означает?

- Все элементарно, дорогой коллега. В чернобыльской «зоне» пьянству объявлен бойкот, - засмеялся тот. - Горбачевская антиалкогольная политика распространяется и на эти места.

- И действительно не пьют? - осторожно поинтересовался Костя.

- Официально - нет, неофициально, еще как!

Через три километра колонна, замедлив скорость, проехала через пункт ПУСО (пункт упрощенной специальной обработки личного состава и техники). Он находился на развилке дорог у деревни Дитятки и состоял из нескольких палаток и шлагбаума. Рядом с поднятым вверх шлагбаумом несли свою службу несколько милиционеров в синих бушлатах с автоматами. Они осуществляли пропускной режим в «зону» и обратно.

В пятидесяти метрах от ПУСО виднелся съезд с дороги, который вел к большой палатке. Возле нее стояли два грузовика, вокруг которых сновали несколько военных в ОЗК (общевойсковых защитных костюмах) и в противогазах. Одни солдаты под присмотром офицера поливали машины густой пеной из шлангов, другие - тщательно оттирали их щетками.

- Здесь зараженные машины обрабатывают специальным раствором, чтобы смыть радиоактивную грязь и не вывозить ее за пределы «зоны», - пояснил Борис. - Нас сейчас

не проверяют, потому, как мы в направлении этой «зоны» едем. А вот, когда будем возвращаться обратно, то дозиметристы каждую машину будут замерять на предмет радиации. Если уровень будет выше нормы, то загонят машину на обработку, - он кивнул головой в сторону. - Ладно, что обольют машину внутри и снаружи своей химией, но и личный состав мокрым в бригаду приедет. Однако, пришло время респираторы надевать.

Дашинский натренированным быстрым движением извлек из полевой сумки марлевый респиратор «лепесток» в бумажной оболочке, вытащил широкий слой марли с вделанным внутри гибким пластмассовым каркасом, больше напоминавшим огромную снежинку, и ловко стянул во внутрь вшитую резинку. Затем он поместил респиратор на лицо таким образом, чтобы нос, щеки и рот были закрыты повязкой, на затылке завязал две тесемки. Водитель, не отрываясь от руля, последовал его примеру. От лица Бориса остались открытыми только глаза.

- На доктора похож, - пошутил Костя.

- Щас и ты им станешь. Давай покажу, как респиратор сконструировать. Запоминай.

Боря, со знанием дела, медленно, объясняя детали «лепестка», собрал респиратор и повязал его на лицо Арсентьева. Будто железная маска сковала Костино лицо от переносицы до горла. Сразу стало неудобно дышать и, если бы не пластмассовый каркас, то два слоя марли с проложенной между ними тонким слоем ваты, плотно прилипли бы ко рту при вдохе. К тому же в респираторе явно ощущался специфический медицинский запах от различных химических препаратов, вызвавший у Кости чувство тошноты.

Видя неудобства, которые испытывал Костя, Дашинский напутствовал:

- Трудно будет первые пару-тройку дней, затем привыкнешь. Здесь все ускоряется, потому как времени на тренировки там всякие практически нет. Главное - не зацикливайся на мелочах, все сложности тебя ждут впереди.

- Борь, а как людей-то различать? На станции все одеты в одну полевую форму, ходят в одинаковых «лепестках»?

- Ну, это просто. Запоминай сначала офицерский состав батальонов сначала по фамилиям, затем по фигурам, походкам, голосам, наконец. Доверяй своей интуиции. Она здесь особенная, обостренная что ли. И еще: будь внимателен ко всему и ничему не удивляйся.

Тем временем колонна продолжала свой путь. За разговором Костя не заметил, как в свете фар обозначились контуры населенного пункта. Указатель у дороги говорил, что впереди село Залесье. Косте было дико видеть засыпанные снегом темные сельские дома с забитыми крест-накрест досками окнами и дверями. Ни одна печка в домах не дымилась. Ни одна лампочка нигде не светила.

- Неужели и вправду никого из жителей в селе нет? - поинтересовался Костя.

- Всех жителей населенных пунктов, попавших в 30-ти километровую зону, вывезли в первую неделю после аварии, - со знанием дела объяснил Дашинский. - Не исключением является и это село. Кстати, до аварии в нем жило около десяти тысяч селян.

Немного помолчав, Боря ткнул локтем Костю в бок:

- Смотри, дружище, вот за этим поворотом ты сейчас увидишь интересный памятник.

И, действительно, сразу за поворотом свет от грузовика выхватил стоящую на высоком постаменте бронзовую фигуру огромного быка с громадными рогами, мускулистыми ногами и вздыбленным хвостом. Его вздутые ноздри и огромные, почти нависающие, глаза, олицетворяли непокорность и своенравность.

- Ну, как тебе скульптурка?

- Ни-че-го се-бе-е! - с нескрываемым восторгом протянул Костя.

- Этот памятник, как я слышал, поставлен в честь одного быка-производителя, занявшего в стране первое место в каком-то конкурсе, - пояснял Борис. - Он и прославил эти места. А вообще-то здесь раньше животноводство процветало. Видишь, сколько

кругом ферм? Теперь, правда, они пусты. Трудно представить, что на этих плодородных лугах когда-то тысячные стада коров паслись.

- И, где они сейчас?

- Да выгнали из «зоны отчуждения», наверное, - встрял до этой поры молчавший сорокалетний водитель.

- Ты видел, какие яйца у быка? - спросил Борис.

- Признаться честно, из-за темноты и скорости не рассмотрел.

На Костины слова Дащинский и водитель дружно заржали.

- Костя, они вот такие! - Борис двумя руками изобразил в воздухе нечто похожее на спелый астраханский арбуз, сопровождая свой показ гоготом. - Ничего, как-нибудь днем будешь здесь проезжать, вот тогда в деталях их и рассмотришь. Кстати, у быка всегда до блеска отполированы его гениталии.

- Да этим делом водилы занимаются ради хохмы! - объяснил водитель. - Они мимо проехать не могут, чтобы не остановиться и быка за яйца не подержать. Примета что ль такая? Когда такое еще подвернется?

По объездной дороге колонна минула город Чернобыль и через пару километров, не доезжая маленького городка с лирическим названием Лелев, свернула на усыпанную гравием и расчищенную от снега большую площадку, обнесенную с трех сторон колючей проволокой. На ней стояло, наверное, более сотни военных машин с работающими двигателями.

Колонна остановилась и сразу же послышалась команда: «К машине!». И в этот момент вся однородная масса солдат и офицеров, одетая в униформу цвета «хаки» вывалилась из техники на землю. Разноголосица почти двух тысяч солдат, отрывистые команды офицеров, все это заполнило окрест. Перекурив на ходу, подразделения организовано пересели на поджидавшие их машины, и уже через пару минут колонна снова тронулась в путь.

На этот раз Костя с Борей разместились в мощном армейском грузовике «Урал».

- Теперь на «грязной» машине поедем, - Боря закурил, предварительно опустив «лепесток» под подбородок.

- Что значит - «грязной»? - поинтересовался Костя.

- Это означает, что машина имеет запредельный фон облучения и не имеет права быть выпущенной из «зоны», - пояснил Боря. - Для такой техники теперь одна дорога - в «могильник», то есть, под землю. Это что-то вроде большой могилы, в которой закапывают вещи, оборудование, утварь и все то, что излучает и представляет опасность для жизни и здоровья человека. Скоро ты и могильники увидишь. А пока, Константин, привыкай к терминологии.

Небо заметно посерело: вставал новый день. Снег прекратил сыпать, и в прозрачном от легкого мороза воздухе на горизонте стали видны очертания высоких и длинных сооружений, окруженных кранами, которые более походили на журавлей.

- А вот и атомная станция, будь она не ладна, - тяжело выдохнул Борис. - Сейчас мы проезжаем по мосту обводного канала. В этот канал всасывается вода из Киевского водохранилища для охлаждения атомных реакторов первого и второго энергоблоков. Первый работал без остановки даже в момент аварии, а второй и третий заглушили одновременно. На днях второй блок торжественно запустили вновь.

Костя старался все увиденное запоминать. Вращая головой в разные стороны, он смотрел во все глаза, чувствуя, как сердце учащенно забилось в груди. Еще бы: он находится почти в эпицентре самых трагических событий, которые произошли здесь чуть более полугодом назад и потрясли мир своей трагедией и героизмом людей, первыми схватившимися в неравной схватке с радиацией.

- Вон на крыше стоит металлическая труба - это третий энергоблок, - Дащинский ткнул пальцем в сторону громадного здания станции. - Он пока остановлен. Но дана

команда из Москвы на проведение дезактивационных и дегазационных работ в производственных помещениях третьего блока, чтобы внутрь могли войти специалисты-атомщики и подготовить реактор к работе. Слышал я на совещании в ОГГО, что «почетная» миссия по выполнению этих работ будет предоставлена двум бригадам: нашей и киевской. Гляди дальше, - Борис кивнул в сторону необычного сооружения, находящегося рядом с трубой станции и напоминавшего большой гроб. - Это - саркофаг, или спецобъект под названием «Укрытие». Он сооружен над развалинами четвертого энергоблока и возведен в кратчайшие сроки на массовом патриотизме и самопожертвовании наших людей. Десятки тысяч их прошли через это чертово логово - саркофаг.

- Смертники, короче, - вставил слово новый водитель, у которого на погонах бушлата были подшиты сержантские лычки красного цвета. - Эх, не повезло ребятам!

Вскоре колонна подъехала к административному зданию, который здесь именовался, как АБК-3 (административно-бытовой комплекс). Это сооружение предназначалось для пятого и шестого энергоблоков атомной станции и представляло собой незавершенную стройку. Приехавшие солдаты и офицеры высадились из машин и построились в каре перед входом в административное здание для получения уточненных задач.

На правом фланге - управление офицеров бригады вместе с прибывшими политотдельцами, а в центре - комбриг, начальник политотдела, начальник штаба бригады, главный радиолог.

Новый командир бригады - подполковник Шариков, высокий, широкоплечий с громким и грубым голосом, позвал к себе командиров батальонов и отдельных подразделений. Командиры доложили о количестве личного состава, прибывшего для выполнения задач и состоянии воинской дисциплины. Затем комбриг ознакомил офицеров с уровнями радиации на станции, уточнил задачи командирам и скомандовал на выдвижение личного состава к местам работ.

Полковник Батраков, собрав офицеров-политработников в стороне, инструктировал:

- Главная задача на сегодняшний день для вас, товарищи офицеры, - не допускать переоблучения личного состава. Работать индивидуально с каждым военнослужащим: поддерживать слабых, пресекать панические настроения, выявлять паникеров, а о воинах, совершивших героические поступки, сообщать как можно шире: в листках-«молниях», боевых листках, стенгазетах и т.д. Особое внимание обратите на помещения, в которых личный состав отдыхает между сменами, чтобы уровни радиации в них не превышали допустимые нормы облучения. Организуйте пункты приема воды, переодевания и курения.

После короткого инструктажа Дашинскому был определен первый батальон. Костя с Олегом направились с ним.

- Значит так, мужики, - предложил Борис, - сейчас пройдем к моему батальону, посмотрим, чем он занимается, а потом я вам станцию покажу и объекты, где работают подразделения нашей бригады.

Первый батальон занимался снятием верхнего слоя грунта и погрузкой зараженной земли в самосвалы вблизи от станции и на территории электроподстанции. Работа была не из легких, монотонной и однообразной. Мощные армейские трактора и ИМР (инженерные машины разграждения) своими огромными отвалами снимали радиоактивную землю толщиной в 10-15 сантиметров, экскаваторы грузили собранный грунт в кузова самосвалов, а солдаты, обутые в валенки и защитные чулки от ОЗК, лопатами подчищали выпавшие из ковшом комки мерзлой земли.

То же самое делали солдаты на территории электроподстанции. Разница заключалась лишь в том, что тяжелая техника здесь не применялась из-за висевших низко над землей электрических проводов. Все приходилось бойцам делать практически вручную.

Затем офицеры проследовали к недостроенным сооружениям 5-го и 6-го энергоблоков. Это гигантская конструкция представляла собой железобетонное здание высотой в несколько десятков этажей. В момент аварии здесь велся непрерывный строительный процесс: работали сварщики, бетонщики, крановщики, арматурщики, которые получили большие дозы облучения. Обстановка больше напоминала место боевых действий. Об этом свидетельствовали в спешке брошенная строительная техника, механизмы и материалы. Военные занимались их вывозкой, демонтажем большущих подъемных кранов и вагончиков строителей.

На каждом этаже здания работали солдаты и офицеры. Одни вручную скидывали вниз строительный мусор и материалы: кирпич, железобетонные блоки, арматуру, сварочное оборудование... Другие - специальным раствором мыли стены, полы, скребли и убирали радиоактивную пыль и снег.

Борис повел ребят на недостроенную крышу здания. По не огражденным лестничным пролетам идти пришлось долго, часто останавливаясь, чтобы восстановить дыхание.

Наконец, они поднялись на самую высокую отметку здания. Панорама окрестностей потрясла ребят. Хорошо просматривалась вся атомная станция, водохранилище, железнодорожный мост через реку Припять, по которому в это время медленно полз товарный поезд. Впечатлили размеры самого саркофага, находящегося в каком-то километре от АБК-3. С такой высоты работающие люди и техника представлялись микроскопическими существами, ковыряющимися в земле.

За электроподстанцией и саркофагом на фоне белого снега четко вырисовывался высокий сосновый лес почему-то рыжего цвета. Боря пояснил, что от радиации хвойные иголки сосен порыжелели, поэтому здесь его называют просто - «рыжий лес».

Пока ребята спустились вниз, пришло время обеда. К административному зданию, где проводилось утреннее построение, стали подтягиваться военные. Они шли пешком, приезжали на автомашинах, строились и вереницей по одному заходили в здание. Перед большими стеклянными дверями, изнутри обшитыми фольгой, их встречали два медика-радиолога, облаченные в белые комбинезоны в респираторах, в высоких резиновых перчатках и сапогах. В руках у каждого были приборы, с помощью которых они измеряли степень радиационного загрязнения обуви и верхней одежды у лиц, прибывающих к пункту приема пищи.

Подойдя ближе к входу столовой, Костя увидел двух бойцов, которым солдат в ОЗК (общевойсковой защитный костюм) обрабатывал сапоги специальным раствором из шланга. Подобную процедуру пришлось пройти и им.

Проверив сначала обувь офицеров, а затем и их одежду дозиметром ДП-5В, и не найдя ничего подозрительного, проверяющий пропустили их вовнутрь помещения. В вестибюле им пришлось наступить в невысокую ванну, наполненную мутноватой водой из спецраствора, сантиметров на пять, чтобы смыть радиоактивную грязь с подошв. Первый этаж административного здания был приспособлен под временную столовую.

В глаза сразу бросился фантастический интерьер вестибюля. Его стены и потолок были увешаны толстой полиэтиленовой пленкой. На полу лежала более плотная пленка желтоватого цвета. Все окна также были тщательно занавешены блестящей фольгой. Везде было чисто, в воздухе витал букет запахов пищи, хлорки и спецрастворов.

Импровизированный обеденный зал был впритык заставлен солдатскими столами, рассчитанными на 10 человек, и длинными скамейками. На столах были выставлены первые и вторые блюда в больших и малых кастрюлях.

Ребята расположились за офицерским столом и приступили к трапезе. Аппетит, несмотря на необычную обстановку и наличие неприятных запахов, был отменным. Борщ с мясом, макароны по-флотски, горячий компот - все было приготовлено качественно.

- Запомните на будущее, - чередовал советы с поглощением пищи Борис. - Обед всегда начинается ровно в 13.00, и на него отводится 45 минут. Если не успеваешь, то не

поешь нигде. С собой еду запрещается брать. Воду пить можно только в специальных помещениях и только из бутылочного горлышка. Если открытая бутылка простояла какое-то время, из нее уже пить запрещается.

- А, если... - начал было Олег.

- Никаких «если», - жестко оборвал его Дащинский. - Хочешь жить - выполняй простые правила. Радиация расхлябанности не прощает. Кстати, мы сейчас пройдем на АБК-1. Там размещаются первый и второй энергоблоки атомной станции. Вам, думаю, интересно на них посмотреть. Только сначала мне нужно одно дело сделать.

Он подошел к радиологам, переговорил с ними о чем-то и тотчас вернулся.

- Вот вам на первое время, - он протянул Олегу и Косте по паре тонких связанных из простых белых ниток перчаток. - Внутри станции ходите в них, старайтесь меньше оголять участки кожи. А сейчас рекомендую сменить «лепестки» на новые.

Через пару минут они бодрым шагом двигались в сторону АБК-1. Подходя к его центральному входу, Костя вслух прочитал увиденный над ним лозунг, набранный когда-то строителями крупными мозаичными камешками:

- «Чернобыль работает на коммунизм!». О сегодняшнем дне станции и не скажешь, - с иронией в голосе произнес он.

- Да, это так, - согласился Борис. - Нехватку электричества Украина уже почувствовала с момента аварии. Благо, что Десногорская АЭС из Смоленской области и Курская станция электроэнергией с украинскими областями делятся. Это приводит к большим финансовым расходам. Учитывая тот факт, что мы еще Афганистану военную и экономическую помощь оказываем, то эта авария только больше подрывает нашу экономику, а, следовательно, отодвигает все дальше и дальше наше светлое коммунистическое будущее.

Перед входом в АБК-1 на очищенной от снега площадке стояло множество гражданских легковых автомобилей без государственных номерных знаков. Вместо них по бокам и на крыше кабины были нарисованы крупные цифры из блестящей краски. Вспомнив Борины наставления о том, чтобы ничему не удивляться, Костя обратился к нему:

- Боря, почему машины с такими номерами здесь ездят?

- Как вы уже знаете, после аварии людей срочно вывезли из населенных пунктов, примыкающих к АЭС, разрешив взять с собой только самое необходимое. Автомобили в этот перечень не входили. А, поскольку брошенные хозяевами дома стали легкой добычей для мародеров, угонявшими из зоны лесными тропами даже автомобили, было принято властями решение о передаче всего легкового транспорта зоны для нужд работников станции. Государственные номера сняла милиция, пометив их подобными цифрами, которые издали заметны и в ночное время светятся из-за специфической краски. Так, что машины с такой меткой угонять расхочется.

В просторном холле здания сновали гражданские специалисты, одетые в одинаковые белые комбинезоны, шапочки, матерчатые перчатки и тапочки или бахилы. Косте бросилось в глаза присутствие женщин. Характерные очертания фигур подтверждали это открытие. Об их возрасте судить было сложно, поскольку открытыми оставались только глаза. Обстановка в холле больше напоминала медицинское учреждение, чем атомную станцию.

- Нам сюда, - Боря кивнул головой с запотевшими очками в сторону турникетов.

За турникетами находились два лейтенанта милиции и четыре солдата в полушерстяном обмундировании с автоматами. На малиновых погонах солдат ясно прочитывались две буквы «ВВ». На лице у каждого были повязаны респираторы армейского производства. Они тщательно сверяли пропуска через электронные приборы проходящих через турникеты в обе стороны специалистов.

Достав из внутреннего кармана пропуск, Борис смело шагнул через турникет. Проверив пропуск, солдат бросил короткое:

- Проходите!

- Эти офицеры, - указал он в сторону ребят, - со мной.

- Покажите ваши пропуска, - сразу среагировал второй солдат с ефрейторской лычкой на погонах.

- У них пока нет пропусков на АБК-1, - стал пояснять Дашинский. - Они только два дня назад прибыли в часть. Я знакомлю их со станцией, где им придется выполнять свои служебные обязанности, как офицеры политотдела, - Боря специально сделал ударение на последние слова. - К тому же военных без пропусков допускали до 2-го блока, когда мы его готовили к запуску.

- Товарищ старший лейтенант, - обратился к Дашинскому молчаливый до этого лейтенант милиции. - У нас приказ: теперь без спецпропусков ни одного человека не пропускать, в том числе и военных. Так что поймите нас правильно.

На выходе из корпуса Борис стал размышлять вслух:

- Раньше по одному офицерскому пропуску можно было группу солдат провести. Теперь режим ужесточен, и правильно. Значит, вам срочно нужно сделать пропуска, поэтому сейчас поедem в город Чернобыль в фотоателье.

- В Чернобыле и фотоателье? - удивился Олег.

- Да, именно так. Едем, - решительно заявил Борис. - Я знаю, куда нам надо.

Выйдя на дорогу к обводному каналу, офицеры стали голосовать. Возле них остановилась «Нива». За рулем сидел пожилой мужчина, явно гражданский специалист со станции.

- До Чернобыля довезете? - поинтересовался Борис.

- Я как раз туда еду. Вам в центр?

- Да, к штабу ОГГО, - конкретизировал Дашинский.

Дорога до города заняла не более десяти минут. Город встретил их безмолвием и безлюдьем, небрунными от снега улицами и темными глазницами вырванных из стен оконных рам. За высокими расписными заборами домов частного сектора под тяжестью снежных шапок свисали ветви яблонь и груш, на которых еще держались крупные плоды. Увиденное не укладывалось в воображении: ярко-красные и желтые громадные груши и яблоки висели на деревьях нетронутыми накануне Нового года!

- Оп-па! Сколько нетронутых витаминов! - ужаснулся Олег, сглотнув слюну. - Неужели здесь никого нет, чтобы съесть эти бесхозные фрукты?

- А ты, Олежек, давай, вкуси яблочко, а мы на тебя посмотрим, - съязвил Костя.

- Точно! - поддержал его Борис. - Только сначала в его глазки заглянем, чтобы увидеть, как душа будет покидать его брнное тело.

- Бр-р-р, скажете тоже, - обиделся Олег на смеющихся ребят.

Чернобыль представлял собой затрапезный провинциальный городок с обветшалыми зданиями старой постройки. Только в центре комплекс административных зданий образовывал нечто похожее на город. Здесь плотно прижимались вокруг небольшой площади: почта, сберкасса, переговорный пункт, здание горкома партии.

В городе работал лишь один междугородный телефонный переговорный пункт. Внутри было полно военных, ждавших своей очереди в две функционирующие телефонные кабинки. Рядом с переговорным пунктом размещалась другое помещение - небольшое фотоателье. Никакой очереди там не было, поэтому с фотографированием не возникло никаких проблем.

Получив деньги за проделанную работу, фотограф попросил клиентов погулять на улице и зайти за готовыми фотографиями через полчаса. Выйдя на воздух и прикурив, офицеры стали осматривать окрестности.

- Запоминай местность, Костя, - продолжал свой инструктаж Борис, - теперь тебе сюда часто придется по служебным делам приезжать, особенно в штаб ОГГО с различными донесениями. Вот это здание, - он указал на многоэтажный дом с вывеской «Штаб Оперативной Группировки Гражданской Обороны СССР».

Напротив штаба стояли несколько военных машин. Над крыльцом висел красный флаг с серпом и молотом, означавший наличие представителей государственной власти в этом здании. Двери постоянно открывались: люди в военной форме нескончаемой чередой входили и выходили, многие из них в руках держали портфели или полевые офицерские сумки.

На крыльцо здания вышла группа офицеров, бурно обсуждающих какую-то тему. Приглядевшись к ним повнимательней, Костя узнал в одном из них знакомое лицо.

- Парни, - обратился он к Борису и Олегу, - я, кажется, знакомого увидел, пойду с ним пообщаюсь.

В одном из офицеров, стоящих на крыльце, он узнал подполковника Штоколова Анатолия Николаевича. Костя неоднократно встречал его в Политуправлении штаба Московского округа, в воинских частях, когда тот в составе различных комиссий приезжал с проверками. Его высокий профессионализм, разумная требовательность, авторитет и порядочность всегда импонировали Арсентьеву. Здесь, в самом Чернобыле сейчас, встреча с Анатолием Николаевичем было радостным событием для Кости.

Почувствовав на себе взгляд, подполковник повернул голову в сторону Кости. Его добродушная улыбка означала, что он узнал молодого офицера.

- Арсентьев! Костя! Ты? - через секунду Штоколов крепко прижимал к себе Арсентьева. - Вот так встреча! Это ж надо, где встретились!

Стоящие рядом офицеры недоуменно переглянулись.

- Извините, товарищи офицеры, вот встретил племянника, - обратился Анатолий Николаевич к ним. - Я пообщаюсь с парнем немного, затем мы вернемся к нашим проблемам.

Те с пониманием закивали и, отойдя в сторону, дружно закурили.

Костя кратко рассказал о себе, о месте службы и о первых впечатлениях. Анатолий Николаевич сообщил, что служит здесь в должности заместителя начальника политотдела ОГГО уже месяц и 26-ю бригаду хорошо знает. В ближайшие дни он собирался вновь приехать в эту бригаду, посетив организованную им научно-практическую конференцию. Тепло попрощавшись, офицеры вернулись к своим делам.

- Ты там кого встретил? - поинтересовался Олег.

- Дядю, - Костя улыбнулся и слегка покраснел.

- Все, хлопцы, пора фотки получать, - Борис двинулся в сторону фотоателье.

Фотограф сдержал свое слово, быстро отпечатав фотографии. Поблагодарив его, ребята вышли на улицу.

- Куда дальше путь держим, товарищи офицеры? - поинтересовался Олег.

- А ты не знаешь? - вопросом на вопрос ответил Борис.

- Не-а! Я не офицер, я - прапорщик, то есть помощник офицера, - отгородился от ответственности Олег. - Вы офицеры, вот и думайте сами.

Боря посмотрел на часы и принял окончательное решение:

- Все, выходим на трассу и ловим машину до бригады. Через час все равно наши будут назад на базу возвращаться, поэтому нет смысла на станцию ехать. Пошли быстрее, а то скоро стемнеет.

Ждать долго машину не пришлось. Ехавший до села Ораное военный грузовик, довез их до долгожданного поворота в свою часть. Зайдя в штаб, оперативный дежурный объявил, что после ужина в 21.00 в первой столовой состоится совещание офицерского состава всей части, которое будет проводить комбриг.

- Вероятно, что-то серьезное случилось за этот день, - стал строить догадки Борис. - Чувствую задним местом, что очередная «заварушка» намечается.

- Скоро узнаем, - рассудил Костя. - А сейчас хотелось бы переодеться в «чистое» обмундирование.

- У меня есть предложение, - идя в сторону вагончика, предложил Борис. - Сегодня вечером, после совещания, пойдем в баню. К этому времени бойцы третьего батальона уже помоются, останется горячая вода и для нас.

Борина инициатива всем пришлась по душе. Ведь для солдата баня - это верх блаженства! Ничто так не сглаживает тяжелый быт бойца в полевых условиях, как баня и чистое белье.

До ужина оставалось менее часа. Костя решил воспользоваться этим временем, чтобы написать письмо домой. На тетрадном листке он кратко описал свою дорогу в часть, обстановку, самочувствие и в конце приписал свой новый адрес. Идя на ужин, ребята завернули в штаб и бросили свои письма в почтовый ящик. Затем они зашли к радиологам, чтобы снять показания дозиметров-накопителей. Борин дозиметр показал дозу облучения, равную 0,280 рентгена; дозиметр Олега - 0,220; Костин - 0,100.

- Это как же понимать? - возмутился Костя. - Целый день мы провели вместе, не отходя друг от друга, а дозы облучения заметно расходятся?

Проверявший дозиметры лейтенант невозмутимо ответил:

- Такое часто бывает. Это расхождение обусловлено наличием, например, «грязного» обмундирования на человеке, нахождения в различных местах самих дозиметров и прочее. Считается, что у земли уровень радиации выше, чем на некотором расстоянии от нее. Бойцы, поэтому, часто свои дозиметры засовывают в голенище сапог. Вы, товарищ старший лейтенант, радоваться должны, что меньшую дозу облучения получили, а не возмущаться.

Выйдя из штаба, Дашинский продолжил речь радиолога:

- По дозам нечего возмущаться. Мой бушлат уже больше тридцати ходок на станцию сделал, поэтому к общему фону радиации прибавляется накопленная радиация самого бушлата. Отсюда у меня доза выше вашей. С Костей все ясно: обмундирование, как говорится, «с иголки», следовательно, ты сегодня получил реальную дозу радиации. Что касается Олега, то здесь ничего не понятно.

- А, что со мной такое? - с нескрываемым испугом проговорил Олег. - Борь, ты тень на плетень не наводи, говори яснее.

Борис остановился и, повернувшись к Олегу, оглядел его с головы до ног.

- На тебе, сколько мне помнится, обмундирование новое одето, а вот бушлатик - далеко не первой свежести. Можно сказать, с чужого плеча. Угадал?

- Да, и что с того? Ну, отдал мне свой бушлат Герасимов, когда домой уезжал. Он мне как раз по размеру. Чего добру пропадать-то? - признался Олег.

- Понятно, - усмехнулся Костя и похлопал Олега по округлому плечу. - Прапорщик - он везде прапорщик! Библейская мудрость гласит: «Бойтесь данайцев, дары приносящих»!

- Вот-вот! - поддержал его Боря. - Подсунул тебе Герасимов свой «грязный» бушлат, в котором два месяца по станции пролазил, с умыслом или о, щедрости души - теперь не узнаешь. А, ты, Олег уши развесил. Рекомендую сразу же после бани его в мусорный контейнер отнести, если не хочешь на «шару» лишние дозы радиоактивного облучения получать. Кстати, как у вас самочувствие?

- У меня во рту металлический привкус ощущается, как будто гвозди облизал. А еще слабость в теле чувствую и тошноту, - обследовал себя Костя.

- И у меня такие же симптомы, - поддержал его Олег. - А еще голова болит.

- Все верно, парни! Вот вы впервые попробовали настоящую радиацию, почувствовали ее вкус. Теперь этот привкус и ощущения не оставят вас до тех пор, пока

вы не покинете 30-ти километровую зону. Ладно, орлы, полетели переодеваться, мыться и ужинать.

Конечно, все пока было нормально. Лишь одно плохо: первый животный страх радиации пережит и в душах Кости и Олега уже зародился синдром. «Чернобыльский» синдром. Но они этого еще не знали...

В столовой ужин был в разгаре. К ребятам подсел подполковник солидного вида:

- Приятного аппетита, товарищи офицеры!

- И Вам того же, - кивнул головой в его сторону Борис. - Как моральный дух бойцов и командиров первого батальона, Сергей Сергеевич?

- Сегодня - на высоком уровне! - пафосно заявил тот, уверенным движением запуская конец чистого носового платка за верхнюю пуговицу воротника гимнастерки. - Что будет завтра - трудно сказать.

- Почему же?

- По достоверным данным, - начал он почти шепотом, - с завтрашнего дня бригаду в полном составе командование ОГГО бросает на третий энергоблок. Сверху донизу мы должны будем все вылизать, как у кота яйца. А там фон радиации намного больше, чем на втором. Близость к разрушенному четвертому ректору сказывается. В общем, напряг будет серьезный, не на шутку.

- Узнаем на совещании, - кивнул головой Дашинский, посмотрев по сторонам.

Ребята дружно поднялись из-за стола и двинулись к месту сбора.

Внутри ангара собрались более сотни офицеров бригады. Было холодно, поэтому все сидели в бушлатах. Впереди, на импровизированной сцене, был установлен стол с трибуной. Возле него ребята увидели суетившегося Павла Коршунова, подключившего аппаратуру к микрофону.

- Наш начальник клуба при деле, - съязвил Борис.

Офицеры, услышавшие шутку, засмеялись.

- Товарищи офицеры! - послышалась команда, и присутствующие в зале одновременно встали. Стало тихо.

Обведя аудиторию взглядом, комбриг распорядился:

- Прошу садиться.

Выдержав паузу, он продолжил:

- Начинаем служебное совещание.

Косте передалось напряжение всех присутствующих. Они ловили слова командира и пытались угадать его настроение. Все ожидали какого-то важного заявления.

Суть доклада комбрига сводилась к тому, что с 22-го декабря, то есть с завтрашнего дня, основной задачей бригады, поставленной штабом ОГГО, является проведение дезактивации и дегазации всех промышленных цехов и служебных помещений АБК-2, а также подготовка реакторного зала для запуска третьего энергоблока. Вышедшие из строя в ходе аварии оборудование и механизмы, требовали демонтажа и вывоза в могильники. Далее комбриг отдал конкретные распоряжения командирам батальонов и отдельных подразделений на выполнение определенных видов и объемов работ и мест нахождения их штабов.

После него выступил начальник политотдела. Полковник Батраков прямо сказал, что обстановка на АБК-2 с уровнями радиации до сих пор не ясна, поскольку их никто точно не обследовал. Поэтому радиологи-разведчики должны входить в помещения первыми и делать расчеты максимального времени нахождения личного состава на зараженной местности. Он призвал командиров взводов и рот не допускать переоблучения своих солдат, активно используя вахтовый метод. После совещания Батраков распорядился собрать всех политработников и комсомольских активистов батальонов в политотделе для получения конкретных заданий.

После совещания офицеры расходились, тихо переговариваясь.

- Не уточненная информация подтвердилась, наши опасения оправдались, - уныло пробормотал Дащинский.

- Борь, я тебя знаю второй день, но уже зауважал, - таинственно произнес Костя. - Ты как ходячая энциклопедия: что ни изречешь - только успевай записывать.

- Надеюсь, без передачи в соответствующие органы...

Начальник политотдела был внутренне собран и суров. Как всегда он немногословно и конкретно распределил офицеров политотдела за подразделениями, обязав их с завтрашнего дня постоянно находиться на станции с их личным составом, знать обстановку и на нее влиять. Замполиты батальонов им обязывались представлять ежедневные письменные донесения в политотдел о выполненных объемах работ и военнослужащих, показавшись себя с положительной и отрицательной стороны. Особо начпо остановился на роли коммунистов и комсомольцев в выполнении важной государственной задачи.

- Ни один геройский поступок, факт мужества наших солдат и офицеров не должны быть не замечены командирами и политработниками, - в заключение напутствовал он.

Несколько офицеров политотдела продолжили обмен мнениями о предстоящей работе в парилке солдатской бани. Здесь можно было расслабиться и набраться сил. Умело и с толком сконструированная баня и атмосфера, царившая в ней, располагали к разговору.

- Итак, коллеги, подведем итоги, - начал неофициальный разговор полковник Бурлаков. - Каждый из нас будет находиться на АБК-2 на своих этажах. Спецы говорят, что, чем выше к крыше, тем выше уровень радиации. А у нас на последнем этаже будет работать первый батальон. Кажется, Арсентьев за ним закреплен?

- Да, я, - подтвердил Костя и вытер полотенцем лицо. - А что командование батальона из себя представляет?

- Комбат и его замполит прошли Афганистан, награждены боевыми орденами. По характеру своей работы ты ближе контактируй с замполитом - подполковником Сергеевым, - продолжил Бурлаков.

- Я с ним сегодня за ужином познакомился.

- Мужик он с норовом, но это внешне. Судя по делам, Сергей Сергеевич является глубоко порядочным человеком. Он, как и я, преподает научный коммунизм, только я - в Тамбовском командном химическом военном училище, а он - в МосВОКУ. Ты, Костя, пока молодой офицер, служба твоя еще впереди, а у него жизненного и служебного опыта целый вагон и маленькая тележка. Так что советую присмотреться к его работе, опыт перенять, и, конечно, постарайся с ним найти общий язык. Это тебе еще пригодится.

Этим вечером подобные рекомендации прозвучали в адрес других офицеров.

Глава 9

Бросок в бездну

В эту ночь нормально выспаться Арсентьеву не удалось. Ему снились кошмары - сказывались и напряжение последних дней, и масса тяжелых впечатлений, и поток поступающей информации. Проснувшись от толчка в плечо, с трудом открыв свинцом налитые веки, он почувствовал вялость во всем теле и уже знакомый металлический привкус во рту.

- Олег, пошел к черту, не кури в тамбуре, - взвыл Костя от запаха табачного дыма.

- Не могу! - бормотал тот через приоткрытую дверь. - Я, когда волнуюсь, всегда курю.

- Из-за чего волнения? - проснувшись, спросил командир комендантского взвода прапорщик Саня Пантелеев.

- Да Олег переживает, что за очередной порцией радиации поедет сегодня, - сквозь сон пробубнил Арсентьев.

Потянувшись на кровати и натягивая брюки, Саня не унимался:

- Слышь, Олег! Ты же прапорщик! А прапорщики не боятся радиации, потому что она к ним не прилипает.

- А я, кстати, сегодня с вами не еду, - радостно произнес Коршунов, направляясь к рукомоюнику.

- Что-то я не помню, чтобы начальник клуба на станцию ездил. Кино, там показывать, что ли? - встрял в утреннюю перепалку проснувшийся Борис.

- Да дежурю я по политотделу. По графику, - уточнил Коршунов, намазывая щеки.

Сборы, как всегда, были недолгими. Закончив с завтраком и пройдя торжественным маршем перед начальником штаба бригады в кромешной темноте, офицеры разбрелись к автомобилям своих батальонов.

- Комсомол, - услышал Костя голос из темноты, - садись в мою машину. - Ты худой, а я толстый, так что как раз на сидении уместимся вдвоем.

Просторная кабина КАМАЗа с трудом уместила пассажиров.

«Тесновато с Сергеевым, однако, - подумал Костя. - Придется терпеть, неудобства, нельзя было от такого приглашения отказываться».

Время в дороге прошло в разговорах. Сергей Сергеевич оказался интересным собеседником, умеющим красиво говорить и внимательно слушать.

Колонна техники в этот раз обогнула станцию с восточной стороны и, свернув налево, взяла курс в направлении саркофага. Проезжая мимо бесхозного одноэтажного здания пожарной части, Сергеев через респиратор тихо сказал, обратившись к Косте:

- Посмотри направо. Из этой «пожарки» в ночь на 26-е апреля выехали на свой последний вызов пожарные. Двадцать девять настоящих героев и первых погибших... Ни один не струсил, никто не отступил. Так все и падали безжизненно от переоблучения на том месте, где боролись с огнем и радиацией.

На стене здания Костя увидел небольшую барельефную доску, водруженную в память о погибших пожарных.

- Видишь высоченный кран? - продолжал Сергеев, указывая пальцем вдаль. - Он поднимал свинцовые и железобетонные блоки над четвертым энергоблоком, монтируя саркофаг. Неделью назад за тросы этого крана зацепился своими винтами вертолет «Ми-8». Потом бойцы моего батальона доставали из упавшего вертолета тела пилотов.

Колонна техники остановилась возле центрального входа АБК-2. Из кузовов машин на снег посыпались солдаты и офицеры. На ходу выстраиваясь, подразделения стали втягиваться в здание. На втором этаже их встретили офицеры штаба ОГГО. На левом рукаве бушлатов выше локтя у каждого из них были повязаны повязки красного цвета. К ним подошел командир первого батальона, о чем-то поговорил и, вскоре отдал команду на переодевание личного состава.

Солдаты и офицеры вошли в одно из отведенных помещений, плотно заставленное металлическими шкапами. Было приказано снять с себя всю одежду, поместить ее в шкафы и проследовать в следующий зал для получения спецодежды. Костя последовал за всеми, стесняясь своей наготы. Зажав в руках свое офицерское удостоверение, дозиметр-накопитель, папку-скоросшиватель с тетрадью для записей и небольшим запасом «Лепестков», он двинулся в следующий зал. Справа и слева от стен стояли большие ящики с нижним бельем, сапогами, застиранным хлопчатобумажным обмундированием старого образца времен 60-х годов, фуфайками и подшлемниками. Получив все это, каждый выходил в следующий зал, где облачался в эти одежды, повязывая на лицо респиратор.

Смотреть на такое войско было и смешно, и тревожно: все одеты одинаково, знаки различий отсутствовали.

«Как можно таким войском управлять, в котором не отличишь от рядового ни сержанта, ни офицера? - оглядевшись, подумал Костя. - Наверное, мы похожи на каких-то фантастических монстров».

Неожиданно раздался зычный голос комбата, на который толпа военных в цвете «хаки» среагировала поворотом головы в его сторону и воцарившимся молчанием.

- Командирам рот и взводов, - отдавал команды крепкий подполковник, - пересчитать личный состав и вывести на пятый этаж для выполнения поставленных задач.

Следом послышались отдаваемые распоряжения, фамилии. Бойцы, толкаясь, образовывали подобие строя. Мгновение назад перемешанная масса людей, одетых в одинаковую военную униформу, волей одного человека - командира - превратилась в иерархически управляемую организацию. Такое превращение поразило Арсентьева. Он не мог знать, что в будущем, дважды, находясь в экстремальной ситуации, в своей офицерской жизни ему придется прибегнуть к подобным действиям. Потом, вспоминая этот случай, он будет благодарностью вспоминать командира первого батальона, который проявил высокие командирские качества и самообладание. Костя на собственном опыте убедится в силе воли и духа командира, в его значимости, месте и роли в воинском коллективе, беря на себя командование сотнями жизней подчиненных ему людей...

Подразделения, сопровождаемыми радиологами, были направлены по объектам. Работа без промедления закипела. Одни получали спецсредства, другие замеряли уровни радиации, третьи подносили ящики с питьевой водой и складировали их в импровизированный штаб. Именно сюда связисты уже протягивали провода телефонной связи. Офицеры штаба раскладывали на столы, установленные наспех, карты и схемы расположения промышленных цехов и производственных помещений этажа, в которых работали подразделения. Замполиты рот уже передавали первую информацию в штаб: об уровнях радиации, о требуемых спецсредствах, о возникших трудностях. Сразу же принимались конкретные меры. Везде царил деловая суета. Через каждые два часа в схемы офицерами вписывались уточненные уровни радиации в каждом помещении.

Через час-полтора в штабе появились комбриг и начальник политотдела. Поздоровавшись с каждым из офицеров за руку, они заслушали доклад комбата, затем обошли все помещения, в которых работали бойцы батальона, удовлетворившись началом работ и проведенными мероприятиями по радиационной безопасности личного состава.

- Арсентьев, ты почему в таком обмундировании здесь находишься? - отведя Костю в сторону, чтобы никто не слышал их разговора, начальник политотдела строго обратился к нему, оглядывая того с головы до ног. - Где твои знаки отличия?

- Товарищ полковник, так приказ представителя штаба ОГГО о переодевании всего личного состава касался и меня, - стал оправдываться Костя. - Кроме комбата все офицеры и солдаты переодеты в спецодежду.

- Этот вопрос мы поправим. Офицер должен быть замечен среди этой однородной военной массы. С завтрашнего дня твои погоны старшего лейтенанта и моего помощника по комсомолу здесь должны маячить. Нечего их прятать, чай не на войне, где враг в первую очередь за офицерами охотится. Согласен с тем, что радиация не избирательна ко всем, не выбирает у кого какое звание, выслуга лет, должность. Перед ней все равны. Но люди тебя должны отличать от других. А ты должен быть у всех на виду и показывать пример для подражания. Понятно?

- Так точно, Анатолий Николаевич! - поспешил ответить Костя.

- То-то! И еще: я запрещаю тебе лезть первым, куда не следует. Понятно объясняю? Выполняй поставленную мной задачу, - напутствовал полковник своего подчиненного.

Незаметно пролетел день. По команде из штаба все работы были организованно завершены, и личный состав направился на переодевание. Эта процедура проходила в обратной последовательности, чем одевание: каждый военнослужащий должен был сложить в отдельные ящики зараженное обмундирование для последующей дезактивации и голым войти в душевую, чтобы смыть с тела радиоактивную грязь, используя обыкновенное хозяйственное мыло. После душа осуществлялась проверка тела радиологами на наличие радиационного фона. Плохо отмылся - ступай повторно в душ и до тех пор отмывайся, пока фон тела не будет соответствовать окружающему.

Облачившись в свое обмундирование, оставленное утром в бельевых кабинках, бойцы и командиры стали группироваться в фойе для погрузки в автомобили. Одни курили, другие тихо разговаривали, читали газеты, пили минеральную воду из горлышек бутылок. Чувствовалось, что люди устали.

Спустившись вниз, Костя обратил внимание, что возле витринного окна столпилась военные, которые с интересом рассматривали некую конструкцию, находящуюся перед входом в здание. Присмотревшись, он увидел стоящий на снегу ящик, больше напоминающий куб. Выполнен он был из толстых свинцовых листов, о чем свидетельствовала надпись на открытом люке.

Вскоре из проема показалась чья-то рука, которая с большим усилием закрыла люк. К ящику подошли четыре гражданских специалиста. За считанные секунды они подцепили стропы, свисавшие со стоящего возле саркофага высоченного крана. Стropы натянулись и оторвали куб от земли. Он плавно поплыл вверх, направляемый стрелой крана, и уже через пару минут опустился на самый верх саркофага.

Наблюдавшие за этим действием солдаты и офицеры были поражены масштабностью происходящего. Среди них пробежал гул оживления, когда они увидели на крыше саркофага еле различимые на такой высоте маленькие фигурки двух человек, бежавших в разные стороны. Они явно что-то собирали укладывали в находящиеся в руках небольшие ящики.

- Ишь, как ловко работают гражданские спецы? - неожиданно прозвучал вопрос, адресованный Арсентьеву. Это был подполковник Сергеев. В руках он мастерил свежий «лепесток», чтобы заменить старый. - Сейчас они собирают ранее установленные датчики, фиксирующие выбросы радиации из саркофага, и ставят новые. И так, каждый день.

Фигурки на крыше саркофага, сделав свое дело, быстро метнулись к кубу и скрылись в нем. В тот же миг стрела крана еле заметно дрогнула и отодвинулась от укрытия взорвавшегося реактора. Несколько минут спустя куб благополучно опустился на свое первоначальное место. Четверо гражданских специалистов тем временем освободили стропы от куба, открыли тяжелую дверь и помогли выбраться из него своим товарищам. Два помощника забрали ящики с датчиками и скрылись в здании, другие помогли смельчакам войти в вестибюль.

Сразу бросилось в глаза, что люди, только что побывавшие на крыше саркофага, были слабы и еле держались на ногах. Возле входных дверей в вестибюль находилось специально отгороженное полупрозрачной пленкой место. Здесь были размещены два стола, стулья, кушетка, шкаф. Сюда их и провели. Смелчаков встретили трое врачей, одетых в белые костюмы, перчатки и маски. Они помогли им снять верхнюю одежду, поместив ее в целлофановые мешки, и одеть «чистую» униформу. После переодевания им налили что-то прозрачное в стаканы, которые они быстро выпили. Далее ослабших специалистов посадили в служебные легковые автомобили и вывезли в строившийся город атомщиков Славутич.

Все, что увидел своими глазами Костя, как и несколько десятков солдат и офицеров, поразило. Еще бы! Они стали свидетелями поистине героического поступка двух

смельчаков, которые в течение каких-то двадцати минут выполнили опаснейшую, но чрезвычайно важную задачу.

- Какое самопожертвование! Какая отвага! - громко произнес Арсентьев, обращаясь к бойцам. - Вы видели, как люди без страха борются с радиацией? И мы не должны ее бояться.

- Конечно, не страшно, со стаканом-то медицинского спирта! - вставил фразу коренастый сержант лет сорока пяти. - Так и я бы смог.

Послышался дружный смех бойцов.

- Смирнов! А ты готов по обледелому краю крыши саркофага под ветром побегать, как они? - сразу оборвал его вопросом Сергей Сергеевич.

Заметив его смущение, подполковник добавил, обращаясь теперь ко всем:

- Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны!

Смешки и гогот солдат разошлись по всему вестибюлю.

Тем временем подошли грузовики для посадки личного состава.

- К машине, - скомандовали офицеры, и весь военный люд дружно повалил к бортам.

Колонна, плавно вытягиваясь в ниточку, брала курс на пересадочную площадку под Чернобыль. Справа, в километре от движущейся колонны, виднелся город Припять. Теперь уже можно было о нем сказать: «Бывший город...». Пустые глазницы окон многоэтажных современных, но уже необитаемых, домов и забор из колючей проволоки, больше напоминающий паутину, подчеркивали его мертвое лицо. Уже тогда можно было вполне определенно сказать, что в этом городе уже никогда не будут жить люди...

Двигаясь параллельно саркофагу, Арсентьев с любопытством и с еле скрываемой настороженностью стал рассматривать его через боковое стекло кабины грузовика. Увидев это, Сергей Сергеевич тихо спросил:

- Константин, а Вы верите в неопознанные летающие объекты и прочую там чепуху?

- Тема такая существует, но она является только неофициальной, на уровне слухов, публикаций в западной прессе, - осторожно ответил Костя, подбирая слова. - Я ничего такого не видел, хотя, как мне кажется, это должно быть интересно.

- И я так раньше думал, - продолжал он. - Пока сам своими глазами летающую тарелку над саркофагом не увидел.

Не поверив, Костя обомлел. Он не знал, как ему относиться к тому, что сейчас сказал подполковник.

- Да Вы, Сергей Сергеевич, меня разыгрываете, - изобразил обиду Костя.

- Хочешь - верь, а хочешь - нет. В общем, это было где-то дней девять-десять назад. Я с батальоном на подстанции работал. После обеда ко мне забегает командир роты и кричит, мол, посмотрите, товарищ замполит, там что-то висит. Ну, у меня - сердце в пятки: неужели кто-то из бойцов повесился, думаю? Выбегаю вслед за ним, а он тычет пальцем в сторону саркофага и что-то бессвязное орет. И тут я замечаю, что в метрах тридцати-пятидесяти над крышей саркофага действительно завис объект, внешне похожий на перевернутую тарелку. По ободу тарелки мерцают красно-синие вращающиеся огни. Я как замороженный, просто обомлел. Объект немного повисел над укрытием и растворился в начинающем темнеть небе, резко набирая высоту.

- Кроме Вас и вашего офицера кто-нибудь еще видел это явление? - осторожно, чтобы не задеть самолюбие подполковника, поинтересовался Костя.

- Да практически весь батальон.

- А Вы, товарищ водитель, видели или слышали что-то об этом? - обратился Костя к водителю.

- Нет, не приходилось, - тихо ответил тот, бросая настороженный взгляд в сторону саркофага своими широко раскрытыми глазами.

Колонна наконец-то добралась до площадки пересадки личного состава. Здесь Костя увидел Олега Турыгина и направился к нему.

- Как поживает мой единственный подчиненный? А, ну, докладывай, чем занимался, что сделал за день? - завалил его вопросами Костя.

- Не поверишь: за тобой соскучился, - признался в своих чувствах Олег. - Ты уж больше не пропадай, ладно?

- Не знал, что прапорщики такие сентиментальные.

- Ну, все, теперь от твоих подколов не будет отбоя, - с досадой ответил Олег. - Я вот тебе банальный вопрос сейчас задам: ты как себя чувствуешь?

- Не понял. Ты что имеешь в виду?

- Живот, например.

- Что, от радиации обоср..ся? - рассмеялся Костя. - Тебя ж Борис предупреждал, чтобы...

- Да я не это имел в виду, - перебил тот. - Просто у меня расстройство желудка какое-то ужасное.

- Послушайте, Киса, - опять продолжил хохмить Костя, цитируя слова одного из литературных героев Ильфа и Петрова. - Здешняя пища Вам форменно противопоказана.

За разговором они не заметили, что все места в кабинах машин уже заняты офицерами, остались свободными лишь в кузовах, где размещались солдаты.

- Ну, вот, из-за твоего живота, Олежек, придется плацкартными местами довольствоваться, - сетовал Костя, усаживаясь на лавке возле борта.

Машина вскоре тронулась, и солдаты сразу дружно закурили. Учитывая тот факт, что задний полог тента был опущен, а в кузове КАМАЗа находилось не менее тридцати человек, из которых почти все одновременно курили, внутри вскоре стало невозможно дышать. Не спасали даже респираторы. Во рту ощущался неприятный привкус горечи, в горле запершило. Накатила тошнота, а глаза от табачного дыма заслезились.

- Что ж вы, черти, делаете? - взмолился Арсентьев. - Не можете по команде курить через одного? Где ваша сознательность? Ведь мы все задохнемся в таком табачном дыму. Устроили, понимаешь, газовую комнату.

Кто-то откинул полог, другие нехотя затушили сигареты, бормоча себе под нос что-то вроде: «Нечего офицерам с солдатами в кузовах разъезжать. Офицеры в кабинах сидят и от автомобильных печек греются, а мы - сигаретами».

Найти недовольного не представлялось возможным, так как и на улице, и в кузове было темно. Чтобы как-то разрядить обстановку и сменить тему, Арсентьев обратился к бойцам:

- Я совсем недавно слышал одну историю, больше похожую на сказку, - от таких Костиных слов в темноте воцарилась тишина. - Честно говоря, лично я в нее не поверил, да и вы, товарищи солдаты, вряд ли поверите. Но то, что мне рассказали, просто потрясает. Вот, послушайте...

Костя поведал историю о летающей тарелке над саркофагом, услышанную недавно от Сергея Сергеевича, чуть приукрасив для большей убедительности свой рассказ.

После того, как Костя умолк, в кузове повисла тишина. Но, уже через пару минут кто-то в углу пессимистично произнес:

- Брехня-я-я!

- А я верю, - возразил ему другой солдат.

- Я неделю назад прибыл в батальон и слышал, как старослужащие рассказывали об этом случае, - сказал кто-то еще, сидевший ближе к заднему борту. - Все так и было, как рассказал старший лейтенант.

- Это не сказка, а быль, - поддержал дискуссию солдат, сидевший напротив Кости. - Это было почти две недели назад. Точно! Я своими глазами видел все то, о чем рассказал офицер. Эй, Семеныч, - он обратился к своему товарищу, находящемуся в кузове. - Спишь, что ли? Подтверди сей факт. Ты ведь тоже там был в это время и все видел.

- Да не сплю я, - зажженная спичка осветила лицо пожилого солдата, подкуривавшего папиросу. - Было ли такое? И было, и нет. Даже сейчас вспоминаю, явственно вижу эту тарелку, но поверить и понять, что это такое, я не могу.

Разговор неожиданно прервался, когда скрип тормозов грузовика оповестил о прибытии колонны в бригаду.

- К машине, - прозвучал командирский голос.

Все устало повалили к выходу. Спрыгнув на снег, Костя посмотрел на лицо Олега: что-то темное на белом фоне респиратора на уровне подбородка привлекло его внимание.

- Олег, а ну, сними «лепесток». Что это за пятно у тебя?

Турыгин развязал тесемки и заглянул вовнутрь респиратора. На подбородке и на самом респираторе виднелись пятна крови.

- Это кровь, Костя. То-то я почувствовал слабость, даже заснул в машине почти у тебя на плече. А это просто кровь носом пошла и засохла у меня на лице.

- Как сейчас твое самочувствие?

- Слабость ощущаю и головокружение.

- Так, тогда двинулись в ПМП. Пусть врач тебя осмотрит, - принял решение Костя и, взяв под руку Олега, осторожно повел его в санчасть.

Медицинский персонал быстро оказал необходимую помощь Олегу. После медицинского осмотра ему помогли отмыть лицо от крови и заставили принять лекарства. Вышедший к Арсентьеву доктор, проинформировал, что здоровье его подчиненного неважное, и нахождение Олега в радиационной зоне в дальнейшем нежелательно.

«Во, дела, - подумал Костя. - Значит, Олег больше не боец. Скоро он вернется домой, а все задуманное здесь придется реализовывать мне одному. Жаль Олега, конечно, но ничего не поделаешь».

Переодевшись в «чистое» обмундирование, друзья направились к радиологам для снятия показателей дозиметров-накопителей. На этот раз Костин дозиметр показал 0,190 рентгена, Олега - 0,310. Глаза Олега светились от радости. Еще бы: его доза облучения за два дня пребывания на станции составила уже полрентгена.

- Чудак! - незлобно огрызнулся Костя на Олега. - Нашел в чем соревноваться со мной. Тебе же эта доза облучения здоровья ведь не прибавит.

- Зато приблизит день моего откомандирования отсюда, - парировал Олег.

Совещание в политотделе, проводимое начальником, не отличалось ничем особенным: короткие доклады, постановка конкретных задач на следующий день и т.д.

После его завершения слово попросил Тарасенко:

- Завтра по политотделу дежурит Арсентьев. Помимо выполнения обязанностей дежурного Вам, старший лейтенант, следует обеспечить политотдел ящиками с минеральной водой.

- Где и у кого ее получать? - поинтересовался Костя.

- Разберешься на месте, небось, офицером работаешь, - ехидно ответил тот.

После совещания Борис отвел Арсентьева в сторону.

- Да не конфликтуй ты с этим козлом, - дружески наставлял он. - Сегодня дежурил его прихлебатель Федоров, он и должен был пополнить воду, но не сделал этого. Видимо посчитал для себя унизительным заниматься этим делом. Пойдем, я покажу, где получать воду и познакомлю с офицером из тыла, который тебе ее и выпишет по накладной. Делов-то...

Курс на ускорение

Рассвет еще не занялся, а Костя уже всюду решал политотдельские дела: нужно было быстро собрать необходимые данные по выходу на станцию личного состава по конкретным объектам и доложить по телефонной связи в штаб ОГГО, подготовить информацию о проведенной комсомольской работе за неделю для включения ее в донесение начальника политотдела в адрес начальника политуправления округа. До 10 часов утра эта работа была выполнена.

Трудности возникли лишь с докладом в Чернобыль. Дело в том, что связь была исключительно военной, а это значит, что дозвониться можно только по позывным. Косте удалось это сделать лишь, наверное, с десятой попытки.

Ему пришлось изрядно побегать, чтобы найти трех бойцов из числа дневальных, с помощью которых он притащил восемь ящиков бутылок минеральной воды для политотдельцев и отдельно ящик «пепси - колы» для начальника.

«Все служебные вопросы решены, теперь можно и письмо домой написать, - переводя дух, размышлял Костя. - Оказывается, отсюда долго письма доходят до «большой земли». Вроде я недавно уехал из дома, а уже соскучился по жене и сыну. Как там они без меня?»

Чтобы не тяготиться одиночеством и ничегонеделанием, он засел за небольшую печатную машинку, вставил стандартный чистый лист бумаги и стал тренироваться в печатании. Ему и раньше приходилось печатать, правда, на электрической машинке. На этой же, механической, да к тому же очень старой, печатать было сложно. Необходимо было прикладывать усилия при нажатии на клавиши и самому передвигать каретку, следить за окончанием строки. Однако текст ложился ровно, и бумага не пачкалась.

Закончив с письмом, Костя вновь погрузился в свои комсомольские дела. За несколько дней, проведенных здесь в новом качестве, ознакомившись с условиями и характером выполняемых задач, у него созрели некоторые мысли относительно места и роли комсомола бригады в их реализации. К тому же и начальник политотдела требовал новых инициатив, направленных на качество скорейшего решения поставленных задач, которые могли быть замечены вышестоящим руководством и по достоинству оценены. Костя ясно представлял себе, что «снизу» инициатив не дожидаться, поэтому остается придумывать их самому.

Он, обладая хорошим уровнем подготовки к профессии политработника, имея серьезный опыт работы комсомольским вожаком политотдела соединения, никогда не пасовал перед трудностями. Поэтому ему надлежало найти ординарные формы и методы такой работы, такие простые и реальные мероприятия, которые были бы довольно эффективными в этих условиях.

«Нужно найти такую «изюминку», - рассуждал и выстраивал свои мысли в логической последовательности Арсентьев, - которая была бы способна «хватить и увлечь всех, заставить говорить о ней, в конце концов».

Расхаживая по кабинету, он время от времени склонялся над листом бумаги, что-то записывал, рисуя на нем какие-то схемы. Ход его мыслей нарушил стук в дверь. На пороге появился его бывший одноклассник Санька Кучеренков.

- Ты один, земля? Че делаешь?

- Один. Дежурю вот по политотделу. Проходи, Сашок, посидим, погутарим.

- Не люблю я по кабинетам сидеть, лучше давай в военторговский магазин сходим.

Говорят, что вновь открылся. Там заодно и пообщаемся.

Вспоминая свои школьные годы и бывших одноклассников, они двинулись в сторону магазина. Он располагался возле палаточного городка батальонов в большом вагончике. В магазине было все: туалетные принадлежности, белье, напитки, продукты, табачные изделия. Особым спросом у покупателей пользовались тельняшки. Присутствующие здесь военнослужащие скупали их пачками. Костя поддался общему настрою, прикупив тельняшку в форме майки.

Разместившись на подоконнике, оба с удовольствием уплетали печенье, запивая его бодрящим напитком «фанта». Из динамика, стоящего на витрине, лилась классическая музыка. Бросив на него взгляд, Костя обратился к Кучеренкову:

- А скажи, Сань, где динамики находятся?
- Да почти в каждом кабинете штаба и во всех палатках, где живет личный состав.
- Так это просто чудесно! - Костя еле сдержал восторг от своей догадки.
- Что именно? - не понял Кучеренков.
- Скоро узнаешь! - загадочно ответил тот.

Вернувшись в штаб, Арсентьев уже знал, что нужно делать. Он подкорректировал свои, ранее сделанные, наброски и, пробежав их несколько раз глазами, остался доволен.

- Знания, опыт, организаторские способности, наблюдения и немножко фантазии - ключ к успеху любого предприятия, - удовлетворенно заключил Костя.

Суть его инициативы заключалась в том, что в масштабах всей бригады между подразделениями и их комсомольскими организациями было необходимо развернуть соревнование в честь XX съезда ВЛКСМ. Объектом такого соревнования должно было стать ускорение противорадиационных работ на третьем энергоблоке по дальнейшему вводу реактора в эксплуатацию.

Для фиксации результатов соревнования предлагалось создать комсомольско-молодежный штаб, в который вошли бы человек 10-15 из числа коммунистов, комсомольцев, беспартийных военнослужащих бригады разных воинских званий. Такой состав должен был содействовать укреплению связей воинов различных возрастов и их политических пристрастий, а не выделять только одних комсомольцев, показывая тем самым, что это дело касается всех.

Итоги соревнования следовало бы подводить членам штаба ежедневно с применением бальной системы каждому подразделению.

Для придания гласности подобному мероприятию предлагалось использовать известные формы политической и пропагандистской работы: печать подразделений, митинги, политинформации и т.д. Отдельная роль отводилась клубу части. Через его радиоузел планировалось проводить ежедневные короткие радиопередачи, транслирующиеся посредством динамиков в строго определенное время и заканчивающиеся выпуском музыкального концерта по заявкам военнослужащих и подразделений - передовиков соревнования.

Для поощрения отличившихся Костя планировал использовать финансовые возможности бригады с целью приобретения ценных подарков и изготовления вымпелов. Для решения этого вопроса необходимо было наладить связь с ЦК ЛКСМ Украины и с Киевским Обкомом комсомола, а в дальнейшем получать от них комсомольские награды и поощрять ими лучших воинов бригады.

Отдельно он акцентировал внимание на отражение хода соревнования в газетных изданиях Союза и республики, в том числе в «Красной звезде», «Комсомольской правде».

Все свои предложения Костя изложил на бумаге сначала от руки. Затем, подумав, что такая писанина на официальный документ никак не тянет, он начал набирать текст на машинке. Получилось гораздо лучше: строки стали строже и ровнее, а смысл задуманного - понятнее. Правда Кости и реальность выполнения плана еще сильнее

укрепили его убеждения в задуманном деле. Теперь оставалось дождаться принятия решения по утверждению Костиных предложений начальником политотдела.

Вскоре в коридоре штаба послышался знакомый баритон полковника Батракова. Выждав для приличия пару минут, после того, как тот вошел в свой кабинет, Арсентьев решительно постучал в дверь начальника.

- Разрешите войти, товарищ полковник?

- Заходи, комсомол. Что у тебя? - поинтересовался полковник, захлопывая перед собой папку с документами.

- Я подготовил предложения относительно наших комсомольских дел, - несколько смущенно произнес Костя и положил на стол два листа бумаги с отпечатанным текстом.

- Оставляй, я чуть позже посмотрю. Занимайся дальше своими делами, - сказал тот и направился к выходу, прихватив на ходу кожаную папку.

За выполнением мелких поручений дежурного, отвечая на телефонные звонки из штабов ОГГО и третьего сектора, Костя не заметил, как наступил вечер. С прибытием офицеров политотдела суэта в штабе увеличилась. Большую нервозность в обстановку, как всегда, вносил подполковник Тарасенко. Мотаясь по штабу из кабинета в кабинет, он собирал любую информацию, а затем, интерпретируя ее по-своему, распространял дальше.

Сейчас он был каким-то дерганым, бросался на младших офицеров политотдела с различными придирками, не затрагивая при этом Федорова и Булгакова. Вернувшись в очередной раз в кабинет, он нечленораздельно произнес:

- Начпо распорядился, чтобы никто никуда не расхотелся. Сейчас он важное объявление сделает.

Действительно, начальник политотдела не заставил долго себя ждать.

- Я только что от командира бригады, - начал он. - Мы с ним внимательно изучили предложения, разработанные одним из офицеров политотдела, по организации соревнования комсомольско-молодежных подразделений бригады в проведении противорадиационных работ на третьем энергоблоке по досрочному вводу реактора в эксплуатацию и признали их толковыми, - от этих слов у Кости пот почему-то выступил на лбу. - С этого момента мы начинаем по ним работать. В этой связи каждый политотделец получит конкретную задачу.

Завертелась организационная работа: готовились списки членов штаба соревнования, уточнялись фамилии ответственных лиц за определенную деятельность, устанавливались сроки готовности и средства выполнения мероприятий, подготавливался проект приказа командира части на организацию соревнования. Все были поглощены работой и знали, как и что нужно было делать.

Иногда Арсентьев стал замечать на себе неодобрительные взгляды Тарасенко и Федорова. А вскоре он услышал в свой адрес:

- Жили спокойно, пока новый комсомолец не объявился со своими инициативами, - произнес как-то Тарасенко.

- Энергии много, надо бы поубавить! - тут же поддержал его Федоров, потирая свой орлиный шнобель.

Костиной реакции не последовало. Арсентьев был в своей стихии: мотался по подразделениям, кому-то что-то объяснял, доказывал, выступал на комсомольских собраниях, агитировал, поддерживал, вдохновлял, собирал нужную информацию, затем делал наброски текста для эфира радиоузла части, и тут же передавал его начальнику клуба для трансляции на всю бригаду...

Вскоре появился первый положительный результат. Все чаще приходилось слышать от солдат и офицеров подразделений слова благодарности за то, что их труд замечен, а отличившиеся стали известны всем. Они с нескрываемой гордостью рассказывали друг

другу о врученных перед строем письменных благодарностях, ценных подарках. Особо они дорожили морскими тельняшками, врученными в качестве поощрения.

Косте было приятно осознавать, что его узнают бойцы и командиры, приветливо встречают, охотно разговаривают, делятся сокровенными мыслями. От рекомендаций, дружеских советов и слов поддержки отбоя не было.

Однако, на фоне некоего служебного благополучия, настроение Кости было испорчено одним обстоятельством. Дело в том, что на протяжении последних пяти дней его дозиметр показывал уровень радиации, соответствующий лишь фону территории бригады. Он поделился об этом с Дашинским, который сразу повел Костю к радиологам.

- Николай Николаевич, - обратился он к начальнику радиационной службы, - проверьте дозиметр Арсентьева. По-моему, дозиметр вышел из строя.

- Не может быть, чтобы испортился, он же металлический, - возмутился капитан.

- Тогда как объяснить тот факт, что у него пять дней подряд показатели не выше фона бригады, хотя он все это время с третьего энергоблока не слазит?

Проверив показатели, майор покрутил дозиметр в руках, внимательно его рассматривая, поцокал языком.

- Ну, что с ним? - осторожно поинтересовался Костя.

- Что-что? Отслужил, очевидно, свое, - как-то неопределенно ответил Николай Николаевич. - Ладно, вот тебе, комсомол, новый дозиметр. Кстати из моего резерва. Расписывайся за получение, а старый придется списать.

Проверить работу нового дозиметра пришлось уже на следующий день. Теперь его показатели соответствовали показаниям дозиметров Костиных товарищей.

Глава 11

Профиль черныбыльской ночи

Утро 29-го декабря начиналось как обычно: все тот же ранний подъем, быстрый завтрак и построение полусонных подразделений на темном плацу.

- Арсентьев! - к строю офицеров управления подошел Тарасенко. Его появление для Кости не сулило ничего хорошего. - Ты сегодня на станцию не едешь.

- А, что случилось? - осторожно спросил Костя замначпо.

- Заступаешь в наряд по штабу 3-го сектора на сутки с 9.00, а твой Турыгин едет в Киев за канцелярскими товарами, - с нескрываемой неприязнью прогундосил он, тыкая пальцем в сторону Олега.

- Где находится этот штаб и как туда добраться?

- Найдешь, не маленький, - на ходу через плечо бросил Тарасенко и потрусил на посадку в УАЗик.

Олег посмотрел на наручные часы и предложил Арсентьеву:

- Сейчас всего лишь шесть часов утра. Пойдем в вагончик, я переоденусь в повседневную форму, а ты обязательно возьми с собой помимо туалетных принадлежностей пару банок консервов, сухарей и сахар. Да и две бутылки воды в вещевой мешок положи. Это также может тебе пригодиться.

Друзья, закончив свои приготовления, пошли в штаб. По пути они затронули в разговоре тему неприязни Тарасенко к ним.

- Сдается мне, Костя, Тарасенко хочет нас зачмырить. Видишь, во все дыры нас сует.

- Да не он тут главный, слава богу! Все видят, что Тарасенко никудышный организатор и руководитель. Командиры и замполиты батальонов его на дух не

переносят. А все потому, что стучит начальнику политотдела на них, да и нелепые сплетни распространяет по всей бригаде.

- Вот из-за таких козлов нас - политотдельцев - в войсках и не любят, - философски заключил Олег. - Должен, Костя, тебе честно признаться, что перед построением Тарасенко отвел меня в сторону и предупредил о моей командировке в Киев. Он дал мне деньги и сказал, чтобы я на них купил ему водки.

- Ах, вон оно, что! - сплюнул на снег Костя. - А канцтовары, это для отвода глаз, получается? Патриот хренов! То-то я смотрю, не складно как-то: пару дней назад начальник клуба за канцтоварами уже ездил, а тут вдруг опять они понадобились.

- Паша Коршунов мне рассказывал, что Тарасенко и его водкой озадачивал. Оказывается, Тарасенко с Федоровым выпивают в своем вагончике каждый вечер. А знаешь, о чем я сейчас подумал своим прапорщицким умишком? Грех не воспользоваться таким моментом, не купив для нас тоже водки. Все ж Новый год на носу, да и полезно для нашего здоровья будет. Сам знаешь: радиация алкоголя боится. Я уже собрал деньги с наших ребят по вагончику.

- Ну, я, как все, как коллектив, - Костя полез во внутренний карман, отсчитал купюры и отдал их Олегу. - На, держи деньги. Только смотри, не попадись со спиртным здесь в бригаде, противоалкогольный закон никто не отменял. Запрет на спиртное остается в силе.

- Постараюсь, - пообещал Олег.

У оперативного дежурного Костя уточнил место дислокации штаба 3-го сектора. Деревня Разсоха располагалась в 8-10 километрах от бригады. К сожалению, выезд дежурной машины из части накануне праздников приказом комбрига был запрещен, поэтому Арсентьеву пришлось рассчитывать только на себя.

Проклиная все на свете, но в большей степени Тарасенко, он шагнул в сторону автомобильной дороги, соединяющей село Ораное и город Чернобыль. Решив сократить путь, Костя свернул в лесополосу. Снег был неглубоким, поэтому идти было незатруднительно.

Уже рассвело. Слегка поднявшаяся шапка зимнего украинского солнца небрежно бросала свои золотистые блики на ровный снег, заставляя Костю морщиться и смахивать с ресниц набегавшие слезы.

Впереди от себя Костя заметил непонятные ровные холмики, разбросанные между стволами высоких сосен. Они заинтересовали его, потому что были какими-то необычными. Используя найденную на снегу крепкую ветку, Костя стал раскапывать один из них. Какое же было его удивление, когда в освобожденном от снега месте он увидел гриб. Да, это был гриб, белый груздь, но такой большой, что его размеры просто поразили Костю. Крепкая высокая ножка гриба уверенно удерживала свою шляпу, окружность которой доходила до полуметра.

- Что нашел? - спросил его догнавший по следу и запыхавшийся Турыгин.

Костя удивился внезапному появлению Олега, но интерес к находке был сильнее.

- Смотри, какой большой белый груздь! Никогда раньше ничего подобного не видел, - Костя явно восторгался лесным богатством.

- Так он от радиации такой здоровый вымахал.

Подойдя поближе к грибу, он с размаху ударил по нему ногой. От ботинка полетели крупные мясистые куски гриба, причем со звуком, напоминающим ломание ветки.

- Не трогай красоту, - оттолкнул его Костя.

- А вдруг эти грибы кто-нибудь съест? - не унимался Олег. - Наоборот, их нужно уничтожать.

- Кто съест-то? Людей в округе нет, сам знаешь не хуже меня. Они стоят, пока заморожены, а чуть потеплеет, они сами и развалятся. Так пусть хоть глаза радуют и удивляют своими размерами.

- Лирик ты, Костик, - заключил Олег.

Наконец друзья добрались до дороги. Покури в на прощание на обочине, Костя перешел дорогу по укатанному колесами военной техники снегу. Вскоре на горизонте на Олега в полосе показалась машина. Вскинув руку, она остановилась рядом с ним. Через мгновение Олег, помахав Косте, помчался в сторону Киева.

Поправив на плече вещмешок, Костя, не спеша, направился в обратную сторону, к станции.

«Все-таки, интересно в жизни получается, - размышлял он, шагая по обочине, иногда оборачиваясь назад. - Перед каждым человеком лежит своя дорога. И каждому суждено по ней пройти столько, сколько отведено судьбой. Кто-то по ней едет. А кому-то приходится идти пешком, спотыкаясь и скользя, подставляя лицо холодному ветру. Вот и я свою дорогу должен пройти сам, на своих двоих, до конца, какой бы она ни была».

Вскоре его догнал грузовик киевской бригады и довез Костю до ПУСО. Попрошавшись с водителем, молодым донецким парнем, Арсентьев направился к блокпосту, на котором дежурили милиционеры. Рядом с милицейским постом Костя увидел дорожный указатель: «Разсоха - 4 км».

- Каким образом можно добраться до Разсохи? - спросил он молодого милиционера у шлагбаума.

- А куда Вам там нужно? - поинтересовался милиционер, поправляя на ремне пистолет.

- Мне в штаб третьего сектора нужно попасть.

Оглядев Костю с головы до ног, он посоветовал пройти в палатку и подождать попутную машину. Внутри палатка была перегорожена большим брезентом, образуя, таким образом, своеобразный тамбур. Здесь стояла небольшая металлическая печка, стол и пара стульев. Костя подкинул уголь в печку, вытащил сигареты и закурил.

Минут через пятнадцать в палатку вошел тот же милиционер.

- Вам повезло, товарищ старший лейтенант, попутка идет как раз до деревни. На ней и доберетесь до места.

Костя с радостью забрался в кабину. Обрадовавшись неожиданному попутчику, словоохотливый водитель стал рассказывать о себе. Костя особо не слушал его: ему хотелось только согреться и поспать. Но, чтобы не обидеть водителя своим молчанием, Костя иногда кивал ему головой, вставлял какие-то ничего не значащие слова или фразы.

Деревня показалась неожиданно. Она встретила Костю засыпанными девственным снегом крышами, молчаливыми недымящимися трубами, ставнями на окнах, забитыми досками крест-накрест, и наклонившимися в разные стороны заборами. Везде ощущались запущенность и разруха. Отсутствие какого-либо человеческого присутствия зарождало животный страх. Лишь наезженная односторонняя колея от военной техники давала надежду обнаружить в этих краях хоть какую-то жизнь.

- Приехали! - сказал солдат, притормаживая возле одноэтажного дома с серыми, обвалившимися местами большими кусками штукатурки, стенами. Поверх окон виднелась надпись, сделанная выцветшей коричневой краской - «почта».

Вокруг здания снег был очищен, а утопанная неширокая тропинка подсказывала, что вход в дом находится с торцевой стороны. Пройдя по ней, Костя увидел прибитый прямо к стене над дверью неровно отпиленный кусок фанеры, на котором красной краской было написано - «штаб». Стряхнув снятой перчаткой с сапог снег, он решительно открыл дверь. Внутри, где-то посередине коридора, слабо светила лампочка, противно пахло хлоркой и прелостью.

Присмотревшись, Костя взялся за ручку первой попавшей двери, постучал в нее и дернул на себя. Он вошел в просторную комнату, где за столом сидели три старших офицера. Один из них, подполковник, посмотрел на вошедшего и спросил:

- Вам кого?

Костя представился и объяснил цель своего визита.

- Почему опаздываете, старший лейтенант? — оживился молодежавый майор, сидевший спиной к Косте.

- А разве я опоздал? - вопросом на вопрос ответил он. - Мне сказано было: прибыть к 9.00, сейчас же - всего 8.35. Если я не точен в прибытии, тогда пойду на свежий воздух и подожду свои двадцать пять минут.

- Арсентьев, не надо никуда уходить, - встрял в разговор пожилой майор. - Снимай бушлат, шапку, располагайся за свободным столом.

Пока Костя искал место, чтоб присесть, пряткий майор и высокомерный подполковник стали одеваться.

- Митрич, - обратился к пожилому майору подполковник, - мы пошли за вещами, а ты старлея заинструктируй до слез. Встретимся в машине.

Тот кивнул головой и сказал:

- Добре!

Через минуту, положив перед Костей журнал докладов из частей, майор вкратце рассказал, что, когда и куда записывать.

- Все офицеры штаба сектора отпущены домой к семьям на 6 суток Новый год встречать. Поэтому ты остаешься здесь один на первые двое суток. Тебя сменит офицер из киевской бригады.

- Как на двое суток? Я в первый раз об этом слышу, - Костя был поражен таким откровением.

- Твой Тарасенко об этом знал три дня назад.

- Он мне ничего не сказал. А где и чем мне питаться двое суток? Где мне спать, в конце концов? - не унимался Костя.

- Из стульев соорудишь что-нибудь, - весело парировал майор, но в тот же миг вдруг строго посмотрел на Костю. - И, вообще, ты задаешь слишком много вопросов. Это не позволительно для молодого офицера.

- Значит, моя проблема состоит в том, что я молодой офицер?

- Именно так, - с издевкой сказал майор.

- Знаете, товарищ майор, я, будучи замполитом роты, целый год с «дедовщиной» боролся, да плюс три с половиной года на комсомоле с этим монстром борюсь, и, очевидно, конца и края этой борьбы не видно. Но, теперь я знаю - почему.

- Ну, и? - изумленно вопрошал он.

- Пока такие офицеры, как Вы, в армии служат, «дедовщину» нам не искоренить.

Майор, насупившись, посмотрел немигающим взглядом в глаза Арсентьева, нахлобучил на голову шапку и, хлопнув дверью, вышел прочь.

«Да, уж! Все-таки не очень приятная перспектива для меня ближайшие два дня провести в одиночестве в безлюдной деревне, к тому же без пищи, - рассуждал Костя. - Ну, что ж, пора разведку местности произвести и побеспокоиться о своем существовании в этих условиях. Хорошо, что Олег подсказал прихватить с собой часть сухпая».

Он внимательно обследовал кабинет: обшарпанная мебель, три телефона с военной связью, какие-то бумаги. В коридоре все двери закрыты на ключ. Во дворе он обнаружил вповалку лежащие сосновые стволы, часть из которых были напилены, но не поколоты. Рядом с чурками Костя нашел топор со сломанной ручкой и стал их колоть на дрова. Поработав до первой усталости, он собрал часть дровишек и отнес к печке. Подброшенные в огонь сосновые поленища занялись пламенем, наполняя комнату теплом и хвойным запахом.

Костя вновь вышел на улицу, закурил и стал, не спеша, обходить здание по периметру, рассматривая все по сторонам. Солнце весело светило, хотя в воздухе

ощущался небольшой мороз. В звенящей тишине он слышал лишь скрип снега от своих сапог да изредка раздававшееся где-то далеко карканье ворон.

Ну вот. Казалось бы, что можно теперь и расслабиться. Но минуты умиротворенности вскоре сменились нарастающим чувством неопишуемого внутреннего волнения. Оно исходило откуда-то извне и забиралось вовнутрь Костиного тела, отдаваясь ударами сердца в области живота. Ему пришлось остановиться и оглядеться вокруг. Ничего подозрительного он не обнаружил. Никого, кроме его самого и каркающих в окрест ворон, не было в этом убогом месте.

«Что это: страх или нечистая сила? - подумал Костя. - Был бы я верующим, перекрестился бы, молитву прочитал бы. Нечисть, глядишь, и отступила бы, как у Гоголя в «Вие». Остается одно: закрыться на засов и сидеть безвылазно в этой норе».

Он захватил с собой побольше наколотых дров, засунул за ремень топор и поспешил в дежурку. Входную дверь Костя, на всякий случай, подпер шваброй, стоявшей без дела, и для большей прочности подтащил к двери сломанный стол.

Неожиданно раздался телефонный звонок, за ним другой. Звонили из частей с докладами. Костя аккуратно записывал в журнал поступающую информацию, принимал телефонограммы и передавал их дальше по назначению. В перерыве между звонками он написал несколько писем: жене, родителям, сослуживцам родного политотдела. Особо писать было нечего, поэтому он ограничился описанием своего здоровья, настроения и той работы, которую выполняет в «зоне». Написав адреса на конвертах, Костя спрятал их в полевую сумку.

За окном смеркалось. Первые зажженные на вечернем небе звезды стали заглядывать в окно. Часы показывали 17.00.

- Елки-палки, пора обедать, - с нескрываемым восторгом пробасил Костя, и, немного подумав, добавил: - А заодно и поужинать.

Открыв ножом банку рыбной консервы, он поставил ее подогреть на печку. Вымыв минеральной водой руки, насухо вытер их своим полотенцем.

Утолив голод и выкурив очередную сигарету, Костя, страдая от одиночества, решил дозвониться до политотдела своей бригады. С первой попытки это сделать у него не получилось: то телефонист на узле связи не отвечал, то политотдельский телефон был занят, то «реле там с ячейкой шалют», как в песне у Высоцкого. Но, проявив настойчивость, Костя все-таки дозвонился. Трубку на другом конце поднял Борис Дашинский.

- Борь, как я рад тебя слышать!

- Ты откуда звонишь?

Костя вкратце рассказал ему, где он и чем занимается, какую роль в этом сыграл Тарасенко и т.д.

- Вон оно что! Через час Батраков вернется со станции, и я ему все рассказанное тобою доложу. Пусть он знает о проделках своего «боевого зама». Не унывай!

- Может не стоит, Боря, - осторожно предложил Костя. - Тарасенко узнает, что ты начпо рассказал, так он и тебе пакостить начнет.

- Мне нечего бояться: я не кадровый офицер, а призванный из запаса, мне военная карьера не нужна. К тому же после Нового года я жду замену. Это он пускай таблетки глотает.

- Спасибо тебе, Боря, за поддержку.

- Не стоит. Я еще ничего не сделал.

После разговора с Дашинским у Кости улучшилось настроение, укрепились вера в справедливость и честность людей.

Чтобы как-то, хоть немного, улучшить свой быт, Костя приступил к обустройству помещения. Возле металлической печки из стульев он соорудил топчан для сна, постелив

свой бушлат. Под голову подложил вещевой мешок и полевую сумку. В огонь подбросил еще дров, чтобы хватило тепла на длительное время.

Вскоре в комнате погас свет. Костя несколько раз пощелкал выключателем и, убедившись в никчемности своих усилий, потерял всякую надежду осветить помещение. Он открыл дверцу печки, и комната наполнилась мерцающими бликами огня.

«Ничего, можно и без света перекантоваться, - подбадривал себя Костя - - Самое главное, что есть печка и дрова, а это и свет, и тепло».

Он сидел на корточках перед открытой дверцей печки и смотрел на огонь.

«И в правду говорят, что огонь завораживает, притягивает к себе, - размышлял Костя. - Вот такой, спокойный и потрескивающий, отдающий тепло огонь воистину обладает каким-то магическим свойством. К нему тянет, он радует и вселяет уверенность в завтрашнем дне. Но, если ему что-то не понравится, то страшнее и безжалостнее его нет никого на свете...».

Зазвонил телефон. Поднявшись, Костя поднес к уху трубку.

- Дружище, сейчас с тобой будет разговаривать начальник политотдела, - услышал он Бориса.

- Арсентьев, слышишь меня? - тут же раздался голос Анатолия Николаевича.

- Так точно.

- Меня в курс дела ввел Дашинский. Переночуешь там, а завтра утром за тобой придет машина с офицером, который сменит тебя. На машине приедешь на станцию. Подключайся к работе с первым батальоном, а я тебя там найду. Задача ясна?

- Теперь ясна.

- Все. До встречи!

После разговора с полковником Батраковым Костя воспрянул духом. Ему было радостно осознавать, что его начальник нашел время вникнуть в ситуацию, не бросил своего офицера прозябать без дела двое суток в этой дыре. Значит, он кому-то нужен, в нем нуждаются, на него рассчитывают. А это дорогого стоит!

Накопившаяся усталость последних дней брала свое. Арсентьев не заметил, как снова и снова прокручивая в голове обрывки фраз и эпизоды пережитого дня, заснул. С момента приезда в бригаду сны почти покинули его. Здесь, в «зоне», они почти никому не снились. Косте сколько раз приходилось слышать сетования солдат и офицеров на отсутствие снов. Одни обвиняли в этом радиацию, другие - моральное и физическое напряжение, третьи - еще что-то... Но ему трудно было с ними согласиться, а еще труднее - найти доказательства истинной причины. Поэтому ему казалось, что он не спит, а переходит в какое-то зомбированное состояние. Может, оно и так...

От какого-то толчка, подбросившего его на стульях, Арсентьев пришел в себя и открыл глаза. Светящийся циферблат часов показывал 3.56. В комнате по-прежнему было темно, лишь через приоткрытую дверцу печки догорающие угольки рисовали на стене темно-оранжевые картинки. Растирая затекшую шею, он огляделся и стал прислушиваться. Вроде бы все было тихо.

Арсентьев повернулся на другой бок и сделал отчаянную попытку заставить себя вновь заснуть, но сон отшибло напрочь. Тогда он встал со стульев, подбросил еще пару поленьев в печь, закурил и подошел к окну.

Глядя в темноту, Костя почувствовал какое-то необъяснимое волнение и тревогу. Он заметил, что сигарета дрожит в руке, и ее малиновый огонек мелко трясется в полумраке.

«Что это со мной происходит? - промелькнула мысль. - Э-э, такого раньше не было. Нужно просто успокоиться и взять себя в руки...».

И тут за окном на заснеженном дворе Костя разглядел в свете серповидной луны две темные фигуры или тени. Они, то стояли на месте, то медленно и плавно двигались. Складывалось впечатление, что эти непонятные тени не двигались, а как бы парили над

землей. При этом ни голосов, ни скрипа снега под их ногами не было слышно. Фигуры были одеты в длинные бесформенные балахоны с капюшонами на головах.

«Кто там по ночам бродит: привидения или мародеры? - пронеслось в голове у Кости. - Хотя и одно, и другое неприятно. А у меня ничего серьезного, увесистого, под рукой нет, чтобы можно было использовать в качестве защиты, только поленья дров да с поломанной ручкой топор».

Костя отвлекся, чтобы затушить окурок о пустой спичечный коробок, а, когда поднял глаза, то не увидел на прежнем месте неизвестных. Он, не дыша, осторожно приблизился к стеклу окна и стал вглядываться в темноту, посматривая по сторонам.

Постепенно приходя в себя и успокаиваясь, Костя начал внимательно, изучать двор. Он ничего подозрительного не заметил и хотел, было, отойти от окна, как вдруг напротив его выплыла и остановилась фигура в темном обликии. Опознать - мужчина это или женщина - Костя не мог: под капюшоном не видно было лица неизвестного. Фигура приблизилась к окну и замерла напротив Кости. Его, вдруг, обуял животный ужас. Воля двигаться и даже мыслить была парализована. Темный овал капюшона приковал Костин взгляд, заставляя смотреть именно в это место. Чем больше он смотрел в него, тем сильнее тело наливалось свинцовой тяжестью. Стало тяжело дышать...

Ему представилась картина из сельской жизни: пасущиеся на лужайке коровы и лошади, беззаботная беготня детворы, работающие в поле трактора, спешащие по своим делам улыбающиеся женщины, затем взрыв на станции, который разворотил крышу 4-го блока, потом второй - превративший его в развалины и страшный ядерный гриб, поднимающийся над станцией, свечение над развалинами, больше напоминающее северное сияние, заброшенные хаты и черные кресты...

Неожиданно повалил крупный снег. Видение растворилось в ночи также незаметно, как и появилось.

Костя постепенно приходил в себя. Болела голова, в горле першило. Он с трудом открыл плохо слушающимися руками металлическую пробку от бутылки и сделал пару глотков. От выпитой минералки немного стало легче.

«Фу-у-у! Что же это было? - мучился в догадках Арсентьев, усердно растирая ладонями виски. - Наверное, прошло минут пять, а, может, десять, или двадцать. А, может, всего минута. Или несколько секунд... Черт, я никак не могу сориентироваться во времени. Похоже, правы писатели-фантасты, доказывающие, что время в такие мгновения и правда может и замедляться, и ускоряться, и искривляться. Но теперь я знаю точно: измерять его в подобной ситуации обычными мерками - невозможно».

Он закурил и посмотрел на часы: было почти шесть утра.

«Теперь можно позаботиться и о завтраке, - продолжал свои размышления Костя, время от времени пуская в потолок дым. - Еще неизвестно, будет ли обед, до которого еще дожить надо, а подкрепиться сейчас не мешало бы».

Иногда посматривая в сторону окна, он быстро открыл ножом банку с тушенкой и поставил ее на печь. Нехитрую снедь - полбутылки минералки и пачку печенья, он расположил на стуле. Отправляя кусочки еды в рот, он пытался дать объяснения недавним ночным событиям, которые вместились в несколько минут, а по сути - два часа.

В привидения Костя никогда не верил. Может, это мародеры, блуждающие по пустым деревьям? Допустить можно. Но в тщательно охраняемой «зоне»? Верилось с трудом. Разведчики-диверсанты? Чепуха, как говорят, на постном масле!

«Ничего, - подбадривал себя Костя, - скоро рассветет. Вот тогда я выйду из здания и обследую дворик напротив окна на предмет человеческих следов. Выпавший снег не смог их засыпать. Загадка скоро раскроется».

Долго тянулось время. Прошедшая ночь никак не хотела уступать место новому дню. Костя, накинув на плечи бушлат, попытался, сидя у печи, заснуть, чтобы хоть как-то скоротать полтора часа до рассвета, но сон никак не шел: сказывался жесткий распорядок

дня с его ранними подъемами. Он стал вспоминать забавные истории из своей жизни, семьи. Ему невольно пришлось улыбнуться, когда вспомнил случай, как однажды его трехлетний сынишка влез в папины сапоги и пытался в них маршировать...

Наконец за окном забрезжил рассвет. Застегнув бушлат и натянув на голову шапку, Арсентьев направился на выход. В углу комнаты он увидел стоявшее древко от сломанной лопаты. Подержав его в руках, примеряя вес, и сделав несколько взмахов влево-вправо, Костя решил, на всякий случай, использовать его в качестве дубины. Отодвинув в сторону подпиравший входную дверь стол, Костя осторожно вышел на крыльцо.

Удары сердца мощными толчками отдавались в ушах. Оглядываясь по сторонам, он стал обходить здание и рассматривать снег. Ничего подозрительного не было обнаружено. Выглянув из-за угла, Костя оглядел весь двор. Здесь также было все спокойно. Дальше он стал пробираться по снегу к тому месту, где предположительно тени впервые появились. Однако и здесь никаких следов Костя не обнаружил.

«Выпавший за ночь снег не смог бы засыпать человеческие следы, - рассуждал он. - Все равно, хоть что-то должно было остаться от пребывания здесь людей?»

Немного успокоившись и отдышавшись, Костя подошел к окну в надежде здесь найти ночные следы. Под окном, кроме ровного слоя снега, ничего не было видно.

- Ну, вот и все! Не было ничего ночью, не бы-ло! Привиделось мне, - негромко произнес Арсентьев. - Рассказать такое кому-нибудь, так никто не поверит. Хорошо, если посмеются. В худшем случае - у виска пальцем покрутят, дескать, глюки от радиации начались. Нет уж, лучше тогда молчать.

Успокоившись, Костя направился к крыльцу. Идя по заснеженной тропинке, он бросил поближе к дровам древко от лопаты и, повернувшись в обратную сторону, увидел в нескольких шагах от себя двух черных воронов. Костю удивило не столько их присутствие, как размеры: каждый был похож на большую курицу. Они также заметили Костю и немигающим взглядом уставились на него своими большими глазами.

- Кто такие, ребята? - стараясь не спугнуть птиц, спросил он. - Зачем прилетели?

Одна из них немного выпрямилась и из своего длинного клюва выдавила: «Кар-р-р».

- Эгей, теперь понятно - есть хотите. Наверное, вас здесь офицеры с солдатами раньше подкармливали. Но они все разъехались, а вместо них я один остался. Правда, у меня самого продовольственных запасов особых нет, но чем-то вкусненьким я вас сейчас угощу.

Костя аккуратно протиснулся между птицами и ограждением крыльца стараясь своими движениями их не спугнуть. А вороны и не думали пугаться. Они с настороженностью сопровождали его своими черными глазами, переминаясь с лапы на лапу.

Костя вынес остатки печенья и стал кормить птиц.

«Вот уже почти сутки я здесь, а разговаривать приходится то с самим собой, то с птицами, - думал он, разламывая печенье на кусочки и бросая их ближе к воронам. - Они хоть улететь могут куда захотят, а я обречен находиться в зоне отчуждения, да и в этой мертвой деревне, неизвестно сколько».

Вскоре Костя услышал звук приближающейся машины. Подъехавший УАЗик остановился на дороге возле штаба и посигналил. Испуганные вороны оттолкнулись от земли и с большим усилием поднялись в воздух. Посмотрев на удаляющихся и постепенно набирающих высоту птиц, Арсентьев был поражен громадным размахом их крыльев. Ничего подобного ему не приходилось ранее видеть.

- Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! - услышал Арсентьев как всегда веселый голос высунувшегося из кабины водителя начальника политотдела сержанта Игнатова. Ему было двадцать пять лет и до отправления в бригаду он работал таксистом в одном из московских таксопарков. - Встречайте смену!

К Косте уже спешил замполит второй роты третьего батальона лейтенант Лопатин. Он был призван из запаса, а на гражданке работал учителем истории в школе. Его природная интеллигентность, порядочность и душевность вызывали у Кости уважение к нему. Если Лопатину поручалось какое-то задание, оно выполнялось, во что бы то ни стало. Он был надежным, смелым и очень ответственным офицером. Костя слышал от Дашинского, что командование бригады представило его к награждению орденом «Трудового Красного знамени».

Поздоровавшись, офицеры разговорились.

- Олег, почему именно тебя прислали мне на смену? - поинтересовался Костя-

- Понимаете, Костя, я уже свою дозу взял, теперь вот «парюсь» в бригаде пятый день: сплю да ем. Короче, тоска. В «зону» с ротой не пускают, а сменщик только после Нового года подъедет. Что в бригаде дежурить помощником оперативного, что здесь - никакой разницы. Все ж как-то сутки можно незаметно до отъезда скоротать.

- А кто тебя направил?

- Да подполковник Тарасенко.

- Я так и знал, - усмехнулся Костя. - Ладно, пойдем в комнату, я познакомлю тебя с особенностями несения службы.

В течение двадцати минут Костя обстоятельно проинструктировал Олега по его новым обязанностям, показал, что и где находится, отсыпал половину от початой пачки сигарет, попрощался и побежал к машине. Сидя рядом с водителем. Костя терзался мыслью, что не поведал Лопатину о ночных пришельцах, с которыми он повстречался в этой деревне. Но потом осекся, вспомнив, что фактов, подтверждающих их присутствие, он не нашел, да и смешно в конце XX века об этом говорить, потому как все тайны учеными давно раскрыты, и белых пятен на нашей планете уже давно нет.

«В то время, когда наши корабли бороздят просторы мирового океана...», - вспомнилась Косте известная фраза из кинокомедии Гайдая, и он не заметил, как сам себе улыбнулся.

- Чему-то улыбаетесь, товарищ старший лейтенант? - спросил водитель у Арсентьева, заметив улыбку на его лице.

- Да, Серега, улыбаюсь. И этому светлому дню, и людям, которые меня окружают. В общем, жизнь прекрасна!

- Не пойму я Вас. И что в этом хорошего? Я Вас на атомную станцию Везу, так сказать, в самое пекло - чрево радиации, а Вы этому радуетесь? - удивлялся сержант.

- Это и мне самому трудно понять..

Мотор УАЗика натужно ревел, пытаясь выбраться из занесенной снегом колеи своими четырьмя колесами. Водитель хорошо знал свое дело, и машина не подводила, всецело подчиняясь его воле.

- Смотрите, какие большие птицы парят над дорогой! - воскликнул Серега, указывая пальцем под козырек лобового стекла. - То ли орлы, то ли коршуны... Не понятно.

Посмотрев в указанную сторону, Костя сразу же узнал знакомых воронов.

- Это вороны, - Костя мельком посмотрел на водителя и вновь перевел взгляд в небо. - Не отвлекайся, следи за дорогой.

Птицы, распрямив свои длинные черные крылья, плавно кружились над дорогой у самого края пустынной деревни. Зрелище впечатляло и притягивало взгляд.

«Они так прощаются со мной, - подумал Костя. - Больше мы никогда не увидимся. И они, вероятно, это знают. Я случайно потревожил их покой своим присутствием в этом безлюдном месте. Но, не причинив им вреда, я удаляюсь, оставляя их одних и то место, где они родились и научились летать. А, может быть, им жаль расставаться с человеком. Ведь они еще помнят, как люди однажды неожиданно покинули эти края, бросив свой дом, свой скарб. Или во мне они увидели близкое по духу существо? - Косте

вспомнились их черные, не мигающие глаза, которые смотрели тогда на него как-то по-особому, что ли, оценивающе».

За холмом и очередным поворотом осталась позади опустевшая деревня Разсоха, в которую больше никогда не вернется Арсентьев. И только лишь в памяти на всю жизнь у него отложатся незабываемые впечатления о проведенных в ней сутках ...

- Кстати, о птичках, - оживился Костя. - Ты, вот, Серега, много ездить по здешним местам, много видишь. А скажи, мил человек, ты каких птиц видел в нашей «зоне»?

Серега, поворачивая влево от милицейского поста на Чернобыль, нацепил на нос «лепесток» и задумчиво произнес:

- Одних ворон.

- А голубей, воробьев там, галок, наконец? - стал уточнять Костя.

- Не-а! Только ворон, точно!

- Ну, и где объяснения этому парадоксу?

- А Вы лучше этот вопрос задайте нашим ученым. Их там из-за аварии много на станции бродит, - посоветовал Серега, улыбнувшись. - Меня, вот, другие птички интересуют.

- Канарейки, что ли? - съязвил Арсентьев, повязывая свой «лепесток» на лицо.

- Ага! Я на первом АБК случайно познакомился с одной из них, - заинтригованно произнес Серега. - Медицинской сестрой работает в медпункте. Я, как на станцию приезжаю, так сразу к ней лечу.

- Действительно так хороша?

- Мечта поэта! - цокнул он языком. - Фигурка - загляденье. А как целуется? У меня, первое время, аж губы опухшими были.

- И у тебя с ней уже что-то было? - подзадорил его Костя.

- На второй встрече, - тихо сказал Сергей и кашлянул. - Признаюсь честно, товарищ старший лейтенант, только Вы не смейтесь и никому, пожалуйста, не рассказывайте, но тогда у меня ничего не получилось. Такой облом! Даже стыдно сейчас вспоминать. Однако, что было, то было! Она меня и ласкала, и целовала, а у меня не встает и все тут, хоть кричи, хоть матерись. Не поверите: такого никогда ни с одной девчонкой у меня не было. Она, видя мой конфуз, налила в мензурку какой-то жидкости и заставила выпить. Минут через пять все встало на свои места. Оторвались мы тогда по полной программе. Потом было еще и еще... И сейчас вот, отвезу Вас на третий блок, отпрошусь у начальника на 30 минут бензином заправиться и сразу к ней.

- Что думаете дальше делать? Тебе ж скоро заменяться.

- Жениться на ней хочу. Я ей уже намекал на это, а она говорит, что еще месяц нужно здесь отрабатывать, а уехать раньше срока она не может. Вроде как договорились, что через месяц после моей замены я приеду к ней в Киев и заберу ее к себе в Москву.

- Правильно! Вот это по-честному, по-взрослому! - поддержал его суждения Арсентьев.

Немного помолчав, Сергей продолжил:

- А Вы как думаете: дождется она меня или нет?

- Дурак ты, Серега! Это у тебя нужно спросить: дождешься ты ее или нет. Скоро вернешься домой и опять по подружкам побежишь. На второй день забудешь о ней. Ведь, сам знаешь, что холостяцкая жизнь такая счастливая!

- Что Вы, я ее люблю! Она не такая, как другие!

- Ну, если вы друг друга сильно полюбили, что не можете жить и минуты, тогда нечего волноваться, - примирительно сказал Костя, по-дружески похлопав Серегу по плечу. - Кстати, так сколько раз вы встречались на станции?

- Пять! - торжественно произнес тот.

- А сегодня, значит, будет шесть? Понятно, Ромео.

- Нет, придется мне, наверное, проситься остаться в бригаде служить еще на месяц, - подумав, пробубнил Игнатов.

- Неплохая идея! Но разрешат ли? Вот это - вопрос.

Глава 12

Угол замера

АБК-2 встретил Костю деловой суетой занимавшихся своим делом военных и иногда проходивших с аппаратурой гражданских специалистов, одетых в белые комбинезоны и белые прорезиненные тапочки. Поднявшись на этаж, где работали солдаты 1-го батальона, он первым делом отправился во временный штаб.

За рабочим столом он застал группу офицеров, склонившихся над схемами помещений, среди которых Костя узнал Бориса Дащинского.

- Ну, наконец-то, наш ссыльный вернулся, - Боря беззлобно пошутил, протягивая руку Косте.

- Спасибо тебе, дружище, за заботу обо мне. Если бы не ты, то за двое суток я там бы точно свихнулся.

- Все нормально, товарищ! Не стоит благодарностей. Кстати, у меня к тебе две новости: одна порадует, другая позабавит.

- О, все новости со знаком плюс! Можно начинать с любой, - Костя не скрывал своей заинтересованности от такой интриги.

- Итак, по твоему дежурству... Начпо, узнав от меня, что тебя отправил Тарасенко дежурить в штаб сектора на двое суток, так его отодрал, что бедный зам трясущимися руками политотдельский телефон оборвал, обзванивая батальоны, чтобы найти тебе замену.

- Приятная новость, ничего не скажешь, как бальзам по телу... - заулыбался Костя. - Теперь следующую излагай.

- А вот сейчас в пору и о бальзаме рассказать... Наш Турыгин вернулся из Киева с пустыми руками.

- Я думал, что хорошая новость состоит в том, что Турыгин вообще вернулся. Хотя, с пустыми руками - это уже плохая новость. Так, в чем интрига?

- Интрига как раз в том, что Олежек наши бутылки закопал в снегу у дороги перед КПП, а Тарасенковские доставил до вагончика, - Борис перешел на шепот и посмотрел по сторонам.

- А зачем он наши-то закопал в снегу? - недоумевал Костя.

- Вечером его допросим, вот тогда обо всем конкретно и узнаем, - резонно предложил Боря.

- Допросим с пристрастием! Уж будь уверен, дорогой товарищ, - дополнил его Костя, потирая руки.

Друзья на время расстались, чтобы заняться своими служебными делами. Костя поспешил к бойцам и командирам второй роты, и вскоре, продвигаясь по длинному коридору административного здания, услышал за спиной:

- Товарищ старший лейтенант, подождите! - повернувшись, он увидел невысокого худощавого и сутуловатого солдата, одетого в не по размеру рабочую одежду и в подшлемнике на голове. - Можно с Вами поговорить?

- Конечно, только конкретно, а то я направляюсь в подразделение, которое работает в промышленном цеху.

- Ой, Вам-то зачем туда надо? - удивился он. - Там такой радиоактивный фон большой и пылюка кругом, что «лепесток» не выдерживает.

- Вы, товарищ рядовой, наверное, забыли, что мы в армии находимся. А в ней, родной, послать кого и куда угодно может только командир или начальник. Короче, какое у Вас дело ко мне?

- А Вы из политотдела? - не унимался тот.

- Из него самого.

- Тогда Вы мне и нужны. В общем, беда у меня случилась. Мне уже 52 года, - шепелявил великовозрастный боец, - а тут в армию опять забрали и прямо сюда. Как-то раз с кузова машины прыгнул, как в молодые годы, да плохо приземлился: челюсти клацнули, да протез в верхней челюсти и рассыпался. Вот, - он одернул респиратор на подбородок, открыл рот, обнажив беззубую верхнюю челюсть. - Теперь вот пищу жевать не могу, а от этого желудок болеть начинает.

- Да Вам в ПМП надо обратиться. Это стоматолог должен Вам помочь, а не я, - посоветовал Костя.

- Я обращался в санчасть, а стоматолог наш объяснил, что он этим не занимается, и посоветовал обратиться в штаб за получением разрешения установить протез в киевском госпитале. А в штабе говорят, мол, пиши рапорт по команде, дней через пять-семь получишь ответ. Только разрешат ли, еще известно. Начальник ПМП посоветовал обратиться к любому офицеру политотдела, дескать, вот тогда вопрос будет положительно и быстро решен.

- За вашим вторым батальоном майор Федоров от политотдела закреплен. Вам бы к нему обратиться.

- Да знаю такого. Лицом на Ивана Грозного похож. Я обращался к нему, да только послал он меня матом, - пожаловался старый солдат. - Говорит, что люди сюда приехали с атомом воевать, а я о своих зубах и пекусь. Понимаете в чем дело, товарищ старший лейтенант? Я живу в деревне, в Курской области. Там нет возможности заказать целую вставную челюсть. Мне скоро домой возвращаться. Один я в хате живу: жена давно умерла, двое детей разлетелись по белу свету, у них свои семьи. Одна отрада у меня осталась - бабы. Грех свой знаю, но без них, окаянных, не могу. Ни одной в деревне еще не пропустил. Вернусь беззубым, так они отвернутся от меня. Я ж этого не перенесу. Помогите, мил человек, а?

Дрогнуло сердце у Арсентьева, увидев во рту отсутствие зубов у пожилого человека. Действительно искренне захотелось помочь несчастному в его беде.

«Может, я для него последняя инстанция, - размышлял в эту минуту Арсентьев. - Вся его жизнь прошла на работе. Вон, какие руки загрубелые! Видно в жизни мало было светлых дней. Сколько ему еще осталось? Пищу ведь жевать чем-то надо. Да, еще у него страсть к женскому полу проснулась на старости лет. Неужто из-за зубного протеза лишаться последней радости?»

- Поступим так: я запишу Ваши данные и сегодня же уточню, как можно получить направление на прием к стоматологу в киевский госпиталь, - предложил Костя. - Я сам Вас найду и сообщу решение командования.

Солдат, поблагодарив Костю за обещанное содействие, поспешил дальше по коридору. Направился и Арсентьев к своему подразделению.

Роте была поставлена одна из сложных задач: провести дезактивацию помещений в промышленном цеху. Учитывая, что бойцам приходилось находиться в замкнутом, тесном пространстве среди расположенного в нем всевозможного оборудования, где температура доходила порой до 30 градусов, с высокими уровнями радиации, из докладов командира роты старшего лейтенанта Дубинина стало известно, что были отмечены случаи нервных срывов среди его солдат. Дело доходило до того, что некоторые из них бросали выполнение работ по дезактивации раньше отведенного

времени. Среди солдат росло недовольство требованиями своих командиров, грозившее перерасти в акты прямого неповиновения.

- Как обстановка, Володя? - обратился Арсентьев к командиру роты.

- В целом нормально, но напряженность все равно остается, - прикуривая сигарету, доложил тот. - Понимаешь, комсомол, люди не верят в замеры радиации и расчет времени их нахождения в помещениях. Они почему-то считают, что мы специально занижаем показатели, чтобы бойцы дольше находились в зараженных помещениях и, таким образом, проводили дезактивационные работы в большем объеме. Надо срочно что-то придумать для разрядки обстановки среди личного состава.

- Дай мне твой ДП-5В и вызови ко мне секретаря комсомольской организации роты, - распорядился Костя.

Через пару минут к нему подошел сержант Турлаков. Несмотря на свою молодость, он пользовался заслуженным авторитетом среди солдат и офицеров: был открытым, трудолюбивым и честным парнем. Два года назад он вернулся из армии; срочную службу проходил в Афганистане. Костя знал, что сержант за умелые действия в одном из боев с душманами был награжден медалью «За отвагу», так уважаемую в военной среде.

- Николай, - обратился к сержанту Арсентьев, - выбери сам двух-трех толковых бойцов, которые будут присутствовать при моем замере уровней радиации в помещениях. Тебя же я попрошу все замеры фиксировать на схемах, чтобы мы потом сопоставили с данными командира роты. После этого мы проведем расчет максимального времени нахождения людей на рабочих местах.

- Есть, товарищ старший лейтенант, - ответил комсорг и пошел выполнять задачу.

Разговор услышал командир роты. Он, с не скрываемым раздражением, обратился к Арсентьеву:

- Ты понимаешь, что такими действиями ты подрываешь мой авторитет, как командира?

- Я так не думаю, - отрезал Арсентьев и, переходя на шепот, продолжил. - Во-первых, потому что эта проблема не только служебная, но еще и политическая. Партия и правительство страны требуют перейти к демократическим принципам руководства. Это не что иное, как поворот к людям, ясное объяснение всего того, что они должны делать, чтобы все были бы вовлечены в процессы не только выполнения, но и руководства. Во-вторых, люди сегодня образованнее и политически более подкованнее, чем раньше. Они знают не только свои обязанности, но и права. Ну, в такое время мы сейчас живем! Поэтому, не будь на их пути тормозом! В-третьих, не всегда можно решать служебные вопросы посредством силы приказа командира. Раз ты, командир, работаешь с подчиненными, у которых и совесть есть, и свое суждение, то используй их потенциал для решения боевой задачи. Ты - руководитель для них, а это означает - управленец. Так и управляй ими грамотно. В-четвертых, у тебя до приезда сюда была инженерная рота, состоящая из срочников, по сути молодых солдат. Здесь же у тебя в подчинении - зрелые люди, среди которых встречаются также руководители: бригадиры, мастера, учителя, инженеры. У них тоже в подчинении имеются подчиненные, которых по количеству не меньше, чем у тебя. Они постоянно оценивают все твои действия и принятые решения, а также и твое поведение. Так что, Володя, извини меня за такую политбеседу и пойми правильно: я хочу тебе помочь. А над моими словами ты подумай на досуге.

- Товарищ старший лейтенант, мы готовы, - доложил Косте подошедший сержант.

Арсентьев поздоровался с ефрейтором Сеньковым и рядовым Петелиным и коротко обрисовал им предстоящую работу. Те были уже проинформированы сержантом о предстоящем деле, в котором они должны были участвовать, и выразили готовность помочь. Костя проверил способность дозиметра к работе, настроил его на подходящий

диапазон и попросил сержанта ввести группу в первый из трех объектов, где работали бойцы роты.

Костя прекрасно понимал, что, проверяя уровни радиации войсковым дозиметром, он непременно получит серьезную дозу облучения, но отступить от задуманного или перепоручить эту работу другому, тем самым, обрекая человека на опасность, он не мог. Поэтому он принял правильное, как ему казалось, решение: работать быстро, меньше задерживаться на одном месте и не мешать друг другу.

Присутствующие недалеко солдаты с интересом наблюдали за происходящим. Они с одобрением обсуждали действия офицера и своих товарищей. Это подбадривало Арсентьева, подтверждало правильность выбранных действий.

Действительно, группа работала оперативно. Голые цифры быстро ложились на листочки бумаги, преобразовываясь в информационные данные. Одному из солдат группы Костя велел писать мелом на стене уровни радиации, которые фонили в помещении и, с которыми солдатам отделений и взводов предстояло бороться, чтобы их понизить.

В ходе проверки последней комнаты возникли трудности с измерением уровня радиационного загрязнения электрического насоса, примыкающего к стене. Переключая диапазоны, Костю все больше и больше охватывал ужас: стрелка дозиметра никак не хотела останавливаться на малой, а затем и на средней частоте. Он, переведя переключатель дозиметра в крайнее положение, дважды был вынужден подойти к злополучной стене и несколько раз провести измерителем на расстоянии 10 сантиметров от ее поверхности на уровне груди. В этом месте он нашел точку на стене, которая излучала более ста рентген в час.

- Ну-ка, дайте мне мел, я сам отмечу эту точку, - попросил Костя солдата из своей группы и быстро отошел на безопасное расстояние.

- Ну, что тут у вас? - поинтересовался подошедший младший лейтенант, командир взвода.

- Командир, я сейчас отмечу одну точку, которая излучает более ста рентген, - он нарисовал на стене крест. - В этом месте пучок радиоактивного луча гамма излучения насквозь проходит через железобетонную стену под углом в 50-55 градусов на уровне горла или груди человека и уходит через пол в нижний этаж. Учти это и проинформируй своих бойцов, чтобы случайно не попали под него.

- Откуда он здесь взялся?

- Я не сильный специалист, но мне кажется, что кусок выброшенного графита из взорвавшегося реактора лежит на крыше третьего блока, почти над этим помещением, то есть над нашими головами, вот он и излучает.

Завершив свою работу, группа во главе с Арсентьевым, встретилась с командиром роты. Они сверили старые и новые данные измерений и пришли к выводу, что они незначительно расходятся. Затем, внеся уточнения в расчеты времени максимального нахождения личного состава на каждой отмеченной точке. Костя ознакомил с ними всех присутствующих.

- Итак, подведем итоги, товарищи офицеры и солдаты, - обратился он. - Самое главное в нашем деле - разведка. За 30 минут мы выяснили, что с радиацией бороться можно. Нужно быть особо осторожными в том месте, где отмечено теперь крестом. Остается командиру провести разъяснительную работу по проведенным исследованиям среди своих подчиненных.

Командир роты отдал необходимые распоряжения и отпустил солдат и офицеров в свои взвода.

- Спасибо, что помог и добрым словом, и конкретным делом, - протянул он руку Арсентьеву.

- Не за что! Будут проблемы - обращайся, помогу, чем смогу.

- Знаешь, в войсках бытует мнение, что обращаться в политотдел с разными вопросами - только хуже себе делать: замучают проверками, разбирательствами и все такое. Я тоже так думал и всегда старался с вашим братом-политотдельцем не контактировать. Ты же, Костя - исключение.

- Приятно слышать справедливые слова в свой адрес, - Костя дружелюбно хлопнул командира по плечу и поспешил в штаб. - Счастливо оставаться!

Перед самым перерывом на обед Арсентьева нашел начальник политотдела. Полковник Батраков не скрывал своего раздражения.

- Где тебя черти носят, бродяга? - с заметной иронией бросил он Косте.

- Так я ж... - начал было оправдываться Арсентьев, но начальник, не церемонясь, перебил его.

- Знаю, знаю: опять героиствуешь? И вообще, нечего тебе здесь прохлаждаться. Собирайся, сейчас выезжаем в штаб ОГГО в Чернобыль. В 14.00 мы с тобой вызваны на совещание.

- Я-то им зачем? - удивился Костя.

- Давай быстро в машину, мы уезжаем. В дороге все расскажу.

Через десять минут политотдельский УАЗик уже мчался по направлению к Чернобылю. Анатолий Николаевич опустил на подбородок «лепесток», закурил папиросу и обратился к Косте:

- Наши инициативы произвели фурор во всей чернобыльской «зоне». Есть предложение штаба ОГГО - поддержать нас и распространить наши формы работы среди частей, участвующих в ликвидации последствий аварии на атомной станции. Вызваны все командиры, их заместители по политчасти и помощники по комсомольской работе. Как тебе, комсомол, эта новость?

- Ничего подобного не ожидал, приятная новость, - растерянно произнес Костя. - Пока я сутки в ссылке пребывал, такие дела заваривались!

- Я с Тарасенко работу уже провел, чтобы не своевольничал и за моей спиной темными делишками не занимался, - спокойно сказал Батраков. - Больше он не будет тебя отвлекать от комсомольских дел.

- Спасибо, товарищ полковник.

- Ладно, проехали! На своем веку ты много раз встречаешь подобных Тарасенок, так что будь к этим поворотам готов, - напутствовал Костю Анатолий Николаевич.

- Понятно, - вздохнул Костя и отвернулся к окну.

- От скромности наш Тарасенко точно не помрет, - продолжил тему разговора полковник. - Вчера он подходит ко мне и просит, чтобы я его на орден представил.

- Ничего себе! И как таких «скромняг» земля носит? - с грустью выдавил из себя Костя.

Машина притормозила возле командирского УАЗика, приехавшего только что. Комбриг разговаривал у машины с кем-то по рации. Закончив разговор, он поздоровался за руку с начальником политотдела, а затем с Костей. Обменявшись информацией по служебным вопросам, офицеры выдвинулись в сторону штаба.

Штаб ОГГО в этот день больше напоминал пчелиный улей, только с избытком набитый офицерами всех степеней и рангов. Одни с радостью приветствовали своих знакомых, другие эмоционально обменивались мнениями, третьи - сетовали на служебные проблемы... Постепенно эта масса переместилась в небольшой зал, где и должно было пройти служебное совещание.

С появлением в зале совещания генерал-майора Темирханова Б.Г. все встали. Выждав несколько секунд и осмотрев присутствующих, он пригласил офицеров сесть. Помимо генерала за председательствующим столом разместились еще пять полковников, среди которых Костя увидел подполковника Штоколова А.Н.

Генерал ознакомил присутствующих с обстановкой в стране, а также на Чернобыльской атомной станции, используя при этом огромнейшую карту, на которой была изображена 30-километровая зона с отметками участков радиационного загрязнения. Все офицеры не могли оторвать взгляд от нее, кто-то стал перешептываться, кто-то что-то записывать.

Потом он перешел к ознакомлению инициатив, которые были предложены и осуществлены в московской бригаде химической защиты. Он пригласил к трибуне полковника Батракова и попросил в деталях рассказать об используемых формах, средствах и методах проводимой работы.

Костин начальник уложился в 10 минут. Он докладывал толково, изредка поглядывая в свою рабочую тетрадь, с которой никогда не расставался.

Для Арсентьева было неожиданно и, в то же время, приятно слышать, что инициатива и детальный план ее реализации исходил от комсомольско-молодежного коллектива бригады. Далее полковник заверил, что, несмотря на серьезные задачи, поставленные командованием ОГГО, личный состав части, используя энтузиазм и порыв масс, сможет досрочно выполнить работы по вводу в строй третьего энергоблока.

Генерал Темирханов попросил присутствующих высказать свое мнение по данной инициативе. Слово попросили несколько командиров частей и начальников политотдела. Их выступления сводились к одному: поддержать москвичей, потому что их благая цель сводится к тому, чтобы побыстрее дать электроэнергию Украине, испытывающей в ней нехватку.

- Попрошу встать командование 26-й бригады, - обратился генерал в зал. - Мы поддерживаем инициативу вашего коллектива, - он бросил взгляд в их сторону. - Но, поскольку вы стали первыми в столь благородном деле, следовательно, мы внимательно будем следить за вашими успехами и чаще контролировать вашу работу. Попрошу об этом не забывать.

В зале пробежал тихий хохот. Он был вызван именно этими словами генерала, которые лишней раз подтверждали истинность армейской поговорки: инициатива в армии всегда бывает наказуема!

По дороге в бригаду, уже в машине полковник Батраков ставил задачу Косте:

- По итогам совещания составь текст и сегодня вечером сам выступи по радио. А я, тем временем, озадачу наших политработников, чтобы они провели разъяснительную работу среди личного состава. Комбриг разработает с начальником штаба комплекс мер по обеспечению подразделений силами и средствами, подключим к этому делу Москву. Она нас не бросит! И все у нас, комсомол, получится. Потому что за нами большая сила стоит...

Тепло от автомобильной печки, накопившаяся усталость, напряжение последних дней и комфортные условия в машине сделали свое дело - Костя задремал. Мерно покачиваясь в такт движению и, вздрагивая на ухабах, он находился в уже известном ему полусонном состоянии. Так он давал своему собственному телу отдохнуть, а мысли систематизировать, упорядочить. Конечно, такой сон никак не тянул на нормальный сон, но Арсентьеву этого было достаточно, чтобы, по возможности, восстановить утраченные силы.

Подъехав к воротам КПП бригады, машина, скрипнув тормозами, остановилась. Костя открыл глаза, огляделся вокруг, снял респиратор и начал растирать лицо ладонями. Вскоре он почувствовал прилив крови к щекам, открыл дверцу машины и вывалился на снег. Ноги не хотели слушаться.

«Затекли, наверное - подумал Костя. - Ничего, оклемаюсь по дороге».

Он поспешил в штаб для замера показаний дозиметра. Лейтенант-радиолог, вернув дозиметр Косте, задержал на нем взгляд.

- 470 миллирентген, - как-то таинственно произнес он, внося показания в регистрационный журнал. - Позвольте узнать, где Вы, товарищ старший лейтенант, сегодня были?

Костя вдруг почувствовал, как внутри все сжалось то ли от услышанной полученной высокой дозы облучения, то ли от возникшего недоверия к нему со стороны этого лейтенанта.

- Вам рассказать мой прожитый день? Для чего? - заводился он.

- Доза у Вас большая. И я буду вынужден доложить Николаю Николаевичу об этом факте.

- И, что значит, большая? - осторожно поинтересовался Костя.

- Это значит, что доза, полученная Вами, товарищ старший лейтенант, опасно приблизилась к разрешенному пороговому уровню облучения в сутки - пятьсот миллирентген. А суммарная доза облучения в «зоне» установлена в пятнадцать рентген. Вам, полагаю, это хорошо известно.

- Подумаешь, опасность! Хорошо, но я же все-таки на тридцать миллирентген получил меньше этого порога сегодня, - оправдывался Костя.

Лейтенант бросил на него не по возрасту хмурый взгляд и устало произнес:

- Понимаете, старший лейтенант, для действия радиации на живые организмы вообще-то нет порогового уровня. Пороговый уровень - это такой, ниже которого не обнаруживается поражения у каждого облученного организма. При облучении в меньших дозах эффект будет случайным, то есть определенные изменения среди группы облученных обязательно возникнут, но у кого именно - заранее неизвестно.

- По-Вашему получается, что мы все здесь неизвестно, сколько реально получим рентген, хоть приборы покажут определенные дозы облучения и как нам это аукнется в будущем - тоже?

- Вы правильно поняли меня, - ответил дозиметрист.

- Понятно, - согласился с доводами лейтенанта Костя. - Значит так: я был в подразделениях первого батальона в помещениях промышленного цеха. С бойцами рот я провел более часа, перезаменяя уровни радиационного облучения. Еще информация нужна?

- Этого пока достаточно.

Разговор с дозиметристом оставил Арсентьеву неприятный осадок.

«Все нормально, - успокаивал он себя. - Подумаешь, сегодня я почти на полрентгена облучился. Не ты один такой».

Костя был по натуре оптимистом и считал, что самое лучшее лекарство от хандры это работа.

«Так, сначала засядем за текст выступления, - размышлял Костя, направляясь в кабинет политотдела. - Затем мне нужно будет порешать проблему солдата по его челюсти с начальником медицинской службы бригады».

В политотделе его встретил пропагандист - полковник Булгаков. Своим баритоном он тихо напевал какую-то мелодию и рассматривал свежие газеты и журналы.

- Рад Вас видеть, Константин, - дружелюбно произнес он. - Ваше лицо отчего-то выражает озабоченность.

- Точнее сказать - озадаченность! - сказал Костя и рассказал о совещании в штабе ОГГО.

- Ну, я лично считаю, что наш начпо знает, что и как нужно делать, - многозначительно сказал тот. - Главное, чтобы подчиненные не мешали и правильно выполняли свою работу. Кстати, я к Вам, Костя, пригляделся уже за это короткое время. А Вы сами знаете, что боевая обстановка быстрее раскрывает человека. Так вот: я пришел к убеждению, что Вы довольно хорошо знаете свою работу.

- Спасибо за теплые слова в мой адрес, Михаил Васильевич, но мне пора за текст радиогазеты садиться.

- Вот Вам бутылка «Фанты», которая поможет Вам сосредоточиться, - он поставил на стол перед Костей бутылочку с игристым оранжевым напитком. - А я тем временем схожу на продовольственный склад.

Оставшись в одиночестве и утолив жажду угощенной водой, он приступил к написанию своего выступления. Писалось легко, на одном дыхании, поэтому текст был подготовлен быстро и уместился на четырех страницах.

Костя несколько раз перечитал написанное, кое-что поправил. Появившегося полковника Булгакова он попросил посмотреть и профессионально оценить изложенный текст. Нужно сказать, что Михаил Васильевич не только охотно согласился выполнить Костину просьбу, вставляя плавные литературные переходы и обороты, но и дал ему дельные советы по составлению печатных и устных статей.

После этого, уже натренированными движениями, Костя быстро набрал текст на машинке. Положив отпечатанные листочки в папку, он, с чувством выполненного долга, поспешил в санчасть. Дождавшись, когда освободится начальник медслужбы бригады майор Пантелеев, Костя вошел в его кабинет.

- Разрешите обратиться, Александр Васильевич?

- Какие у Вас проблемы, Константин? - вытирая мокрые руки о полотенце, доктор пригласил его присесть на стул.

- Не у меня, а у одного солдатика, - уточнил Костя и рассказал историю пожилого беззубого бойца.

- Да-да, помню такого. Видите ли, Костя, мы готовы его направить в киевский госпиталь и там ему действительно помогут с протезированием зубов. Однако существует приказ комбрига о запрете направлять в госпиталь военнослужащих для получения медицинской помощи, не являющейся экстренной. Случай, о котором Вы рассказали, как раз и относится к данной категории.

- Разве ничего нельзя сделать? - не унимался Арсентьев. - Я просто не могу успокоиться, как вспомню, что у человека в верхней челюсти отсутствуют зубы. Ему же пищу нечем жевать, в то время как от него командиры требуют выполнения служебных задач на станции.

- Да все понятно! - согласился он.

Но, потом, задумавшись, он добавил:

- Костя, есть единственный выход из создавшейся ситуации. Вы по долгу службы находитесь ближе к командованию, да и должность Ваша позволяет входить к старшим начальникам почти без стука. Попробуйте обратиться непосредственно к комбригу и получить у него разрешение для этого солдата в виде исключения.

- И верно: попытка - не пытка! - обреченно ответил Костя и, поблагодарив доктора за совет, вышел на воздух.

Пока он решал вопросы, не заметил, как стемнело. Бросив беглый взгляд по окнам штаба. Костя заметил, что в кабинете командира бригады горит свет.

«Хочешь - не хочешь, а идти к командиру тебе, Арсентьев, все-таки придется, - рассуждал Костя. - Может быть, сначала обратиться к начальнику политотдела? Он поймет и поможет получить разрешение у комбрига на отправку солдата в военный госпиталь. Но, ой как же не хочется лишний раз загружать его попутными проблемами! А, что, собственно, я теряю, если напрямую обращусь к командиру? Возраст мой - не велик, воинское звание - не существенное; бояться, что куда-то отправят - так я и сейчас в аду нахожусь. Не бойся, Арсентьев, ты человеку должен помочь! А это - благородное дело. Смелее!»

Костя, наконец, настроился и решительно открыл дверь в штаб. Знакомые офицеры, встречая его, по-приятельски приветствовали.

Арсентьев остановился напротив двери, за которой в первое утро его пребывания в бригаде состоялся разговор со старым комбригом. Ему вспомнился тот неприятный случай, и он почувствовал внутри себя чувство неуверенности. Однако пути назад для него уже не было...

Он постучался и открыл дверь. В кабинете Костя увидел сидящих и разговаривающих о чем-то важном комбрига и начальника политотдела. Преодолев секундное замешательство. Костя спросил у комбрига разрешение войти и обратиться к нему.

- А-а, Арсентьев! Слушаю тебя, комсомол, - доброжелательно произнес подполковник.

- Я, наверное, помешал Вам своим приходом? Извините, - робко произнес Костя и, почувствовав некую неловкость.

- До служебного совещания осталось несколько минут. А для комсомола части я всегда открыт. Ты, как я понимаю, пришел не по личному вопросу, Поэтому я готов тебя выслушать.

- Так точно, не по личному. Дело идет об одном рядовом, - собравшись с Духом, выпалил Костя и поведал о проблеме солдата.

Офицеры внимательно слушали его и что-то записывали в свои рабочие тетради. Когда Костя замолчал, комбриг повернулся к начальнику политотдела.

- Видишь, Анатолий Николаевич, какая хорошая смена нам растет? Молодой офицер, политработник, проявил чуткость и заботу о простом солдате, не отвернулся от его насущной проблемы. Значит, правильно мы с тобой воспитываем офицеров.

- Что касается меня, товарищ комбриг, то я поддерживаю ходатайство моего офицера, - кивнул в знак согласия начальник политотдела.

- В таком случае, в качестве исключения, я отступлю от своего приказа и сегодня же отдам необходимые распоряжения для направления этого солдата в киевский военный госпиталь для восстановления протеза, - заключил командир, хлопнув правой рукой по крышке стола. - Еще вопросы есть?

- Никак нет! - ответил Костя.

- Тогда иди работать дальше.

- Есть, - коротко бросил Костя и поспешил на выход.

В дверях он остановился и, повернувшись в сторону комбрига и начальника политотдела, тихо сказал:

- Спасибо вам за понимание и поддержку.

Выйдя из штаба, он не шел, а почти летел к своему вагончику, чтобы переодеться в «чистое» обмундирование. Ему казалось, что у него выросли крылья за спиной от счастья, что он, несмотря на разные там служебные трудности, условности и преграды, смог преодолеть их, чтобы помочь хоть одному человеку в его беде здесь, в «зоне». Такая маленькая личная победа Арсентьева укрепила его веру в справедливость, добро и человечность, придала ему уверенность в собственные силы.

Влетев в тамбур спального вагончика, он услышал голос Олега Турыгина, что-то напевавшего под гитару.

- По какому поводу гуляешь?

- О, Костик! Рад тебя видеть! - заулыбался Олег. - Сегодня телеграмму из дома получил с новогодним поздравлением, вот и тоска нахлынула.

- А мне было что?

- Нет. Пишут, - коротко ответил тот извиняющимся голосом и начал описывать свою поездку в Киев.

Прервав его рассказ, расстегивая бушлат, Костя произнес:

- Все знаю: и как ты съездил, и что ты бутылки в снег закопал.

- Да пойми ты меня правильно, ведь не мог я четыре бутылки в портфеле пронести незаметно, - Олег стал оправдываться.

- Отчего же?

- В портфеле бульканье спиртного слышно было, понимаешь? - он высказал приготовленную отмазку. - Если б его услышал кто из штабных офицеров, точно стуканули бы начальству. Поэтому, подходя к части, я бутылки засунул в снег.

- Ты точно запомнил место, куда закопал?

- В сугробе, рядом с площадкой для посадки личного состава в машины.

- Да-а, Олежек, ну и проблемку ты родил, - вздохнул Костя. - Теперь надо думать, как за КПП ночью выйти, как в темноте найти нужный сугроб, как бесшумно бутылки раскопать? Водка, небось, уже замерзла в снегу.

- На улице мороз меньше десяти градусов, поэтому не должна.

- Короче, Склифосовский! - отрезал Костя. - Я сейчас иду в радиоузел, а ты найди Боря, и вместе с ним подходите к КПП ровно в 21.20. Все, разбежались!

В радиоузле он встретился с начальником клуба капитаном Коршуновым. Посовещавшись немного, Павел предложил Косте записать его выступление на магнитофонную ленту, а затем подготовить небольшой радиоконцерт по заявкам военнослужащих бригады. Надо сказать, что эта идея понравилась Косте, и он, немного потренировавшись, на одном духу, без единой запинки, прочитал текст в микрофон.

Вечером Костина радиогазета пошла в эфир дважды: до ужина и после. Нужно было отдать должное профессионализму начальника клуба, который понимал, что услышать важную информацию должны были как можно больше солдат и офицеров - от рядового до командира бригады. Резонанс от радиопередачи и концерта был сильным: все только и говорили о поддержанных инициативах в бригаде другими частями чернобыльской «зоны» и командованием ОГГО, об отличившихся при выполнении поставленных командованием задач, о песне, прозвучавшей в адрес какого-то военнослужащего...

На ужине в столовой Костю радостно приветствовали приехавшие со станции офицеры. Они оживленно обсуждали услышанное по радио и просили исполнить в честь кого-то военнослужащего любимую им песню. Косте были приятны эти разговоры, но подобные просьбы он переадресовывал к начальнику клуба. Ясно понимая, что его вклад в общее дело незначительный, Арсентьев был убежден, что такая форма политической работы должна быть полезной для достижения важной и конкретной цели - мобилизации военнослужащих бригады в ликвидации последствий аварии на атомной станции.

Выполнив задание начальника политотдела, Арсентьев поспешил на встречу с Олегом и Борей. Подходя к назначенному месту, он заметил в темноте стоявших ребят.

- Все в сборе, - отметил Костя. - Парни, у меня есть идея, как через КПП пройти. Двигаем к дежурному...

Возле ворот мерз сержант. Костя смело направился к нему.

- Товарищ сержант! - обратился к нему Костя. - Вот этот прапорщик, - он пальцем указал на Турыгина, - при высадке из машины полтора часа назад выронил свое удостоверение личности. Нам бы пройти на площадку и проверить все вокруг.

- Проходите, товарищи офицеры, раз такое дело. Двадцать минут вам хватит? - поинтересовался дежурный по КПП, открывая ворота.

- Хватит, хватит! - бодро ответил Турыгин за всех сразу.

- Олег, быстрее веди нас на место «захоронения», - подтолкнул Борис Олега в спину.

Пройдя немного по площадке и подойдя к одному из сугробов, Олег пнул сапогом наваленную кучу снега.

- Похоже, здесь! - произнес он.

Ребята бросились раскидывать в разные стороны смерзшиеся комки снега, но найти что-то похожее на бутылки никак не удавалось. Они стали копать руками и ногами в другом месте и, наконец, через несколько минут Боря вытащил первую бутылку. Уже прошло отведенное время, а вторая поллитровка как будто в воду канула.

- Может за лопатой сбегать на КПП? - спросил расстроенный Олег.

- Нет, уж лучше за экскаватором, - передразнил его Дашинский. - Искать!

На этот раз удача улыбнулась Олегу. Он радовался как ребенок.

- Я не понял, Олег! Ты говорил, что бутылки лежат рядышком в одном месте, а вторую ты сам нашел через дорогу от первой. Это как понимать, Сусанин? - возмутился Костя.

- А черт его знает, может, кто переложил? - предположил Олег.

- Хватит выяснять что да как, лучше думайте куда бутылки положим, - разрядил обстановку Борис.

- Под бушлат и в брюки, естественно, - подкинул идею Олег и показал, как нужно делать.

Боря поступил подобным образом.

Немного успокоившись и отряхнув снег с обмундирования, они поспешили к КПП. Возле ворот их встретил переживавший за них сержант, который все-таки поинтересовался:

- Ну, что, нашли документы, товарищи офицеры?

- Еле нашли, - ответил Олег и в доказательство показал свое удостоверение.

- Спрячь обратно, дурак, а то и впрямь потеряешь, - сквозь зубы процедил Борис и опять подтолкнул его рукой.

- Везучий Вы, товарищ прапорщик, - позавидовал Олегу сержант, закрывая на висячий замок ворота.

Глава 13

Новогодние приключения

Так уж повелось, что праздники в армии насыщаются либо со строевыми, либо спортивными мероприятиями, что закономерно делает их предметом «не любви» у военнослужащих. Но еще они всегда порождают массу проблем и головную боль для командиров, а также излишнюю нервозность у личного состава.

Командование бригады приняло правильное решение: обойтись без одного и другого, принимая во внимание обстановку и выполняемую соединением задачу в «зоне отчуждения». Да и не на праздник сюда войска были направлены! Было бы верхом маразма и сумасшествия устраивать лыжные гонки, кроссы и разную там чепуху вроде перетягивания каната на радиоактивном снегу.

Но Новый год - это святое!

Поэтому командование ограничилось тем, чтобы показать праздничный концерт ансамбля песни и пляски Московского военного округа, который прибыл в бригаду с праздничным концертом для поддержания высокого морального и боевого духа личного состава.

Первая половина дня 31-го декабря не была чем-то примечательной: личный состав с упорством трудился на объектах атомной станции, смывая и счищая радиоактивную заразу. Лишь вечер настроил военный люд на праздничную волну. Ужин порадовал изобилием разнообразных фруктов и сладостей: печенья, конфет. На импровизированных подмостках в одной из ангаров-столовых разминались танцоры, репетировали музыканты. Солдаты и офицеры заполняли зал, рассаживаясь плотно на расставленных скамейках. Везде ощущалось праздничное настроение, шум и гам был несмолкаем.

Праздничный концерт, как обычно, начался с хорового исполнения патриотических песен военных певцов. Это отразилось на поведении военнослужащих: они притихли, почти не переговаривались; их внимание было сконцентрировано только на сцену; лица были серьезными и сосредоточенными.

Но вскоре ситуация изменилась, когда вместо хора на подмости вышли танцоры, среди которых было много молодых красивых девушек. Их точеные фигурки, коротенькие юбки, длинные ножки, приятные молодые лица и веселые задорные танцы сразу взбаламутили зрителей, привели их в восторг и сильное оживление. Зрители, располагающиеся на задних рядах, привстали, чтобы видеть танцующих, а в свободные проходы хлынули бойцы, до этого теснившиеся возле входа.

Накануне новогоднего праздника до офицеров управления бригады был доведен приказ командира о создании основной и запасной групп для проверки личного состава, находящегося в отрыве от части. А, поскольку несколько человек бригады находились на станции, причем в разных местах, то офицеры всех служб штаба бригады направлялись на дежурных машинах для контроля их работы и ситуации на станции в целом.

В одну из таких групп вошли одновременно Арсентьев, Дашинский, Турыгин, Коршунов и Булгаков. Данная группа числилась в числе запасных.

Воспользовавшись таким обстоятельством, они плотно занавесили окна одеялами, организовали праздничный стол в своем вагончике, вывалив на него все припасенные ими за несколько дней деликатесы: мясные и рыбные консервы, яблоки, мандарины, колбаса двух сортов, плавленый сыр, маринованные болгарские овощи. Две бутылки водки заняли почетное место на праздничном столе, в самом центре, таким образом, украсив его.

Ближе к бою кремлевских курантов к присутствующим присоединился командир комендантского взвода прапорщик Саня Пантелеев. Он принес с собой маленький телевизор, который быстро был настроен на московскую волну. Свет в помещении специально потушили, чтобы не привлекать внимания непрошенных гостей, ограничились двумя зажженными свечками.

Когда водка была разлита по солдатским кружкам, с тостом выступил Михаил Васильевич, как самый старший по возрасту и званию среди сидящих за столом.

- Дорогие друзья! - тихо пробасил он. - Я нескончаемо рад быть вместе с вами здесь в эти последние минуты уходящего года. Судьба свела нас воедино, чтобы мы с честью устранили последствия аварии на атомной станции. Предлагаю выпить за то, чтобы этот год со своими трагедиями и невзгодами для нашей страны и для каждого из нас остался в прошлом.

Все дружно соединили над столом кружки, чокнулись, залпом выпили и с азартом накинулись на еду.

- Между первой и второй - промежуток небольшой! - радостно пропел Олег Турыгин и стал снова разливать. - У меня есть тост.

- Не торопись, дорогой, - остановил его Борис. - Давайте дождемся боя курантов, вот тогда и продолжим.

Никто не возражал. Немного выпитое спиртное сделало свое дело: кто-то вышел в тамбур покурить, кто-то тихо запел под гитару, кто-то обсуждал последние события.

- Это хорошо, что командование 1-го января объявило выходным днем, - говорил прапорщик Пантелеев. - Мои «комендачи» хоть выспятся.

- Комбриг потребовал от комбатов, чтобы те обеспечили сон своим бойцам на целый день, - добавил Михаил Васильевич.

- Очень правильное решение, и мы тоже отоспимся, - поддержал Костя, сладко потягиваясь.

- Не спешите планировать ничего на ближайшие сутки, молодые люди! Вы совсем забыли, что почти все здесь сидящие числятся в запасной группе, - предостерег Михаил Васильевич. - Чтобы в воинском коллективе прожить хоть один день без какого-нибудь ЧП, к тому же праздничный, - я вас умоляю!

- Внимание, товарищи! До начала Нового года осталось пять минут, - сказал Паша, сделав чуть громче звук в телевизоре. - Сейчас с поздравлениями к советскому народу выступит Горбачев.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС слушали молча. Каждый думал о своем, вспоминал семью и тешил себя надеждой о скором возвращении домой, к родным и близким людям, а также и о том, что этот кошмар, с которым пришлось столкнуться здесь, никогда не повторится в их жизни.

Когда бой курантов закончился, все одновременно выпили и наперебой стали друг друга поздравлять с наступившим Новым 1987 годом. Начавшийся праздничный концерт, транслируемый по телевидению, радовал ребят своей грандиозностью и весельем. Посмотрев его примерно с час и поговорив еще немного, все изъявили желание отдыхать. Остатки от праздничного стола Костя собрал в ведро и, накинув на себя бушлат, пошел выбрасывать их в мусорный контейнер.

Ночь встретила его морозным воздухом, тишиной и мириадами звезд на небе. Казалось, скрип снега под сапогами разбудит забывшийся во сне военный городок. Стараясь ступать плавно, он добрался до контейнера, высыпал содержимое ведра. Костя поймал себя на мысли, что ночная мгла и неестественная тишина вновь излучают неизвестность и страх. Ему сразу же вспомнилась ночь, проведенная им в Разсохе, и от ужаса у него аж мурашки пробежали по спине.

Влетев в вагончик, Костя поспешил закрыть дверь на все замки. В комнатах все уже спали, тихо похрапывая в подушки. Включенные электрические обогреватели едва освещали пространство своим малиновым светом от раскаленных спиралей, пожирая кислород. Немного убавив температуру обогрева, Раздевшись до кальсон, Костя залез под одеяло. Мысли о долгожданной встрече с семьей не давали покоя...

Тогда он еще не мог знать, что длительность его пребывания в «зоне» будет существенно увеличена в отличие от запланированного, что возвращение к родным наступит нескоро, а обнять жену и сына удастся не ранее, чем почти через три месяца. Потом в его жизни будут и радушные встречи с дорогими для него людьми, и нескрываемая зависть некоторых сослуживцев к его успехам, и изнуряющее лечение здоровья в госпиталях... Ему сейчас не было ведомо, кого потеряет и кого найдет он в этой таинственной «зоне». Он безмятежно спал, набираясь сил, готовя себя к новым испытаниям, которые его ожидали впереди...

Утренний развод личного состава бригады 1-го января прошел поздно - в 8.00. Под сереющим небом, уступающим новому дню, на плацу были построены в строгом каре подразделения бригады.

- Сейчас будет немножко цирка, - заявил подошедший к офицерскому строю, как всегда с опозданием, подполковник Тарасенко.

- Цирк - это хорошо! - согласился помятый, с мешками под глазами майор-тыловик. - А клоуны будут?

- Будут-будут, - ответил Тарасенко майору, откровенно принохаясь к майору, от которого исходил сильный перегар. - И еще к ним сегодня точно кто-то добавится! - как-то таинственно добавил он, косясь на майора своими сузившимися вдруг глазками.

Тем временем командир бригады и начальник политотдела вышли из здания штаба и направились в сторону плаца. Навстречу к ним с рапортом, чеканя шаг, подошел начальник штаба.

Громко поприветствовав вышедшего к строю комбрига, личный состав стал свидетелем непонятных манипуляций, происходящих на плацу. Перед строем были поставлены два стола, на которые бойцами комендантского взвода выставлялась стеклянная посуда различных калибров и емкостей. В середине этой выставки особо выделялись три трехлитровые банки с мутной жидкостью. В строю то тут, то там стали раздаваться тихие реплики, сопровождаемые негромким, но дружным смехом.

- Попрошу внимания, товарищи солдаты и офицеры! - пронеслось над строем.

Комбриг говорил, как всегда, так, чтобы его могли слышать на другом конце военного городка даже без микрофона.

- В то время, когда командование организовало ряд праздничных мероприятий для личного состава по случаю наступления Нового года, побеспокоилось о подарках для наших славных бойцов, нашлись те, которые своими неуставными действиями пытались дезорганизовать наш воинский коллектив. Ряд военнослужащих попытались пронести в расположение части эти спиртные напитки, - комбриг обвел рукой выставленные на показ несколько десятков бутылок и всевозможных банок, жмущихся на столах. - Командиры подразделений! Вывести из строя нарушителей воинской дисциплины.

Строй лопнул, зашатался, послышались команды отцов-командиров и через середину плаца к столам стал стягиваться разномастный военный народ. Двенадцать человек великовозрастных солдат, выстроились в одну шеренгу рядом со столами. Они, покорно опустив головы, стыдливо переминались с ноги на ногу.

Подойдя к ним поближе, комбриг продолжил свое выступление:

- Данной мне властью я мог бы отправить этих нарушителей воинской дисциплины назад, в свои военкоматы, с соответствующими характеристиками. Но я не буду этого делать, поскольку они не успели употребить спиртные напитки и в содеянном раскаялись.

Вздых облегчения пронесся по строю. Послышались негромкие слова, что, мол, комбриг крут, но справедлив.

- А сейчас каждый из них возьмет свои емкости и их содержимое выльет на землю, - скомандовал подполковник. - Выполняйте!

Бойцы подошли к столам, взяли свои бутылки, банки, открыли их и с усердием стали поливать содержимое на плац. Снег быстро окрасился в разные цвета. Вскоре окружающий воздух наполнился спиртным запахом. По строю пронеслись стон и сочувствие. Стоявший рядом с Арсентьевым майор-тыловик с трудом проглотил слюну. Военнослужащие в последних рядах вытягивали шеи, чтобы увидеть своими глазами редчайшую экзекуцию, которая может произойти исключительно только в армии.

- А среди них мог быть и я, - прошептал Олег Косте.

- Не с-с-сы в компот, - обрубил его Борис, пнув незаметно локтем в бок - Тебя б мы как-нибудь отмазали...

Закончившие поливать снег спиртным солдаты были отправлены относить пустые бутылки на мусоросборник. На плацу остался только один солдат, который возился с трехлитровыми банками. Было видно, что ему никак не удавалось открыть плотно закрученные консервированные крышки. Он и пальцы, и зубы, и бляху ремня пускал вход, но все безрезультатно.

- Командир взвода! Помогите своему солдату, - приказал комбриг. - Капитан Колосков, принесите сюда счетчик Гейгера.

- Сейчас будет продолжение праздничного концерта, - прошептал Костя на ухо Боре.

- Концерт был вчера, а это - уже цирк начинается! - парировал Боря и, рядом стоявшие офицеры, услышавшие его слова, негромко захохотали.

Лейтенант достал из кармана перочинный нож и в два приема вскрыл им металлические крышки.

- А теперь мы попросим главного радиолога бригады замерить уровень радиации содержимого в этих банках, - сказал комбриг. - Приступайте, Николай Николаевич!

Капитан настроил на работу прибор и поднес его к одной из банок. В наступившей тишине было отчетливо слышно учащенное потрескивание счетчика Гейгера, говорившее о том, что эта мутная жидкость, непонятно кем сотворенная и откуда взятая, именуемая в народе «самогоном», содержала и излучала радиацию.

- А теперь, товарищ рядовой, возьмите банку и пронесите ее перед строем так, чтобы стоящие могли увидеть и услышать показания прибора, - не унимался комбриг.

Солдат с опаской взял обеими руками банку, вытянул ее перед собой и, отвернув голову в сторону, пошел вдоль строя. Радиолог нес прибор над горлышком банки, стараясь держаться подальше от бойца и его груза.

В этот момент передние ряды, боясь быть забрызганными из качающейся в дрожащих руках сослуживца банки жидкостью, подались назад, задние прижались к снежным бортам и перемешались. По мере прохождения этой процессии строй военных стал выгибаться дугой, но затем, под окрики командиров подразделений, с неохотой выравниваться.

Закончив свой обход, солдат подошел к комбригу.

- Старшина роты! Выдайте этому солдату лопату и кирку. Командир взвода, забирайте свой взвод, выводите его в лесополосу, и пусть ваши подчиненные смотрят, как нарушитель воинской дисциплины хоронит в могиле на полутораметровой глубине эти банки с радиоактивным самогоном. Теперь, я надеюсь, каждый из военнослужащих бригады понял, что пить спиртное в «зоне отчуждения» чревато не только для службы, но и для здоровья, - заключил комбриг.

Затем подразделения бригады прошли строевым шагом по залитому всевозможным спиртным снегу возле комбрига и начальника политотдела, отправляясь заниматься своими насущными делами: кто стирать обмундирование, кто мыться в баню, кто спать.

- Офицерам управления построиться напротив штаба, - приказал оперативный дежурный по бригаде.

Строй из двадцати офицеров управления замер в напряженном ожидании. Все стало предельно понятно, когда к строю подошел комбриг.

- Основная группа офицеров прошлым вечером и ночью проделала результативную работу по обеспечению дисциплины в части. Итоги этой работы вы, товарищи, сейчас видели. Приказываю: основной группе отдыхать, а резервной - выдвинуться по объектам с проверками. Начальник штаба каждому офицеру поставит конкретные задачи. Готовность группе - 30 минут.

Офицеры разошлись по своим делам. Костя с ребятами направились в вагончик, чтобы взять запасные «лепестки», облачиться в теплые вещи и «грязное» обмундирование.

- Костик, - обратился к Арсентьеву Пантелеев, - ты не против со мной и моими «комендачами» сегодня поработать?

- С удовольствием! - согласился Костя. - А начальник штаба не будет возражать?

- Не бойсь! Я с ним уже договорился, когда планировали, кого и куда направить, - успокоил Саня. - Только ватные штаны и валенки надень. На броню поедем.

В штабе Арсентьев расписался в журнале о получении задания по патрулированию на БРДМ совместно с прапорщиком Пантелеевым и отделением комендантского взвода деревни Новоселки, которая находилась в километрах 10-12 от бригады в сторону города Чернобыль. Группе надлежало обследовать эту деревню на предмет присутствия в ней подозрительных лиц, и, в первую очередь, военных, которых надлежало задержать и привезти в бригаду для дальнейшего разбирательства.

Задание было простым и не вызывало особых опасений, тем более в сопровождении восьми крепких бойцов, их командира и бронетехники. Забравшись на броню, группа приступила к движению по своему маршруту.

БРДМ шел по снегу мягко, убаюкивая. Косте хотелось спать, но это исключено, нельзя, бойцы засмеют! Да и опасность свалиться с брони есть, шею себе свернуть. Поэтому Арсентьев решил залезть в десантное отделение, оставив на морозном воздухе прапорщика одного.

Доехав до знакомого ПУСО, Костя показал дежурным милиционерам специальный пропуск на право проезда в «зону». Те без задержки подняли шлагбаум и махнули рукой: «Проезжай!».

Через четыре километра слева от дороги показался дорожный указатель «д.Новоселки - 3 км». Пантелеев, показавшийся в открытом люке, прокричал водителю:

- Давай влево!

Сделав крутой вираж влево, водитель сбавил скорость и переключился на пониженную передачу. И было от чего. Здешняя дорога уже забыла, когда по ней ездил техника, и ходили люди: чем дальше ехал БРДМ, тем глубже становился снег. Но колеса брони, вращаемые надежным военным движком, уверенно нащупывали заброшенную дорогу.

Надрывно урча и выталкивая перед собой, как отвалом, огромный ком снега, БРДМ въехала в мертвую деревню. Арсентьев попросил водителя остановиться возле первых домов.

- Да кто здесь может быть? - возмущался Саня, сплевывая через опущенный респиратор. - Сюда только на оленьей упряжке можно добраться.

- Может, дальше пешком пройдем, не сворачивая с дороги? - предложил Костя.

- Попробуем! - согласился Саня и тут же, повернувшись к бойцу, скомандовал: - Сержант Ермолин! Проверить дорогу!

- Есть проверить дорогу! - четко ответил сержант и смело спрыгнул с борта машины в снег.

Провалившись по пояс в снег, сержант не шел, а просто полз на животе, отталкиваясь ногами. Видя бесполезность выполняемого поручения, Саня приказал ему возвращаться на броню.

- Что будем дальше делать? - спросил он Костю.

- Ох уж этот волнующий вопрос русской интеллигенции! - несколько пафосно ответил ему Арсентьев.

- Не понял!

- Отвечу уклончиво: не могу знать, Ваше сиятельство! - съязвил Арсениев, вылезая из десантного отделения. - В общем, так: глушим мотор, сидим и курим, всматриваясь в обстановку и слушая тишину.

- Закуривай! Всем наблюдать вокруг! - скомандовал бойцам Саня.

Солдаты закурили и, встав на броню, стали осматривать местность по сторонам.

- Вот чего я в тебе, Костик, уважаю, так то, что ты найдешь выход любой ситуации. Поэтому я тебя с собой и взял.

Костя усмехнулся, но спорить не стал.

Вскоре выход нашелся сам по себе.

- Товарищ старший лейтенант! - закричал веснушчатый солдат, обращаясь к Арсентьеву, указывая пальцем вперед. - Вон, за холмом, видите? Там еле дымок пробивается.

Приложив руку ко лбу в виде козырька, Костя стал всматриваться вдаль. Десять пар глаз смотрели в одну и ту же сторону, и все единодушно подтвердили: виден еле различимый дымок.

- Дым - значит, там есть люди, - Арсентьев рассуждал в слух, и все его слушали. - Кто они: либо мародеры, либо самовольщики? Одно из двух.

- А, что там, за холмом? - осторожно поинтересовался Пантелеев.

- Очевидно, продолжение деревни, - предположил Костя. - Сколько мне помнится, на карте начальника штаба деревня находится с обеих сторон от дороги, но в двух местах дома расположены с отрывом от основной усадьбы. Надо пробиваться к холму, там обзор будет лучше.

- Заводи! Поехали наверх! - скомандовал Саня водителю, показывая на холм, и махнул рукой.

Бойцы сидели на броне, всматриваясь вперед и с нетерпением ожидая развязки.

- Ой, братцы! Чую нечистую силу! Свят-свят! - услышал Костя у себя за спиной чей-то взволнованный голос. Пожилой солдат шевелил губами, читая какую-то молитву, и усердно крестился.

Костя дернул за локоть Пантелеева и кивком головы показал в сторону молившегося.

- А-а! Не обращай внимания. Это мой «блаженный», - успокоил Саня. - Держу его во взводе, как лучшего бойца: не курит, не пьет, матом не ругается, любую работу лучше всех сделает, в нарядах не спит. Он у меня, как барометр.

- То есть? - не понял Арсентьев.

- Говорит, что видит и чувствует нечистую силу в «зоне» и с ней борется с помощью молитв, - разъяснил Саня поведение своего подчиненного и вновь сплюнул в снег.

- Посмотрел бы я на него со стороны, как бы он повел себя во время моего недавнего дежурства в другой деревне, - Костя говорил эту фразу то ли себе, то ли Сане, а, может еще кому-то в тот момент, когда разогнавшаяся БРДМка, как нож в масло, воткнулась передней броней в снег.

Подминая под своим бронированным брюхом нетронутый снег и отваливая верхний слой по бокам, тяжелая машина упорно карабкалась на холм. Нужно было отдать должное водителю: он мастерски вел машину, а она отвечала ему безукоризненным поведением. Такой тандем в сложной обстановке - единение человека и машины - понравился Арсентьеву. Костя не выдержал, дернул опять за локоть Саню, показывая кивком головы на водителя, и поднял большой палец вверх.

- И я того же мнения, - прапорщик пытался перекричать гул мотора. - Сержант Володя Бузина. Парень водителем полтора года мотался по горам Афганистана на БТРах и наливниках. Да у меня во взводе каждый боец - легенда.

Наблюдатель, первым заметивший дымок, не ошибся: за холмом было продолжение деревни, где-то до десятка хат, и лишь в одной из них теплилась человеческая жизнь. В безветренном морозном воздухе из печной трубы медленно к небу поднимался дымок. Отсюда, с вершины холма, он был хорошо вметен. Все внимание военных было сосредоточено именно туда. Дым таил в себе неизвестность, вызывая, тем самым, нескрываемое любопытство у людей, спешащих к нему на встречу.

Подъезжая к дому, Арсентьев отметил для себя очередной интересный факт: вокруг хаты не было видно никаких следов ни человека, ни животных.

- Заглуши мотор, - приказал Костя водителю, когда группа подъехала к дому.

Стоя на броне, он внимательно осмотрел хату и подступы к ней. Действительно, ничего подозрительного не было видно. Но, приглядевшись повнимательней, он, как и остальные бойцы, был уверен в некоем незримом человеческом присутствии: двор от снега был расчищен, на веревке висело замерзшее белье.

- Эй, хозяйка! Выдь из хаты! - прокричал Саня Пантелеев, сложа руки рупором.

Вскоре в одном из окон хаты показалось испуганное лицо, больше похожее на маску. Костя увидел его и почувствовал неприятный холодок в груди.

«Опять какая-нибудь очередная мистика вырисовывается», - подумал он, спрыгивая с БРДМ в снег.

Направляясь к хате, Арсентьев попросил одного из бойцов прихватить с собой лопату. Пока солдат откапывал от снега калитку, дверь в хате отворилась и на крыльце показалась старуха. На ее голове был повязан дырявый в нескольких местах платок, охватывающий плечи и грудь. Поверх тела не по росту была накинута телогрейка. Из-под длинной и безразмерной юбки выглядывали старенькие разбитые валенки.

Заметив в глазах пожилой женщины испуг и настороженность от неожиданного появления военных, Арсентьев обратился к ней:

- Здравствуйте, бабушка! Вы нас не бойтесь! Если Вы не против, мы войдем во двор, хорошо?

- Добро пожаловаты, хлопци! - еле слышно ответила она на украинский манер.

Военные с подозрением стали оглядывать небольшой двор и самую обитательницу дома. Невысокая и худенькая старушка лет 70-75, с седыми, выбивающимися из-под платка, волосами, с сильно заметными морщинами на лице и руках, смотрела на военных молча, не проронив ни слова.

- Скажите, бабуля, а Вы здесь одна живете? - осторожно поинтересовался Арсентьев.

- Одна, сынки. Как на атомной станции, будь она не ладна, взорвалось что-то, так через два дня усих жителей деревни и увезли, - тихо говорила она, перемешивая русские слова с украинскими.

- А Вы почему не выехали?

- Мэнэ не куда ихать. Диты живут в інших мистах, у них у самих свои диты е. А я тогда в апреле, як в войну, колы в деревню нимцы входылы, зализла у погреб, да присидела там скільки змогла. Так и сбереглась, бог миловал.

- Сколько ж Вам было в войну? - спросил Саня.

- Шестнадцать годков.

- Значит, Вам сейчас 60 лет? Понятно, - протянул Костя. Действительно, в этой старухе трудно было признать пожилую женщину.

- Бабуль, а чем Вы сейчас питаетесь? - задал вопрос, вышедший из сарая солдат.

- Картохой, кукурузой, засолила огурчиков и помидор. Их в прошлом году много было, все соседями брошено в огородах.

Пока солдаты беседовали с женщиной, Костя обратился к Сане:

- С собой, что-нибудь из продовольствия в бронике возите?

- Перед праздником я получал на взвод доппаек, думаю, что-то осталось, - ответил Пантелеев и отправил к технике двух солдат принести продукты.

- Птица и животные есть?

- Всех курей потягали лисы. Была собака, так сдохла.

- Вы знаете, что в округе только Вы одна живете? - поинтересовался Костя.

- Может оно и так, да я от хаты никуда не отхожу, - смиренно отвечала она.

- Здесь кругом радиация, поэтому людей и вывезли из этих мест. Может и Вас перевезти в безопасную местность?

- Никому я не нужна в другом месте: ни своим, ни чужим. Здесь могилы моих родителей, мужа, здесь мой дом. Смерти я не боюсь. Буду здесь жить сколько мне отведено.

Тем временем вернулись два солдата, которые поднесли картонные коробки, доверху заваленные продуктами для этой женщины. В ней были рыбные и мясные консервы, шоколад, сахар-рафинад, конфеты. Заботливые руки солдат положили рядом два куска хозяйственного мыла и четыре буханки черного хлеба. Увидев хлеб, она судорожно схватила обеими руками буханку, прижала к груди, как ребенка, и стала вдыхать ноздрями его запах.

- Ребята, - обратился Костя к солдатам, - занесите продукты в дом, заодно аккуратно обследуйте его на предмет посторонних и наличия радиации.

Женщина пришла в себя и поведала дальше:

- Хлеб мне раньше привозили военные, которые иногда проезжали через деревню. Но с середины ноября до сего дня больше людей я и не видела.

Костя с Саней попытались ее уговорить уехать из «зоны», но она оставалась непреклонной.

- Спасибо, сынки, за продукты, особенно за хлеб. Я буду доживать свой век здесь, а вы возвращайтесь к своим.

- Воля Ваша, бабушка, прощайте! - сказал Костя с сожалением, чуть кивнув головой и, повернувшись спиной, скомандовал бойцам: - К машине!

Расположившись сверху брони, Костя услышал сбоку голос Пантелеева:

- Бойцы доложили, что в хате никого из посторонних нет. Да и фон в норме.

- Другого и быть не могло, - ответил Костя, вспоминая убогость и нищету этого жилища. - Возвращаемся домой, в бригаду.

Машина, взревев мотором, подала назад, а затем, резко развернувшись своим бронированным носом, понеслась по расчищенной ей колее. Костя обернулся назад и увидел одинокую фигуру возле хаты, которая смотрела в их сторону, покорно сложив руки с буханкой солдатского хлеба на груди. Он махал ей рукой на прощание по тех пор, пока она не скрылась из вида, и с болью в сердце вдруг осознал масштабность трагедии людей, которые оказались в эпицентре этой ужасной аварии.

Ему стало невыносимо жалко эту женщину, а найти выход, как ей помочь, он не знал. Оставалось лишь одно - доложить начальнику штаба о присутствии этого человека в пустой деревне.

Костя понимал, что прерогатива принятия решения по этому случаю останется только за командованием бригады. И, поэтому, сейчас, сидя на броне, он мысленно подгонял машину, чтобы побыстрее приехать и доложить об одинокой женщине, веря в то, что, быть может, будет найден выход, чтобы спасти эту пожилую женщину или как-то облегчить ее нелегкую судьбу.

Он все так и сделал: вернувшись в бригаду, Арсентьев в письменном рапорте доложил о том, кого и где видел.

О судьбе той женщины он так ничего и не узнал. Не смог узнать ...

Глава 14

В окружении незримого врага

Размеренная жизнь в чернобыльской «зоне» протекала, как и прежде, по своим законам: где-то ускорялась, в чем-то тормозилась. Не было исключением и плановая замена военнослужащего: кто-то заменялся вовремя, в определенное заранее время, кто-то нет (раньше или позже).

Дашинский относился к тем людям, которым чужого не надо, но и своего отдавать не станут. То есть: пришел срок - подавай замену!

Сразу после Нового года, Борис как-то завел разговор с Костей о скором расставании, мол, два месяца его пребывания в «зоне» через нескольких дней заканчиваются, и они, скорее всего, больше никогда не встретятся.

- Давай телефонами обменяемся, что ли,- предложил Костя, когда они ехали в кузове на станцию. - Так сможем поддерживать связь друг с другом.

- Обязательно, - согласился тот. - Я вижу, что ты дневник ведешь, записываешь там всякое. Правильно и делаешь. Дайка мне его, я запишу в нем свой домашний телефон.

Он набросал цифры на чистом листе дневника и подписался под ними. Кто бы мог знать, что в последствии этот номер несколько раз будет переноситься в разные Костины записные книжки и не затеряется. Ребята будут иногда созваниваться, говорить по телефону о своем настоящем и будущем, но никогда не затронут то прошлое, которое им «посчастливилось» испытать на себе в «зоне отчуждения».

А сейчас каждый, кто плотно сидел с ним плечо к плечу в кунге военного грузовика, мчавшегося на очередное свидание с раненой атомной станцией, как казалось Косте,

думал только о прошлом, потому, что настоящее и будущее - пугали своей неизвестностью.

Чтобы как-то скоротать время в дороге, он закрыл глаза и стал вспоминать строки из первого письма от жены, полученного им накануне. Настя писала, что несколько раз перечитывала вслух пришедшее от него письмо сыну, а он вновь и вновь просил еще читать. Она не скрывала своей тревоги за Костю и просила беречь себя, по возможности... Так за воспоминаниями Костя не заметил, как задремал.

Толчок в плечо вернул его в реальность. Машина остановилась на площадке разгрузки, извещая бойцов о новой встрече с радиацией, за порцией которой они и приехали.

Спрыгнув с борта, Борис и Костя направились к своим батальонам. Подразделения и в этот день выполнили свои задачи. Медленно, даже очень медленно человек побеждал радиацию, отвоевывая у нее все новые и новые территории. Но сколько и чего эта победа стоила? Никто не хотел, а кто-то просто боялся думать об этом в тот момент. Да и не главное это было...

Вечером, вернувшись в бригаду, Дашинского ждало радостное известие. В лице младшего лейтенанта Вилинского приехала ему замена. Бориса трудно было узнать - от счастья он светился, как тульский самовар, чрезмерно оживился. По такому случаю, он вытащил припасенную давно бутылку водки и, пригласив после отбоя ребят, живших с ним в одном вагончике и своего сменщика, устроил небольшие проводы.

За незатейливым столом царило тягостное молчание. Каждый понимал, что завтра их покинет душа столь небольшого, но дружного коллектива, и, возможно, с Борисом Дашинским они никогда больше не встретятся. Понимал это и Костя, ведь Борис для него был больше, чем товарищ. За короткое время их совместного пребывания в опасной «зоне» они не раз выручали друг друга. Он был тем человеком, на которого можно было опереться, довериться ему.

Прощальный ужин друзей прошел обыденно: ребята вспоминали прожитые дни, интересные события, а Олег спел на гитаре пару песен по Бориной просьбе. Все дружно желали ему здоровья и успехов в гражданской жизни, а он просил ребят зря не рисковать и поскорее живыми и здоровыми вернуться домой.

Утренний развод личного состава бригады немного задерживался. Причиной этому явилось не столь массовый отъезд по замене в этот день офицеров и солдат, сколько поощрение многих из них. Комбриг лично вручал отличившимся военнослужащим ценные подарки, почетные грамоты, письменные отзывы. Дашинский также был поощрен: ему в качестве подарка была вручена тельняшка. После прохождения торжественным маршем мимо комбрига и начальника политотдела, офицеры бросились поздравлять Бориса и, заодно, прощаться.

Дошла очередь и до Кости. Они крепко обнялись.

- Быть может, мы еще встретимся. Удачи тебе, комсомол! - тихо сказал Борис.

- Прощай! Спасибо тебе за все!

Арсентьев направился в сторону посадки. В кузове ему занял место на лавке Олег Турыгин. Он протянул Косте свежий «лепесток» и со вздохом сказал:

- Жаль, что Боря покинул нас. Все меньше нормальных людей остается в нашем коллективе. Кстати, с завтрашнего дня ожидается резкое понижение температуры воздуха.

- С чего ты взял? - резко вопросом отреагировал Костя на его фразу.

- Не я взял, слышал от наших медиков, а им сообщение пришло из медицинского управления штаба ОГГО, чтобы приняли экстренные меры по недопущению обморожения личного состава. Морозы будут доходить до 25-30 градусов и продлятся они аж до марта месяца. А завтра 7 января - рождество Христово.

- Наверное, тяжело всем здесь придется, - ответил Арсентьев, завязывая на затылке тесемки от респиратора. - Очередные трудности «зона» нам готовит. Ну, а нам не привыкать!

Костя окинул взглядом солдат и офицеров своего первого батальона, рассаживающихся по лавкам вдоль бортов, и громко сказал:

- Ну, что, пробьемся, мужики? Сразимся с радиацией?

- Да куда она от нас денется!? Ей ли с нами тягаться? - отозвался двухметровый квадратный солдат простуженным голосом.

Кузов грохнул таким многоголосым смехом, что разбудил казавшуюся заснувшей всю «зону» в радиусе тридцати километров...

Метеорологический прогноз на 7 января подтвердился: небольшой холод, характерный для этой полосы, неожиданно сменился на настоящий сибирский мороз с обжигающим, колючим ветром. Такое резкое изменение погодных условий внесло поправки в деятельность частей и подразделений, работающих на станции. Командование ОГГО требовало от их командиров ускорить выполнение задач, максимально мобилизовав на это весь личный состав.

Тарасенко, сославшись на недуг, отправил на станцию всех политотдельцев. Федорова оставил дежурить в отделе, а Турыгина откомандировал вновь за канцелярскими товарами в Киев. И, хоть Тарасенко был далеко не верующим человеком, но праздники, в том числе и религиозные, отмечал всегда. После очередных сетований Тарасенко на отсутствие бумаги, клея, линеек, кнопок и прочей канцелярской мишуры, начальник политотдела, неодобрительно пожав плечами и покачав головой, со скрипом разрешил отправить Олега в столицу.

Олег, трясаясь в кузове грузовика, в своих ботиночках с носочками летнего покроя, шинельке на «рыбьем» меху, да в офицерской шапке-ушанке, все время падающей с его непослушной шевелюры, проклинал и Тарасенко, и зверский холод, и разбитую дорогу, и надоевшую «зону», и все канцелярские товары вместе взятые.

Тем временем Костя ехал на станцию в ватных штанах и в валенках, вдетых в чулки от ОЗК, везя с собой на станцию первый раз младшего лейтенанта Ивана Вилинского. Двадцатипятилетний офицер, призванный из запаса Кирсановским военкоматом Тамбовской области, ни дня не служил в армии и с трудом представлял себе свою роль в деле ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. До призыва и направления в чернобыльскую зону он работал секретарем парткома на каком-то большом заводе. Пообщавшись с ним, Костя понял, что Вилинский неохотно интересуется задачами, выполняемыми батальонами, проблемами и трудностями, с которыми сталкиваются личный состав и их командиры. Его больше интересовало лишь одно: где меньше всего уровни радиации...

«Ничего, пройдет какое-то время, и он станет, как все», - философски рассуждал Арсентьев.

Оставив Вилинского на попечении командования второго батальона, Костя направился в свое подразделение. Не желая делать большой круг, чтобы выйти на свой этаж, он решил пойти по короткому маршруту, о котором ему рассказал замполит второго батальона.

Пробираясь по лабиринтам лестниц и проходов, он наконец вышел в длинный слабоосвещенный коридор, оббитый желтыми анодированными панелями. То тут, то там виднелись мелом написанные дозиметристами цифры с уровнями радиации и временем их проставления и их рекомендации: «Не стой!», «Беги 20 метров!» и т.д. Свинцовые листы, притороченные в некоторых местах к стенам до уровня головы для уменьшения направленного радиационного излучения, вызывали у Кости животный страх.

Он понимал, что в таких местах сконцентрирован высокий уровень радиации, представляющий опасность для здоровья человека. Осознавая всю трагичность и

нелепость ситуации, в которую он попал, скорости движения и теплой одежды на нем, Костя почувствовал, как ручейки пота потекли по лицу из-под шапки.

«Пошел, называется, самым коротким путем, балбес, - ругал себя Арсентьев. - Послушался советов не проверенного мною человека, а теперь вот страдай из-за своей безалаберности. Убедился на собственной шкуре, что рассчитывать надо только на себя?»

Хотелось упасть на пол и ползти по нему как можно скорее прочь от этого места. В одном месте он еле заставил себя двигаться дальше, переборов желание вернуться обратно. Он никогда не простил бы себя за такую трусость, поэтому Костя с большим усилием, но все-таки заставлял себя упрямо идти только вперед.

Врага он не видел. Не летали вражеские самолеты, снаряды, не свистели пули и осколки. Но было нереально страшно лишь только потому, что незримый враг - радиация - присутствует везде и она достает тебя везде, где бы ты ни прятался, а ты ей ничем ответить не можешь! Ты просто беззащитен! И не нужно в таком случае геройствовать и ей что-либо доказывать, потому как бесполезно! Остается надежда только на свои ноги...

И он бежал, если это было возможно. А, где-то и полз как змея, между гудящими трубами и гремящими агрегатами, извиваясь между ними, карабкаясь и протискиваясь, максимально используя свои физические способности. Он чертыхался и ругал себя уже сотый раз, что так бездарно загнал себя в эту тупиковую ситуацию, почти потеряв ориентацию и в пространстве и во времени.

Сквозь капли пота, текущего со лба, в свете слабого дежурного освещения, Арсентьев еле различил надпись на стене «Хим. цех» и стрелку, показывающую направление движения.

«Дошел! - почти радостно пронеслось у него в голове. - Значит, до химического цеха осталось рукой подать. Мне как раз туда и нужно».

Наспех вытерев вспотевшее лицо наружной стороной перчатки, Костя стряхнул с бушлата и ватных брюк прилипшую пыль. Он оглянулся назад и, с ужасом вспомнив проделанный путь, быстренько зашагал по затемненному коридору.

Наконец, впереди послышались человеческие голоса: это были солдаты передовых подразделений первого батальона, которые работали по дезактивации закрытых помещений третьего энергоблока. Дальше дорога оказалась Косте знакомой, поэтому он не спеша добрался до временного штаба батальона. Только здесь Костя смог перевести дух и расстаться со своими страхами.

«Интересно, сколько же времени я сэкономил такой «коротенькой» дорожкой? - задал он себе вопрос, поднося к глазам наручные часы. - Аж целых шесть минут! Обалдеть!».

Глава 15

Рейд за дезертирами

Несмотря на молодой возраст, Арсентьев не любил отмечать свой день рождения, а в условиях военной службы, тем более. Здесь, на развалинах Чернобыльской АЭС, ему казалось кощунственным устраивать праздник по случаю своего двадцативосьмилетия.

Однако Олег несколько дней назад уже обсудил с коллегами по службе вопрос о покупке символического подарка имениннику. Просочившаяся об этом информация вынудила Костю закупить в военторговском магазине необходимые продукты и пригласить офицеров на вечер следующего дня на товарищеский ужин.

Вернувшись со станции в бригаду, его окликнул встревоженный голос посыльного: - Вас, товарищ старший лейтенант, в 19.30 вызывает комбриг на совещание.

- Какой вопрос там будет обсуждаться? - с настороженностью поинтересовался Арсентьев, стягивая с лица «лепесток».

- Не знаю точно, - сказал сержант и добавил уже тихо, - но помимо Вас вызваны еще комбат четвертого батальона с командиром роты, начальник особого отдела и капитан из оперативного отдела.

- Что-то серьезное случилось? - спросил подошедший Олег Турыгин у Кости.

- Меня срочно в штаб на совещание к комбригу вызывают. Есть несколько минут, чтобы умыться и переодеться. Идем в вагончик, - с нескрываемой тревогой ответил Арсентьев.

К назначенному времени он прибыл в штаб. Возле кабинета комбрига столпились офицеры, которые ждали вызова на совещание.

- Входите! - зычным басом скомандовал подполковник Шариков.

Офицеры зашли в кабинет и сели на стулья, расставленные вдоль стен.

За рабочим столом разместился комбриг, который не скрывал своего возбуждения и нервозности.

- Итак, товарищи офицеры, - без предисловий начал он. - Вы знаете о том, что неделю назад два солдата четвертого батальона самовольно покинули расположение нашей части. Их поиски в бригаде и на станции никаких результатов не дали. В ходе разбирательств и опроса сослуживцев было установлено, что они уехали в Киев с целью сбыта золотых украшений, найденных ими в ходе зачисток жилых домов в городе Припять и других населенных пунктах. По предполагаемым адресам их нахождения в Киеве была отправлена одна поисковая группа, которая, пробыв там три дня, никого не обнаружила. Вторая группа вместо поисков ударилась в пьянство. Я был вынужден сегодня отозвать и ее. Командование части, - подполковник посмотрел на начпо, начальника штаба, замкомбрига и начальника особого отдела, - приняло решение направить в Киев последнюю группу из числа офицеров штаба бригаду. В нее войдут: начальник особого отдела бригады майор Нестеров, офицер оперативного отдела капитан Сизов, помощник начпо по комсомольской работе старший лейтенант Арсентьев, начальник штаба четвертого батальона капитан Игнатенко и командир роты этих солдат старший лейтенант Лымарь.

Названные офицеры встали. Комбриг обвел взглядом каждого и продолжил:

- Москва торопит с поисками и их арестом, - он кивнул на телефоны, плотно стоявшие на его столе. - Поэтому, приказываю: группе убыть сегодня в 23.00 в Киев на двух машинах. Старшим группы назначается майор Нестеров. Всем выполнять его команды. Задержать, во что бы то ни стало, этих дезертиров и доставить ко мне. Начальник тыла в машины загрузит сухой паек, начальник штаба подготовит каждому соответствующие документы и пропуска на машины для беспрепятственного проезда из черновыльської «зоны» в Киев и обратно, начальник автослужбы готовит технику к выезду. Запомните все: выбор пал на вас, товарищи офицеры, не случайно. И я уверен, что вы справитесь с этим заданием достойно. У вас есть только двое суток. Это максимум. Вопросы?

- Мы привезем их, - спокойно ответил за всех угрюмый майор-особист.

Через три часа поисковая группа собралась возле штаба. Пять офицеров на двух УАЗиках - комбрига и начальника политотдела - должны были выехать в сторону Киева. Майор тщательно проверил загруженные продукты, работу радиостанций, готовность водителей, документы на офицеров и технику. Он велел Косте ехать вместе с ним, а остальным офицерам разместиться в другой машине.

- Что ты ко мне по званию обращаешься, комсомол? - возмутился майор, вглядываясь в освещенную фарами дорогу. - Мы сейчас с тобой на важном задании находимся, поэтому я для тебя - Валерий Михайлович. А тебя, как я слышал, Константином зовут?

- Так точно.

- Вот и познакомились.

Выехав из города Иванков и пройдя проверку документов и машин на зараженность на блокпосту и ПУСО, майор скомандовал водителю увеличить скорость движения. Постоянно куря и выпуская табачный дым в приоткрытую форточку, майор периодически переговаривался по радиии, сверяя движение группы по карте.

На пустой дороге в ночное время в свете автомобильных фар, машины легко проглатывали километр за километром. Менее чем через час группа въехала в окрестности Киева. Пустые, слабоосвещенные и заснеженные улицы города больше напоминали улицы Чернобыля.

Остановившись в безлюдном переулке, майор собрал вокруг себя офицеров.

- Судя по карте, - он ткнул острием карандаша в верхнюю часть карты Киева, - мы сейчас находимся в этом месте. У меня есть непроверенная информация, что дезертиры могут находиться по двум адресам: на севере и на западе города. Сейчас едем по первому адресу и проверим его. По машинам!

Водитель, руководимый майором и подсказывающим ему верное направление, уверенно вел УАЗик. Поэтому группе не пришлось плутать по бесконечным улицам и переулкам Киева. Подъехав к нужному дому, майор указал место для стоянки машин. Это была отдаленная от домов и неосвещенная небольшая площадка. Когда офицеры вновь собрались, майор обратился к ним:

- Сейчас выдвигаемся к дому. Командир роты укроется внутри подъезда и будет блокировать его, если кто-то из дезертиров прорвется через нас. Комсомол останется в дверях квартиры, а я с капитанами зайду в квартиру и ее осмотрю. Будьте бдительны: солдаты, которых мы разыскиваем, были ранее судимы за хулиганство. Им далеко за тридцать лет и не исключено, что они могут быть вооружены холодным оружием.

- Принимая во внимание тот факт, что мы практически безоружны, а они - преступники и им нечего терять, - встрял в разговор капитан Игнатенко, . может быть, мы предупредим милицию и попросим у нее помощи?

- Об этом не может быть и речи. Времени на всякие там согласования уйдет немало, а дезертиры на месте не сидят. Значит, мы обречены на долгие и безрезультатные поиски, а нам этого не надо, - объяснял майор. - Что касается оружия, то оно у нас есть, - он вытащил из внутреннего кармана бушлата ПМ. - Я буду идти первым, а ваша задача - страховать меня со спины.

Группа офицеров, обойдя угол дома, по одному просочились в подъезд и бесшумно поднялись на третий этаж. В дверь, обитую дерматином, позвонил майор. В квартире была тишина. Майор вновь нажал на звонок, подольше задержав на нем палец. За дверью послышался мужской голос:

- Кого там черти носят в три часа ночи?

Стоящие по бокам двери офицеры напряглись. Косте казалось, что его сердце вот-вот выскочит из груди.

- Оля здесь живет? - чуть заплетающимся голосом, имитируя пьяного, спросил майор.

- Какая Оля? Да я тебя, морда пьяная, щас по лестнице спущу! - грубо ответил мужчина за дверью, отпирая замок.

Когда дверь отворилась, майор рванул ее на себя и толкнул вглубь квартиры мужчину. Офицеры последовали за ним.

Майор резким движением поднял с пола ошарашенного мужчину, тряхнул его пару раз и грубо у него спросил:

- Кто еще в доме есть?

- Дочь в комнате спит, - сразу ответил тот поникшим голосом. - А вы кто?

Майор сунул ему под нос красную книжицу и произнес:

- Военная контрразведка.

На шум в прихожей показалась заспанная голова молодой девушки лет двадцати трех.

- Обыщите комнаты, - приказал майор офицерам и обратился к мужчине и девушке: - Не вздумайте кричать и звать на помощь милицию, это не в ваших интересах. Пройдемте-ка лучше на кухню, нам нужна от вас кое-какая информация.

Девушка, набросив на плечи короткий халатик, с опаской прошла на кухню. Тем временем офицеры осмотрели комнаты и, не найдя ничего подозрительного и никого из посторонних, собрались в прихожей.

- Мы разыскиваем двух солдат, которые самовольно покинули часть в Чернобыле. Богданов Вадим и Сельцов Александр Вам знакомы?

- Нет, - сразу же ответила девушка.

- Очевидно, Вы не знаете, что они - бывшие уголовники. Кроме того, эти дезертиры похитили золотые украшения, среди которых цепочки, перстни, кольца, сережки. И у нас есть информация, что Вы, Наталья Павловна, помогали им сбывать краденое. К тому же эти драгоценности подвержены радиационному облучению. А это является отягчающим обстоятельством.

Мужчина, оказавшийся отцом молодой девушки, вдруг набросился на нее с упреками:

- Как ты могла с ними таскаться? Я так и знал, что они преступники. Говорил тебе, что под статью тебя подведут. А ты, дура, уши развесила, купилась на подаренную ими цепочку.

- Замолчите, папа! - крикнула она на отца.

- О какой такой цепочке речь идет? - поинтересовался майор. - Не о той, которая у Вас на шее?

Девушка прижала ладони на груди, ее руки заметно дрожали. Она неохотно расстегнула замок цепочки и бросила ее на стол.

- Врете Вы все! Натэ, забирайте ее! - крикнула она в истерике и зарыдала.

Подождав, когда девушка наплачется и немного успокоится, майор спокойным голосом снова обратился к ней:

- Вы поймите меня правильно, Наталья. Я искренне хочу спасти Вас не только от тюрьмы, но и от смерти. К сожалению, я не взял с собой дозиметрический прибор, чтобы продемонстрировать Вам уровень радиации, который излучает эта цепочка. А она ведь висела у Вас на груди, поражая, таким образом, самые уязвимые органы: щитовидную железу, сердце, легкие. Дезертиры, которых Вы укрываете, знали об опасности, которая исходит от цепочки, но все равно подарили ее Вам. Значит, они желали Вам смерти.

- Чего Вы хотите от меня? - не сдержалась девушка.

- Вы должны нам помочь их найти, - прямо сказал майор.

- Чтоб они отомстили мне и моей семье? - девушка выдавила из себя этот вопрос дрожащим голосом и заплакала.

- Уверю Вас, мы их упрячем далеко и надолго.

Девушка, немного подумав, согласно, кивнула головой.

Майор попросил офицеров вернуться к машинам и разрешил поспать. Тем временем, девушка и ее отец подробно рассказали Валерию Михайловичу все, что знали о дезертирах: где и у кого они бывали, кому продавали золотые украшения, как проводили время. Он, слушая их, все подробно записывал, уточнял детали. У него уже зарождался и креп план дальнейших действий группы.

Дождавшись майора, офицеры плотно позавтракали сухим пайком, запили ананасовым компотом из алюминиевых банок и приготовились к реализации плана. Он был прост. В 9.00 часов утра группа должна была нагрянуть в дом по другому адресу, по которому проживала подруга Натальи - Светлана. У нее часто бывали беглецы и, что самое главное, у нее хранились золотые украшения, вывезенные ими из «зоны». Группе следовало уговорить Светлану связаться с солдатами и назначить им встречу в каком-нибудь уединенном месте для захвата.

Майор забрал из дома Наталью, посадил ее в свою машину под надзор Арсентьева, после чего группа выехала в западную часть Киева.

Город нехотя просыпался. От крепкого утреннего мороза спешащие на работу киевляне прятали свои унылые лица в воротники и шарфы. Трудно было узнать в таком городе прежде цветущий, сытый и улыбающийся Киев, который помнил Костя во время учебы несколько лет назад.

Остановившись на приличном расстоянии от дома, где проживала Светлана, майор, предусмотрительно выгнав всех из машины, по рации доложил комбригу обстановку и план, по которому будет дальше действовать группа. Прихватив с собой Костю, капитана из оперативного отдела и Наталью, он направился к дому Светланы. Они поднялись на последний девятый этаж нового дома и позвонили в дверь. Напротив двери, оборудованной глазком, майор попросил стать Наталью.

Дверь, наконец, отворилась и Светлана, ничего не подозревая, пустила подругу, за которой проследовали и офицеры. От их появления в своей квартире она подняла истерику. Успокаивать ее бросилась Наталья. Поняв, что в квартире никого из посторонних нет, Валерий Михайлович оставил караул на лестничной площадке. Проведя в квартире около полутора часов, майор вместе с девушками вышел к офицерам.

- Девушки помогут нам их задержать, - сказал он. - Светлана позвонила им и сказала, что нашла покупательницу на их товар. Договорились встретиться на Крещатике возле билетных касс кинотеатра «Украина» сегодня в 18.00. Сейчас, пока у нас есть в запасе несколько часов, мы едем туда на рекогносцировку.

Удивительная штука - жизнь. Сказал бы Косте кто-нибудь три года назад, что он в составе оперативной группы будет разъезжать по Киеву, да еще и по самой центральной его улице - Крещатику, в чернобыльской униформе на военных автомобилях с целью захвата дезертиров, послал бы его ко всем чертям. Даже в самом плохом сне он этого не мог увидеть. Но это было наяву.

Припарковав машины возле памятника объединения Украины с Россией, майор вместе с двумя капитанами и Костей пошли к кинотеатру. Старшего лейтенанта Лымаря он оставил в машине сторожить девушек, чтобы никто из них не смог связаться с беглецами и сообщить им о засаде.

- Валерий Михайлович, - обратился к особисту Костя, - я в свое время здесь учился и неплохо знаю здешние места.

- Вот и славненько, - отозвался тот, - тогда будешь у нас гидом. Веди сначала в кинотеатр.

Один из лучших кинотеатров Киева, да, пожалуй, и страны, встретил их холодным и безлюдным молчанием. В середине рабочего дня не было желающих посмотреть кино, поэтому билетные кассы практически пустовали. Офицерам это было как раз на руку: они без суеты и лишних взволнованных глаз обследовали все закоулки вестибюля, заглянули в туалетную комнату, осмотрели подходы к кинотеатру со стороны улицы.

Костя обратил внимание офицеров на каменную лестницу, которая начиналась справа от входа в кинотеатр и вела вверх в небольшой парк. Теперь важно было определить места нахождения офицеров для наблюдения за подходами к кинотеатру, оставаясь незамеченными для дезертиров в своей униформе. Поэтому майор на листке бумаги нанес расположение зданий, отметив в схеме эту незаметную лестницу, определил место нахождения каждому офицеру и возможные способы действия. Поскольку у группы не было фотографий беглецов, майор совместно с начальником штаба батальона словесно описали их портреты. Именно с этим у офицеров возникли проблемы.

- Как можно выделить дезертиров из толпы, к тому же в вечернее время? - задал вполне резонный вопрос капитан Сизов. - На них будет, скорее всего, гражданская одежда.

- В лицо их хорошо знают ротный командир и начальник штаба батальона, - рассуждал майор. - Они расположатся здесь и здесь, - он показал рукой в сторону газетного киоска. - Когда они опознают их, то подадут сигнал нам. Как только дезертиры войдут вовнутрь кинотеатра, сразу же все офицеры должны проследовать за ними. Костя останется у выхода, чтобы заблокировать им путь к отступлению. Я с командиром роты беру одного, вы же, - он посмотрел на капитанов, - пакуете другого. Таким образом, находясь в замкнутом пространстве при наличии большого скопления людей, они будут лишены маневра для отхода. Вот тогда ловушка и захлопнется.

Замысел дальнейших действий для всех стал понятен. Оставалось только одно: ждать. Чтобы как-то скоротать время, майор предложил проследовать к машинам, найти менее заметное место, но поближе к месту встречи, перекусить и, по возможности, поспать пару часов. Все-таки напряжение последних суток и бессонная ночь давали о себе знать.

Возвращаясь к машинам, Костя вдруг вспомнил, что сегодня 19-е января.

- Валерий Михайлович, - он тихо обратился к майору. - У меня сегодня день рождения...

- Да, ну-у? Сколько исполнилось?

- Двадцать восемь.

- Поздравляю! - он пожал руку Косте, улыбаясь во весь рот. - С тебя, комсомол, пузырь!

Костя зашел в гастроном и купил две бутылки водки «Столичной». В годы горбачевской перестройки и запрета на продажу алкогольной продукции со спиртным в Киеве в этот период не было серьезных ограничений. Залезая в машину, майор сказал:

- Костя, ты не будешь возражать, если мы твоё двадцативосьмилетие отметим после того, как закончим дело, за которым прибыли сюда?

- Согласен! А у Вас, Валерий Михайлович, есть уверенность в том, что мы их сегодня задержим?

- Мы их непременно возьмем, - коротко и твердо ответил майор, закрывая глаза. - Я тебе это обещаю!

Костя, немного перекусив, расположился на сиденье, положив под голову шапку. Автомобильная печка от работающего двигателя хорошо отапливала салон кабины, поэтому Костя быстро заснул. Отключаясь, он поймал себя на мысли, что никогда не думал встречать свой день рождения в такой необычной обстановке, как засада.

«А, что, собственно, здесь удивительного? - думал он. - Ты - человек военный, значит, будь готов и на пальме день рождения встречать или в стреляющих горах, если потребуется».

- Подъем! - скомандовал майор, похлопывая Костю по плечу. - Просыпайся, именинник.

Арсентьев посмотрел на часы: было уже 16.30. Размявшись возле машины, он водой из фляги сполоснул лицо, вытер его полотенцем, предложенным водителем.

Оставив девушек на попечение водителей, офицеры выдвинулись к кинотеатру и заняли свои места, указанные майором. Вечер надвигался стремительно: на улицах заметно потемнело, то тут, то там стали зажигаться фонари, стало больше людей.

Костя стоял в тени угла здания, примыкающего к кинотеатру. Ему хорошо были видны фигуры офицеров, застывших на своих местах и внимательно всматривающихся в проходивших неподалеку молодых людей, оставаясь при этом незамеченными. Он курил сигарету, прикрывая ее ладонью, стараясь таким образом согреться, оставаясь при этом незамеченным. Стрелка часов приближалась к шести часам вечера.

Вдруг, со стороны киоска, он заметил еле видимый сигнал одного из офицеров, означающий, что они заметили объект ожидания. Через несколько секунд офицеры двинулись к кинотеатру. Костя выждал немного и, увидев взмах руки майора, последовал за ним.

На крыльце вестибюля толкались люди, рассматривавшие афишу, на которой были расписаны сеансы на просмотр новой польской кинокомедии «Новые амазонки». Он осторожно пробрался между ними, вошел в зал билетных касс и стал чуть слева от входа.

Осмотрев присутствующих. Костя заметил по военным шапкам четырех офицеров, продвигавшихся среди публики в сторону касс. Он не знал ни лиц дезертиров, ни то, в чем могли быть они одеты, но чувство тревоги, некое напряжения в связи с их возможным присутствием где-то рядом, усиливалось с каждой минутой.

Вдруг майор подал условный сигнал и, тотчас же в толпе завязалась потасовка. Рядом раздались громкие голоса и истошный женский визг.

В этот момент Костя заметил вырывающегося из толпы молодого человека в натянутой на глаза лыжной шапочке, стремящегося поскорее покинуть помещение. Он с ожесточением расталкивал людей в разные стороны и быстро пробирался к выходу.

«Дезертир», - пронеслась мысль в Костином сознании.

Эта догадка вмиг сжала его тело, словно в пружину, и заставила действовать, как машину. Он среагировал молниеносно: сделав короткий шаг вперед и оттолкнувшись левой ногой от пола, подпрыгнул вверх и с силой ударил правой ногой бегущего прямо на него беглеца в грудь. От такого неожиданного удара налетевший на Костин сапог молодой человек лет 30-32 упал навзничь.

Через мгновение, пришедший в себя мужчина, попытался, было, встать, одновременно запуская правую руку во внутренний карман гражданского пальто. Но, Костя, почувствовав опасность от такого движения незнакомца, навалился на него всем своим телом, выворачивая его руку в локте.

Свой прием Костя завершил до конца, теперь оставалось подтянуть вторую руку, чтобы их связать ремнем, но неожиданно он почувствовал, как кто-то сзади схватил его за воротник бушлата, пытаясь оттащить от лежащего под ним человека. И в этот момент Костя услышал рядом с собой знакомый голос майора:

- Спокойно, граждане! Я из военной контрразведки! Мои офицеры только что задержали опасного преступника! Попрошу не мешать!

Он вытащил красную книжицу и протянул перед собой, чтобы окружающие смогли ее разглядеть. Толпа неохотно расступилась.

Удар майора по чьему-то телу заставил отпустить Костин воротник. Воспользовавшись этим, Арсентьев быстро вытащил из брюк задержанного ремень и ловко связал ему руки за спиной.

- Где второй? - в азарте борьбы выкрикнул Костя в сторону майора.

- Успел выскочить на улицу. Наши там должны были взять его.

Подняв задыхающегося дезертира на колени, майор быстрыми движениями обыскал его, обнаружив под пальто военную форму и вытащив из кармана нож-бабочку.

- Ах, вот что ты хотел достать, сволочь! - яростно прошептал Арсентьев.

- Успокойся, Костя! Потом с ним разберемся, - сказал майор. - Выводим его на улицу.

Дезертир не хотел, а, может быть, не мог после удара в грудь идти своими ногами, поэтому офицерам пришлось тащить его на себе. Схватив его под руки, они вытащили задержанного беглеца на крыльцо и положили на бок. Проходящие мимо люди бросали любопытные и испуганные взгляды на них и на лежащего человека.

- Покарауль его, Костя, а я гляну, как там ребята управились со вторым, - приказал майор и быстро скрылся за углом кинотеатра, держа курс к каменной лестнице.

Не успел он исчезнуть, как Костя заметил двух милиционеров - старшину и лейтенанта, которые быстрым шагом направлялись к нему.

- Так, что здесь происходит? - спросил Костю подошедший лейтенант.

- Спасите! На меня бандиты напали! - увидав милиционеров, запричитал связанный солдат, сплевывая на снег сгустки крови.

- Поднимай этого, - приказал лейтенант Косте, вынимая из-за ремня дубинку, - и оба в отделение! Там во всем разберемся...

- Вы, товарищ лейтенант, не спешите делать выводы, - Костя старался быть спокойным, но его голос от возбуждения последних минут дрожал. - Я - старший лейтенант Арсентьев, являюсь офицером политотдела бригады химзащиты, которая ликвидирует последствия аварии на Чернобыльской АЭС. А это, - он показал на лежащего, - дезертир из нашей части, которого мы только что задержали. Да вот мои документы, - Костя полез, было, во внутренний карман бушлата.

- А ну-ка, подними руки, - скомандовал старшина Косте, резко расстегнув кобуру с пистолетом.

За спиной милиционеров вовремя показался майор, а за ним офицеры, толкающие упирающегося солдата. У того поверх военной формы была надета теплая гражданская куртка, а военные брюки заправлены в высокие берцы.

- Какие проблемы, товарищи милиционеры? - начал майор, поняв драматичность ситуации, в которую попал Арсентьев.

- Да здесь целая банда! Старшина, срочно вызывай по рации подмогу! - скомандовал лейтенант, отступая назад на пару шагов.

- Я - майор государственной безопасности, - он во второй раз воспользовался волшебными корочками, показывая их теперь уже милиционерам. Глаза у защитников правопорядка округлились, шеи вытянулись. - Здесь только что была проведена спецоперация по задержанию особо опасных государственных преступников. Спасибо, что прибыли вовремя, но ваша помощь теперь не нужна. Вы свободны.

Не успел особист договорить последние слова, как подъехали два военных УАЗика. Заметив машины, Костя обратился к майору:

- Разрешите грузить задержанных в машины, товарищ майор?

- Грузите! - бросил он, подойдя к милиционерскому лейтенанту.

Пока майор общался с начальником милиционерского наряда, офицеры закинули дезертиров в багажное отделение каждой машины. Пришедший в себя взятый Костей беглец, злобно прошипел:

- Я тебя, старлей, из-под земли достану! Ты у меня кровью с-с-с-ать будешь!

Водитель, услышав эти слова, вылез с машины, открыл заднюю дверцу и двумя ударами кулака, заставил его замолчать.

- Да оставь его! - устало обронил Костя.

- Пусть не лает! Не знает, как с офицером нужно разговаривать, тварь уголовная!

Тем временем майор попрощался с милиционерами; те развернулись и вошли в кинотеатр. Он устало опустился на сидение рядом с водителем и сказал:

- Поехали домой!

- С удовольствием! - совсем не по-военному ответил водитель, лихо развернулся на Крещатике и повел машину на север.

Выкурив сигарету в три затяжки, особист по рации связался с комбригом и коротко доложил, что группа задание выполнила и возвращается на базу. Комбриг ответил, что ждет всех в штабе. В его голосе чувствовалась радость.

Костя посмотрел на часы: стрелки показывали 18.15.

- Операция по захвату дезертиров и выяснение отношений с милиционерами заняли всего 20 минут, - сказал Костя майору.

- А ты, Костя, молодец! - засмеялся майор.

Он повернулся к водителю и сказал ему:

- Представляешь, комсомол один справился с этим дезертиром. А второго те трое офицеров еле завалили.

- Ну и комсомол у нас! - улыбнулся водитель и подмигнул Косте, глядя в зеркало заднего вида.

- Да я, что? - смутился Костя. - Просто действовал по обстановке...

Отъехав от Киева на пару километров, майор приказал водителю остановиться.

- Товарищи офицеры, среди нас имеется именинник, причем до сих пор не поздравленный нами, - сказал майор. - Сегодня, в день проведения важной и успешной операции, нашему боевому товарищу Константину Арсентьеву исполнилось двадцать восемь лет. Давайте поздравим его.

Все офицеры оживились и стали обнимать Костю. Тем временем солдаты-водители на капоте второй машины быстро постелили одеяло и на нем разложили закуску. Костя принес одну бутылку водки, раскупорил ее и разлил по кружкам ее содержимое.

- За тебя, Костя! Пусть удача сопутствует тебе в службе! - сказал короткий тост майор, и офицеры сдвинули кружки.

- А теперь держи подарок лично от меня, - майор достал из кармана складной нож ручной работы из прочнейшей стали. - Он будет тебе напоминать о сегодняшнем дне, обо мне и о том деле, которое мы сообща совершили в твой день рождения.

- Огромное спасибо, Валерий Михайлович! Это самый дорогой подарок для меня, - искренне ответил Костя, пожимая его крепкую руку.

Все дружно набросились на еду. Чувствовалось, что офицеры еще не отошли от азарта недавней схватки. Они наперебой рассказывали об отдельных ее эпизодах, шутили, смеялись друг над другом. Алкоголь, таким образом, помог офицерам снять нервное напряжение.

Закончив с поздравлениями, напутствиями и, одновременно, с ужином, все разбрелись по машинам.

- Может, позволим дезертирам отлить, люди все ж? - предложил Костя майору.

- Перебьются! Они почти две недели в Киеве балдели, с девками в чистых постелях спали, водку жрали, да в ресторанах гуляли, пока другие с радиацией боролись, рискуя своими жизнями и перенося все тяготы и лишения, - злобно ответил он, закуривая очередную сигарету.

Костя повернулся назад, чтобы посмотреть на дезертира и тут в полутьме он заметил, что какая-то белая полоска тянется от его рта до затылка.

- Что это с ним? - спросил водителя Костя.

- Ничего особенного, - невозмутимо ответил водитель. - Просто он никак не хотел угомониться: во время стоянки все угрожал в Ваш адрес, товарищ старший лейтенант, да и всем обещал отомстить. Я ему алюминиевой проволокой рот и перевязал. Вон, какой спокойный стал!

В полутьме тускло блестели глаза дезертира.

- Все правильно водитель сделал! - разрядил обстановку майор. - Сейчас он - враг. Забыл, как он на тебя с ножиком хотел наброситься? Да ты вовремя его схомутал. То-то! К врагу нельзя никакого гуманизма проявлять, иначе он воспримет акт доброй воли, как твою слабость. Я повоевал, знаю!

- Если бы не Вы, Валерий Михайлович, неизвестно как ситуация повернулась.

- О чем ты, Костя?

- Помните, когда я с этим боролся, - Костя махнул рукой назад, - Вы сбили с меня какого-то идиота, оттаскивающего меня за воротник?

- Это и есть классический пример действия «принципа толпы».

- Если б не Ваша красная корочка, толпа точно разорвала бы меня на части. А, вообще, странно как-то получается: Вы своей корочкой спасали нас от преступников, от наших советских граждан и от славных сотрудников советской милиции, и все в течение каких-то пятнадцать-двадцать минут.

- Увы, мой юный друг, такие парадоксы жизни еще встречаются в нашей работе. А ты, Арсентьев, как я погляжу, философ, однако!

За разговором с майором Костя не заметил, как машины подъехали к родной бригаде.

Здесь все было как обычно. Несмотря на позднее время, личный состав не отдыхал: чистил от снега тротуары и плац, долбил лед до асфальта. Офицеры тем временем решали служебные вопросы на совещаниях.

Возвратившуюся обратно группу вышли встречать почти все офицеры штаба. Костя воспользовался случаем и передал купленную в киевском гастрономе бутылку «Столичной» подбежавшему Олегу Турыгину. Он тут же спрятал ее в свое излюбленное место - за пояс на животе - и сразу исчез. Офицеры группы вытащили из машин обмякших и обессиленных дезертиров и повели их к комбригу.

Зайдя в кабинет командира, было заметно, что он и присутствующие начальник политотдела и начальник штаба с нетерпением ждут их появления.

- Товарищ подполковник! Ваш приказ выполнен! - как-то коротко и обыденно доложил майор-особист.

Он сделал шаг в сторону и комбриг, наконец, увидел перед собой двух солдат, которые за последнюю неделю здорово потрепали нервы и ему, и другим командирам. Внимательно рассмотрев задержанных солдат, он приказал их развязать.

- У дезертиров были изъяты нереализованные ранее похищенные ими радиоактивные драгоценности, - Валерий Михайлович вытащил из кармана завернутый в фольгу кулек и положил на стол. - Все представленные золотые украшения описаны в настоящих актах по их изъятию, - рядом он положил два документа. - О действиях каждого офицера группы я доложу отдельно. Однако, особо следует сказать об отваге, проявленной старшим лейтенантом Арсентьевым при задержании им преступника, - рука майора положила поверх документов изъятый у Костиного дезертира «нож-бабочку». - У него к тому же, товарищ подполковник, сегодня день рождения.

Комбриг подошел к Арсентьеву и, протянув ему руку, сказал:

- Поздравляю, комсомол, и спасибо тебе!

Костя до того растерялся от внимания к его персоне командира бригады, что не знал, как ответить.

- Ладно, всем офицерам группы сейчас отдыхать. Начальник штаба, дезертиров поместить на гауптвахту, а завтра с утра передать их следователям военной прокуратуры.

Выйдя из штаба, усталый, но безмерно счастливый Костя уже летел в сторону солдатских бань. Он мечтал сейчас только об одном: смыть с себя всю грязь, накопившуюся за последние сутки, связанные с поимкой этих дезертиров.

В бане не было никого, кроме солдата-банщика. Он включил горячую и холодную воду в душе, выдал Косте чистое нательное белье, зимние портянки, мыло и полотенце. С нескрываемой радостью Костя забрался на верхнюю полку парилки и минут пять, не жалея себя, хлестал березовым веником.

Одевшись, Костя вышел на воздух. Теперь он чувствовал себя значительно лучше. На ужин он не пошел, зная, что ребята уже ждут его, находясь в предвкушении праздничного ужина. Легкой трусцой он помчался по узкой тропинке к своему вагончику.

- Ну, наконец-то, виновник торжества появился! - объявил Олег Турыгин, впуская в вагончик Костю. - Народ для бесчинств собрался, а тебя все нет и нет.

- Не шуми, коллега! Я же не мог в свой день рождения грязным за стол садиться, к тому же только, что вернувшись из командировки, - оправдывался Костя, снимая бушлат и шапку в тамбуре. - Пришлось по пути заскочить в баню.

Вокруг стола плотно сидели почти все политотдельцы. Они оживились, увидев вошедшего именинника, и наперебой начали интересоваться захватом дезертиров.

- Полноте, друзья! - успокаивал офицеров полковник Булгаков. - Дайте Константину отдышаться. И прошу не забывать, по какому поводу мы здесь собрались.

- Действительно! - сказал Костя, протискиваясь к столу. - Обещаю о наших приключениях в Киеве рассказать попозже.

После поздравлений, вручения подарка в виде бритвенного набора и двух тостов в честь именинника, Костя, опуская некоторые детали операции, рассказал присутствующим о поисках и захвате дезертиров. Разогретый выпитым спиртным и обольщенный вниманием товарищей, он с юмором описал самые яркие ее моменты. Его рассказ сопровождался дружным смехом и веселыми словесными комментариями, которые еще долго не смолкали в этот вечер.

Утром следующего дня развод личного состава бригады начался с демонстрации военнослужащим пойманных накануне дезертиров. На морозе голос комбрига звучал громко и сурово, когда он клеймил их позором. Дезертиры стояли напротив строя, низко склонив головы на грудь. Их тела мелко тряслись то ли от холода, то ли от прилюдного позора. На них с негодованием смотрели их бывшие товарищи, земляки. И не было среди них ни одного, кто бы им сочувствовал...

Дождавшись, когда солдаты комендантского взвода увели дезертиров с плаца, комбриг назвал фамилии офицеров, которые принимали участие в их поимке, и приказал им выйти из строя. Офицеры подошли к командиру и построились в одну шеренгу перед ним. После того, как начальник штаба зачитал приказ командира бригады о награждении их ценными подарками, подполковник Шариков лично вручил каждому офицеру запечатанную в целлофан морскую тельняшку.

«Ну, вот, Арсентьев, это твоя первая награда за выполнение, можно сказать, почти боевого задания», - мысленно произнес в свой адрес улыбающийся Костя, возвращаясь в строй.

Глава 16

Дыхание реактора или принцип «самовара»

Пошел второй месяц Костиного пребывания на Чернобыльской АЭС. Долгожданные письма из дома приходили почти каждый день. Они шли долго - 10 и более суток, и это обстоятельство несколько удручало его. Возможности позвонить в условиях «зоны» не было практически никакой: телефонная связь в близлежащих населенных пунктах давно была выведена из строя. Единственным местом, откуда можно было связаться с внешним миром, являлся переговорный пункт в городе Чернобыль. Но, чтобы добраться до него, необходимо было официально отпроситься у начпо.

Костя, хорошо изучив за это время своего шефа, знал, что он разрешил бы, но в душе у него остался бы неприятный осадок, дескать, комсомол ставит свои личные интересы выше государственных. Да с такой просьбой Костя никогда бы и не обратился к начальнику, потому что он, как и многие другие советские люди, был воспитан в духе: «Раньше думай о Родине, а потом - о себе!», и свято этому придерживался.

Как-то раз Костя затронул данную тему с Олегом.

- Мне повезло, - он не скрывал своей радости, рассказывая Косте, - я дважды был в Киеве и дважды разговаривал с родными с Центрального переговорного пункта.

- Скучаю по своим, - признался Костя, - и волнуюсь за них.

- Может, в Чернобыль рванем?

- Ну, как мы бросим закрепленные за нами батальоны? Приедет начпо, а нас на месте нет: мы самовольно катаемся по «зоне» по своим делам. И начнутся с нами разборки. Тарасенко и так ждет - не дождется нашего залета или просчета, - сетовал Костя.

- Есть у меня одна мыслишка, - таинственно сказал Олег, выпрыгивая с кузова машины, когда колонна прибыла на место пересадки. - Щас обсудим.

Однако им пришлось неожиданно прервать свой разговор. Внимание Кости привлекла толпа солдат, которые столпились у забора из колючей проволоки и громко что-то обсуждали. Костя с Олегом подошли к ним поближе и увидели за колючей проволокой, отделяющей поле от площадки, жеребенка. Его длинная черная шерсть была покрыта морозным инеем. Костя заметил, что в нескольких местах на спине и боках шерсть у жеребенка совершенно отсутствовала. Его черные глаза выражали безнадежность, мучительный страх и одиночество, тело дрожало от холода.

Несколько солдатских рук тянулись к жеребенку, предлагая, таким образом, кусочки хлеба, кубики сахара и другие лакомства. Жеребенок заиндевелой мордочкой тыкался в раскрытые мозолистые ладони солдат, почти проглатывая долгожданную еду.

Не остался в стороне и Олег. Он достал из кармана оставшееся после завтрака печенье и сунул его под нос жеребенку. Пока животное жевало сдобный кусочек, Турыгин потрепал его по черной гриве.

- А вот этого делать я не советую, - раздался голос сзади, и столпившиеся солдаты, нехотя, стали расходиться.

Обернувшись, Костя и Олег увидели подходящего к ним капитана Володю Евдокимова. В бригаде он числился в должности медика-радиолога и следил, чтобы личный состав на станции не переоблучался и получал пищу и воду в очищенных от радиации помещениях. Он проявлял свой интерес буквально ко всему. Такое обстоятельство было вызвано не столько складом характера данного офицера, сколько той работой, которую он выполнял. А выполнял он ее добросовестно.

- Почему же? - возмутился Олег.

- Присмотритесь к телу животного, - он показал пальцем в сторону жеребенка. - Видите своеобразные залысины? Это и есть участки кожи, наиболее серьезно пораженные радиацией.

- Володь, в этом точно радиация виновата? - поинтересовался Костя.

- Я давно наблюдаю за этим жеребенком. А проведенные анализы подтверждают сей факт. Животное, к сожалению, уже обречено. Сейчас в полях и лесах лежит много снега, да и мороз держится приличный. Пропитание животному сложно найти. Поэтому он и пришел к людям. Но, еще раз повторяю, он потенциально опасен для человека.

- Тогда не лучше было бы пристрелить его или, там, усыпить, чтобы не разносил радиоактивную заразу? - не унимался Олег.

- Вот лично у Вас, товарищ прапорщик, рука на это поднимется? - вопросом на вопрос ответил доктор, натягивая на лицо «лепесток».

Олег снял с рук перчатки и с отвращением бросил их к колючке.

- Вот то-то и оно! - закончил разговор Евдокимов и, не прощаясь, поспешил дальше по своим делам.

- Полезли в кузов, что ли? - занося ногу над ступенькой металлическом лестницы, спросил у Олега Костя.

- Поехали!

Станция встретила их, как всегда, холодным молчанием. Бетонно-стальные стены саркофага от мороза покрылись инеем, а над обводным каналом стоял густой туман.

Многочисленные группы военных, не спеша, приступили к очередным восстановительным работам. То тут, то там сновали с различной аппаратурой гражданские специалисты. Это был хороший признак, свидетельствующий о том, что радиационная обстановка на атомной станции возвращается к норме и вот-вот должна начаться подготовка третьего энергоблока к запуску.

Поднимаясь по широкому лестничному маршу на свой этаж, Костя уступил место для прохода весьма внушительной представительной группе специалистов, оживленно разговаривавших между собой о чем-то важном. Группу возглавлял немного полноватый

лысеющий мужчина средних лет без верхней одежды и респиратора, бросающий сопровождающим его людям отдельные реплики.

- Видал, кто это? - спросил Костю замполит батальона подполковник Сергеев, догнав его на лестнице.

- Нет, я не знаю его.

- Так это же академик Евгений Павлович Велихов! Самый главный ученый в области атомной энергетики! Я думаю, раз он здесь, значит, точно третий блок скоро запустим.

- Все, теперь я вспомнил, - выдохнул Костя. - Это его по телевизору показывали, когда в Чернобыле рвануло. Он давал интервью относительно последствий аварии.

Подразделения приступили к выполнению поставленных задач: все кругом мылось, оттиралось, ненужное оборудование прямо с этажей летело вниз и складировалось во внутреннем дворе АБК-2. Далее этот хлам экскаваторами грузился в самосвалы и отвозился к могильникам для их последующего захоронения.

Воспользовавшись объявленным десятиминутным перерывом, Костя Зашел в помещение временного штаба батальона, чтобы выпить воды и покурить. Не успел он подойти к ящикам с водой, как, разговаривавший по радиостанции комбат, резко встал из-за стола, подозвал офицеров, находящихся в этот момент в помещении и объявил:

- Товарищи офицеры! Получен приказ командира бригады: всем срочно покинуть станцию. Сейчас каждый из вас тотчас выдвигается в закрепленные за вами подразделения для передачи им команды о срочном и организованном прекращении работ, для обеспечения эвакуации личного состава на площадку погрузки и убытия всех в бригаду.

- А как быть с переодеванием? - задал вопрос кто-то из офицеров.

- Я сказал: бросить все на хер и срочно грузиться в машины, - резко ответил ему комбат.

Офицеры разом кинулись в подразделения. Через несколько секунд на всех этажах царил полный хаос: все бежали или шли ускоренным шагом к выходам. Косте пришлось пробираться сквозь спешащих ему навстречу людей, с кем-то сталкиваться, кого-то отодвигать в сторону. Добравшись до второй роты, он, задыхаясь, обратился к ее командиру:

- Так, командир, срочно заканчивай работы и выводи прямо сейчас всех бойцов вниз на посадку в машины!

- Что случилось? - недоумевал командир роты.

- Приказ комбрига!

Через три минуты в коридоре собралось более ста человек. Гвалт стоял несусветный! Всем хотелось узнать, чем вызвано экстренное прекращение дезактивационных работ.

- В общем, я иду впереди и вывожу роту, а ты, - ставил задачу Костя ротному, - следуй в хвосте колонны и подтягивай отстающих.

Рота, вытянувшись в колонну по двое, ринулась бегом за Костей. Бойцы уже смешались с солдатами других подразделений, образуя, таким образом, общий людской поток. Спотыкаясь и падая на ступеньках межэтажных лестниц, личный состав роты без происшествий, чудом в полном составе добрался до выхода из АБК-2.

Выбравшись на улицу, Костя увидел огромное скопление военных, которые толпились возле машин, забираясь в кузова. Хаос и смятение чувствовались везде. Головы некоторых из них были направлены на крышу саркофага, кто-то показывал вверх руками. Костя тоже бросил быстрый взгляд наверх, но ничего не заметил.

Бойцы роты поддались общей панике и бросились к ближайшим машинам. Костя сразу понял, что командовать и призывать к сознательности солдат и офицеров в подобной обстановке просто не имело никакого смысла. Он поддался общему порыву, стараясь удержаться на ногах и не упасть. Стадное чувство самосохранения взяло верх. Из-за большого скопления людей Арсентьев с трудом смог все-таки залезть в кузов

машины, но свободных мест на скамейках уже не было. Расталкивая уже сидевших бойцов, он втиснулся между ними, а солдаты все лезли и лезли в кузов.

За бортом бегали старшие офицеры и матерными словами подгоняли военных поскорее завершать погрузку. Костя, вдруг, увидел среди мечущейся толпы Олега Турыгина.

- Олег! Олег! - закричал Костя в открытый проем кузова и замахал руками. - Давай сюда!

- Слышь, старлей! Здесь и так уже места не хватает, а ты еще и толстого прапора к себе тащишь! - возмутился один из солдат.

- Спас свою жопу? Вот и ладненько, а мне других спасать не мешай! - рявкнул на него Костя, и ощутил как что-то кольнуло в левой части груди. - А, ну, стереги мое место!

Олег, крутя головой в разные стороны, все-таки увидел Костю и бросился к машине. Он прилагал усилия, чтобы пробиться к лестнице кузова, но у него ничего не получалось: люди толкались, орали и ссорились.

- Давай к борту! - крикнул Костя.

В этот момент загруженные машины стали осторожно выруливать и отъезжать от площадки. КАМАЗ, в котором сидел Костя, окатил окружающих военных из выхлопной трубы дымом солярки и был готов вот-вот покинуть площадку. Олег схватился за борт, но подтянуться, как следует, был не в силах. Костя схватил его за бушлат и потянул на себя. Чья-то рука с усилием дернула Олега вверх, и он, как мешок, плюхнулся на пол кузова. Костя вернулся на свое еще свободное место и усадил Олега поближе к себе, подставив под его задницу свои ноги, обутые в валенки.

Грузовик, натужно ревя мотором, рванул с места так, что стоявшие в проходах военные, повалились друг на друга, как снопы.

- Садитесь, по возможности, на корточки! - прокричал какой-то офицер. — И опустите брезент, чтобы меньше радиоактивной пыли попало.

Народ стал рассаживаться прямо на полу, кто-то дернул за край брезента. В кузове сразу стало темно. Крупные габариты Олега давили на Костины ноги, но ему приходилось терпеть, поскольку все находились в одинаковых и далеко некомфортных условиях. Кузов КАМАЗа, обычно вмещавший 30-35 человек, был набит людьми до отказа.

Покидая станцию, машины следовали одна за одной, набирая скорость все больше и больше. Ни снег, ни гололед на дороге не казались сейчас той преградой, которая смогла бы остановить желание людей поскорее вырваться из опасного для них места. Находящиеся в кузовах солдаты и офицеры, притихли, никто не курил, разговоров никто не вел. Неведение происходящего, животная паника и оправданная давка довели над людьми. Они были подавлены и обескуражены той ситуацией, в которую попали.

- Ты хоть понял, что случилось? - прошептал Олег, обращаясь к Косте.

- Я как раз был рядом с комбатом первого батальона, когда он от комбрига получил приказ срочно покинуть станцию.

- А я пока метался по этажам, смог узнать от бригадных офицеров, что из саркофага произошел очередной выброс радиации, - поделился информацией Олег.

- И в какое время это случилось?

- Ближе к 11.00.

- Так мы около часа под выбросом были? - проговорил солдат, сидящий слева от Кости, всматриваясь в светящийся циферблат наручных часов. - Это ж, какую дозу радиации мы получили?

- Да замолчи ты, - шикнул на него Олег. - Нечего офицеров подслушивать. Приедешь в бригаду, там все и узнаешь.

Обратная дорога в бригаду заняла полчаса, не больше. Костя все это время молил всех богов, чтобы машина не перевернулась, сжимаясь в комок при очередном заносе. И

в этот раз фортуна была на их стороне: грузовики благополучно добрались до своей части.

Прибывающие машины встречали офицеры батальонов и бригады. Они сразу же направляли личный состав в солдатские бани для помывки и переодевания в «чистое» обмундирование. Командование и службы бригады работали четко и оперативно. Новое военное обмундирование выдавалось прямо из складов, а обмундирование, в котором военнослужащие вернулись со станции, было собрано в грузовики и в конце дня отправлено для дезактивации на станцию.

Следующий день, 26 января, штабом ОГГО был объявлен выходным. Такое решение было единственно верным в сложившейся ситуации.

Косте и Олегу не удалось помыться в бане: у Олега опять пошла носом кровь.

- Шнобель у тебя слабый, дружище! - злился Костя на Олега по дороге в санчасть. - Щас тебе доктора его вправят!

Действительно, минут через пятнадцать с заложенными в ноздри ватными тампонами Олега отпустили.

- Как самочувствие, Олег? - осторожно справился о здоровье Костя.

- Голова кружится и подташнивает немного.

- У меня такие же симптомы.

- Что будем дальше делать-то? - прогундосил Олег.

- Нужно хоть открытые участки кожи омыть водой. Затем переоденемся в чистое обмундирование, пообедаем и ляжем спать.

Ребята пришли в вагончик и обнаружили, что воды в рукомойнике нет.

- Вот, черт, облом с водой, - шмыгая носом, возмутился Олег.

- Лей минералку, - предложил Костя, откупоривая сразу четыре бутылки.

Умывшись кое-как, Олег с Костей упали на кровати и заснули мертвецким сном. Не прошло и часа, как в вагончик ввалились офицеры, разбудив ребят своим гвалтом. Они громко возмущались тем, что ученые опять ошиблись и не смогли вовремя просчитать поведение разрушенного четвертого энергоблока под саркофагом.

- Костя, подъем! - скомандовал Олег. - Все равно больше не получится отдохнуть. Пойдем в одно место друзей навестим, - таинственно сказал он.

Они оделись и вышли на улицу. Оставшись одни, Олег мог теперь раскрыть свой секрет.

- Ты недавно, Костя, говорил, что хотел домой позвонить, - продолжил тему Олег. - Так вот, начальником узла связи у нас в бригаде служит мой знакомый прапорщик. С ним мы сейчас попробуем договориться на счет позвонить на родину. Идем!

Чтобы сократить дорогу, ребята направились к задним дворам столовых. Возле одного из ангаров они увидели необычную сцену: солдат лет пятидесяти, кормил собаку и кошку. Животные ели остатки от обеда вместе, из одной большой солдатской миски.

- Первый раз вижу, чтобы собака с кошкой из одной посуды хавали, - подметил Костя, обращаясь к работнику столовой.

- Приблудились к нашему пищеблоку из близлежащих деревень, - пояснял солдат, подбрасывая в миску костей и каши. - Кобель ночью на улице сторожит, а кот внутри ангара мышей ловит и возле дверей складывает, чтоб, значит, человек видел, что он не зря на солдатском довольствии находится. Отрабатывают свою пайку, таким образом.

- Смотри, Костя, и у них шерсть кое-где отсутствует, - произнес с сожалением Олег, показывая на заметные плешины на спинах и боках животных.

- Так это от радиации проклятой! - чертыхнулся старый солдат и тяжело вздохнул. - Ох уж, сколько эта зараза несчастья людям принесла, да и животные ни за что пострадали. Людей из «зоны отчуждения» вывезли, а животных бросили. Так они и прибились к нашей воинской части. Солдаты промеж себя клички им дали, чтобы откликались. Пса зовут Рейганом, а кота - Радиком.

- А почему такие клички дали? - поинтересовался Костя, протягивая сигарету солдату.

- Пса назвали по имени американского президента. Уж не знаю, виноват он в этой аварии на атомной станции или нет, но, гад, злорадствует по-черному, что в Советском Союзе такая трагедия произошла. Ну, а кота Радиком назвали, потому что теперь приходится нашему солдату радионуклиды глотать в ходе ликвидации последствий этой чертовой аварии...

Логика мышления солдата и прямолинейный военный фольклор рассмешили ребят.

- Этот искренний солдатский патриотизм дорогого стоит, - заключил Костя, когда они попрощались со старым солдатом. - Такой солдат ни предать, ни отступить не сможет. Ведь так, Олег, думают все наши солдаты и офицеры, весь народ. А это значит, что мы обязательно победим. И этого врага - радиацию и любого другого!

Пройдя еще метров сто, они остановились возле деревянного вагончика, стоявшего на бетонных блоках. Над ним была натянута белая маскировочная сеть, тянувшаяся куда-то за невысокие, но густые сосны вплоть до внешнего ограждения бригады из колючей проволоки.

Возле вагончика под грибком стоял дневальный, который насторожился от появления офицеров. Остановившись в нескольких шагах от солдата, Олег скомандовал:

- Дневальный! Позовите к нам прапорщика Архипова.

Тот нехотя покрутил ручку ТА-57, и что-то сказал в трубку.

- Ждите! - коротко ответил тот.

Вскоре скрип снега под сапогами привлек их внимание. Из-за сосен появился военный в бушлате, накинутом на плечи. Он был примерно одного возраста с ребятами, сухощав и высок ростом.

- О, Олег пожаловал! - его рот расплылся в добродушной улыбке. - Давайте, товарищи, проходите в вагончик, я сейчас.

Он повернулся к дневальному и строго приказал:

- Пропустить!

Солдат повиновался, но бдительного взгляда от незнакомцев не отводил.

Ребята вошли во внутрь вагончика. Он был таким же, в каком жили и ребята: предбанник, двухъярусные кровати на шесть человек, небольшой стол, тумбочка и пара табуретов.

Прибежавший вслед за ними прапорщик, достал из тумбочки три кружки, хлеб, кусок сала с луковицей и початую бутылку самогона. Олег представил Костю прапорщику:

- Я в курсе, - ответил он, наполняя кружки. - Это самогон собственного изготовления, чистый, как слеза ребенка.

- Вот это самое главное! - у Олега заискрились глаза.

- За знакомство! - предложил тост прапорщик Архипов.

Холодная мутноватая жидкость приятно обожгла горло. Закусив немного, ребята обменялись мнениями относительно утреннего выброса радиации на станции. Олег с Костей наперебой рассказывали о панике, царившей на площадке посадки в машины, вспомнили о набитом солдатами кузове, давке и бешеной скорости на дороге.

После второй порции спиртного Олег перешел к делу.

- Санек, мы с тобой как-то говорили о том, что от тебя можно позвонить куда угодно.

- Да хоть в Кремль! - пошутил Архипов.

- Туда нам не надо! - махнул рукой Олег. - В Воронеж, домой, Косте позвонить надо срочно, - пояснил он.

- Без проблем. Разве ж прапорщик не выручит прапорщика! Приходите сегодня в ноль часов, я охрану предупреджу. Назовете свои фамилии, они пропустят и проведут на узел связи. Я покажу сейчас куда.

- Спасибо, братан! С нас бутылка, - отозвался Олег.

- Да бросьте, парни! - скривился прапорщик от традиционной оплаты услуги. - С этим-то как раз проблем нет. У меня в подчинении на узле связи служат семь солдат. Мы находимся как бы автономно от штаба бригады, поэтому о нас там почти забыли. Ни в одном приказе о поощрении моих бойцов нет. Даже обидно становится! Я сколько раз с этим к начальнику связи бригады обращался, а он только отмахивается. Мои бойцы не только охраняют, но и обеспечивают бесперебойную связь бригады с Москвой и штабом ОГГО в тяжелых условиях. Поэтому я вас попрошу помочь мне в этом вопросе, вы же ближе к начальству...

- Просьба твоя, Александр, вполне законна, - ответил Костя. - Твои подчиненные добросовестно выполняют свои служебные обязанности, и от их вклада зависит общий успех бригады. Ты подготовь нам список солдат, которых ты считаешь самыми лучшими и достойными на поощрение, а, когда мы ночью придем, ты нам его и передашь. Я сам обращусь к начальнику штаба и начпо, чтобы справедливость восторжествовала в отношении твоих бойцов.

- Список такой я подготовлю. И заранее вас благодарю.

- Ни о какой благодарности не может быть и речи, - возмутился Костя. - Будем считать это моей недоработкой, что я, помощник начальника политотдела по комсомолу, во всех подразделениях бригады работаю, а до узла связи так и не добрался. Эту несправедливость исправим.

Архипов предложил Косте и Олегу пройти по небольшой территории узла связи и увидеть воочию его хозяйство. Недалеко от вагончика в капонире были грамотно замаскированы БТР-70 и ГАЗ-66 КШМ с развернутыми под маскировочной сетью антеннами. Шестеро солдат копошились в технике и бросали заинтересованные взгляды на гостей.

Распрощавшись с прапорщиком, друзья поспешили в штаб. Они, первым делом, зашли к радиологам и замерили дозу облучения. Оба дозиметра-накопителя показали более трехсот миллирентгенов.

- Многовато за три часа нахождения на станции, - не скрывал своей обеспокоенности Костя.

- Выброс, однако, - ответил капитан Колосков, возвращая ребятам их дозиметры. - Высокие дозы облучения получили сегодня практически все, кто там был.

- А все-таки, Николай Николаевич, что же утром произошло на станции? - втягивал капитана в разговор Костя.

- Зачем вам знать об этом, ребята? Разве не известна вам пословица: «Меньше знаешь - крепче спишь?» - не соглашался Колосков.

- Может, Костя книгу потом напишет об этом, - не уступал Олег.

- Книгу? - переспросил капитан, насторожившись. - Ну-ну, только пиши правду, комсомол!

- Ну, кто другой, если не Вы, Николаич, может конкретно и, со знанием дела, объяснить, что это за выброс такой, который всех вмиг превратил в стадо животных? - вопрошал Костя.

Плотно сжав губы и в упор рассматривая ребят, капитан раздумывал о чем-то.

- Ладно, - примирительно сказал он, беря в руки карандаш и лист бумаги и набрасывая на нем очертания саркофага, - может быть это и к лучшему. Только давайте договоримся наперед: я вам ничего не рассказывал.

- Идет, - согласились ребята, склонив головы над бумагой.

Из слов капитана Колоскова стало известно, что внутри саркофага происходят неконтролируемые человеком ядерные процессы вследствие разрушения атомного реактора и нахождения там ядерного топлива. Время от времени взорвавшийся реактор выпускает радиоактивные пары через специальные крышки-клапаны, расположенные наверху саркофага, которые накапливаются у него внутри. (Костя тут же вспомнил, как

недавно по крыше саркофага бегали два гражданских специалиста, снимавшие старые и ставившие новые датчики слежения за выбросами радиации). Это действо больше напоминает чайник или самовар, что и предопределило появление термина «принцип самовара».

Периодичность таких выбросов составляет 26-28 суток. Поскольку после возведения над реактором саркофага прошло совсем немного времени, ученые так и не смогли полностью изучить этот феномен, хотя ежедневно контролируют ситуацию. Последний выброс радиации из саркофага был отмечен в ночь с 29 на 30 декабря прошлого года. Тогда этот факт умолчали и не сообщили военным, что вызвало негодование в штабе ОГГО. Поэтому, когда сегодня утром произошел очередной выброс, командование поспешило вывести личный состав со станции. Капитан повторил еще раз, что воздействие на организм человека выброшенных пучков радиации с альфа, бета и гамма-излучением в этот момент пока что нашими специалистами в области атомной энергетики не исследовано, но то, что это очень опасно для здоровья и жизни человека, не подлежит сомнению.

Колосков замолчал. Неловкое молчание нарушил вопрос неугомонного Олега:

- И как же от этого, как его, феномена, спастись?

- Ну-у, - Колосков тянул слова, обдумывая, вероятно, для него сложный вопрос, - испробованных лекарств в настоящее время нет. Только народными средствами: красное вино, водка.

- С этим в «зоне» как раз строго, - съязвил Олег.

- Ты прав, дружище, - поддержал его Костя. - Для военных самое главное лекарство от радиации - страстное партийное слово политработника и приказ заботливого командира.

- Вот-вот, вы меня правильно поняли, - рассмеялся капитан, разрывая листок исчерченной бумаги.

Поздно вечером, закончив со своими служебными и комсомольскими делами, Костя и Олег пробирались по обледенелым тропинкам к узлу связи. Костя не скрывал волнения: ему не верилось, что через несколько минут он услышит родной голос жены.

Подходя к затемненному месту, где располагался узел связи бригады, раздался требовательный окрик дневального:

- Стой! Кто идет?

- Старший лейтенант Арсентьев и прапорщик Турыгин, - громко в темноту сказал Костя.

- Проходите! - сразу послышался ответ. - Вас ждут в КШМке, - он показал рукой в темноту.

Олег осторожно постучал в дверь будки, и она, щелкнув замком, тут же отворилась. Внутри находился прапорщик Архипов, который работал на радиоаппаратуре.

- Залезайте скорей и плотнее закрывайте за собой дверь, а то здесь полный дубак.

В свете слабо светящегося плафона и горящих лампочек на аппаратуре сложно было рассмотреть что-либо вокруг. Было очень тесно, но ребята не обращали на это внимания. Саня Астахов быстро объяснил, как правильно пользоваться телефонной связью ЗАС и вместе с Олегом вылез на воздух, оставив Костю одного.

Он плавно набрал на диске необходимые цифры и в телефонной трубке послышался зуммер вызова.

- Алло! - ответила Лена, соседка семьи Кости. Она была на пятом месяце беременности.

- Лена, здравствуй! Это Костя Арсентьев из Чернобыля говорит. Позови, пожалуйста, к телефону Настю.

- Ой, сейчас! - сказала Лена и бросилась к двери.

Трубка молчала около трех минут.

- Костик, с тобой все нормально? - услышал он встревоженный и запыхавшийся голос жены.

- Здравствуй, родная! Не волнуйся, у меня все нормально! - успокоил ее Костя. - Как вы там без меня? Как сын? Вы здоровы?

- За нас не переживай! У нас все хорошо! Сын без тебя на глазах повзрослел, во всем мне помогает, слушается. Письма твои просит ему перечитывать по несколько раз.

- Господи, как я по вас соскучился, - признался Костя и почувствовал, как горло чем-то сжало.

- Ты когда вернешься?

- Скоро, осталось меньше месяца.

- Мы тебя очень любим и ждем!

- Пора прощаться, а то я по военной связи говорю.

- Скажи: там, где ты сейчас - опасно?

- Нет, что ты! Я - штабной офицер, к тому же нас здесь очень много. Сидим в штабе и штаны протираем, - оправдывался он перед женой.

Нежно попрощавшись с женой, Костя положил трубку и вышел на воздух.

- Дозвонился? - поинтересовался Олег.

- Да, все нормально, - тоскливо ответил Костя.

- Сейчас попробую и я, - с нетерпением сказал Олег, запрыгивая в будку КШМки.

- Спасибо, Александр, что помог позвонить домой, - поблагодарил Костя прапорщика.
- Как-то на сердце спокойнее за семью стало...

- Да мы, что? Мы всегда готовы по возможности хорошим людям помочь. Жаль, что только ночью, но в это время линии не загружены. Так, что, если очень нужно, заходите.

- Только в экстренных случаях. У меня дома телефона нет, поэтому приходится звонить на телефон соседей. Просить беременную женщину со второго этажа на пятый бежать поздно ночью, чтобы позвать мою жену к телефону, не прилично.

Вскоре показался Олег. Его радостная физиономия говорила о том, что и он дозвонился. Поблагодарив прапорщика Архипова, Олег передал ему блок сигарет «Ту-134», как всегда вытащив его откуда-то из-за пазухи.

- Да зачем? - возмутился тот.

- А это не только тебе одному, но и твоим бойцам. Все же веселее на душе будет! - наставлял его Олег. - Бери-бери, командир, на войне и солома сгодится!

Прощавшись с прапорщиком, Олег с Костей подняли воротники и побежали в свой вагончик. Уже через пару минут, лежа в холодных постелях, каждый из них остался со своими мыслями наедине и с тем тревожно заснул.

Глава 17

Добровольцы

Следующий день, объявленный командованием выходным, виновником которого явился неожиданный выброс радиации из саркофага, был заполнен постоянными совещаниями и работой в батальонах.

- Дурдом какой-то! - возмутился Олег. - Лучше на станцию поехали бы.

- Ты, Олежек, глубоко ошибаешься: дурдом в армии начинается не с утра, а вечером, - поправил его Костя своим охрипшим голосом.

Арсентьев заметил, что его голос стал садиться еще до завтрака, но ничего особенного в этом не увидел.

- У тебя ангина, наверное? - предположил Олег. - Зайди в санчасть, там таблетку какую доктора дадут.

- Горло не болит, значит, нет и ангины. Я ощущаю лишь сухость во рту и неприятное першение в горле. Вот, приду в санчасть, а там с такими симптомами могут и симулянтном назвать. Думаю, что скоро пройдет, - просипел Костя в ответ.

Старая солдатская истина подтвердилась ближе к вечеру. После ужина на совещании, которое проводил комбриг, было объявлено о новой задаче, которая ставилась командованием ОГГО. Она сводилась к тому, что с завтрашнего дня начинаются работы по очистке крыши третьего энергоблока от радиоактивных элементов, выброшенных взрывом с четвертого блока. Для этого офицерам, закрепленным за батальонами, надлежало отобрать по 30 добровольцев из числа военнослужащих, призванных из запаса и имеющих дозу облучения не более 5 рентген. Из них следовало сформировать штурмовые группы, которые должны будут по очереди выходить на крышу и в течение не более двух-трех минут производить несложные действия: закрепить крюк троса крана, столкнуть лопатой вниз кусок выброшенного бетона, арматуры и т.д. Подполковник обратил особое внимание на то, что дозу облучения военнослужащий получит за отведенные ему минуты от 10 и более рентген, поэтому для этого нужны были только добровольцы.

Костя понимал, что из шести батальонов бригады не будет задействован только шестой, так как он состоял из водителей и по штату являлся автомобильным. Следовательно, пять батальонов должны были выделить 150 добровольцев - самых настоящих потенциальных смертников. Согласно приказу комбрига, в первый батальон направлялись Костя и майор - новый начальник строевой части бригады.

Так уж повелось, что отбор добровольцев в воинских подразделениях всегда проводится накануне важного события. Делается это для того, чтобы военнослужащий, изъявивший желание выполнить опасное задание, поддавшись коллективному и патриотическому порыву, не смог бы потом отказаться от его выполнения, переосмыслив свой поступок и осознав предстоящую степень опасности. Вследствие этого было принято решение отбирать добровольцев завтра утром перед разводом личного состава бригады.

- Не завидная миссия тебе, Костя, досталась, - посочувствовал Олег оставшись один на один. - Отбирать людей, которые осознанно пойдут за большой порцией дозы облучения... Будут ли такие?

- Я не знаю, но кто-то, наверное, и согласится. - Костя вздохнул и продолжил осипшим голосом: - Все-таки для некоторых - это шанс убраться из этого ада уже через неделю.

- В голове просто не укладывается: чтобы выбраться из одного ада, нужно пройти через другой. Бред какой-то! - возмутился Олег.

- Вот такой ребус получается.

- Но, ведь есть же роботы там всякие, манипуляторы, луноходы... Вот пусть они радиоактивный мусор и собирают. Чего людей в пекло на мучительную смерть посылать? - Олег все больше распылялся.

- Да остынь ты! - не выдержал Костя. - Мне самому тошно и противно! Ты лучше меня пожалей: как мне с этим дальше жить, зная, что я агитировал людей на смерть.

- Извини, ты прав, как всегда! - примирительно сказал Олег. - Но получить за считанные минуты полтора десятка рентген - это что-то!

Этой ночью Костя практически не спал. Он то проваливался в беспокойную дрему, то мучился всякими мыслями о завтрашнем дне, которые упрямо сверлили мозг и не давали отдохнуть ни душе, ни телу.

«Какие слова я должен завтра подобрать для солдат и офицеров? - спрашивал он себя. - И как мне самому быть в такой ситуации? Прав Олег: может получиться так, что не

будет желающих, тогда что? Как из этого найти выход? Все-таки отобрать одного «смертника» из каждых двенадцати бойцов бригады - придется! Очень нужно! Для выполнения важного задания!..»

Звонок будильника оповестил не только о подъеме, но и о наступлении нового, скорей всего, самого сложного в службе и жизни старшего лейтенанта Арсентьева, этапа. Костя тщательно выбрился, умылся холодной водой, которая быстро прогнала прочь бестолковый сон.

- Я слышал, как ты, Костя, ночью бредил, - осторожно сказал Вилинский.

- Кошмары снились, - угрюмо и, практически, шепотом, произнес Костя.

- Может мне с тобой в первый батальон пойти? - поинтересовался Олег у Кости.

- Это еще зачем?

- У тебя ведь голос почти исчез, только сипишь. Как ты к бойцам батальона обращаться будешь?

- Есть майор, он пусть и говорит, - отмахнулся Костя.

Завтрак не принес никакого удовлетворения. Присутствующие в столовой офицеры больше молчали. Их понурые лица были мрачными и злыми. И было от чего.

Оказывается, что уже в сентябре 1986 года очистка кровли над третьим энергоблоком уже проводилась силами военнослужащих, но желаемых результатов добиться в тот момент не удалось. Однако все попытки удалить радиоактивные предметы с помощью роботов-автоматов и гидромониторов оказались неудачными, поскольку в высоких уровнях радиации они быстро выходили из строя, захламляя таким образом крышу. Тогда было принято беспрецедентное решение о выполнении этой опасной операции вручную с применением таких технических средств, как лопаты и захваты и привлечением солдат и офицеров.

Тысячи военных участвовали в этой операции. Они сбросили вниз более десяти тонн высокорadioактивных отходов, но, к сожалению, их подвиг особо не повлиял на существенное снижение уровней радиации. Видя бесперспективность такой затеи, представители войск радиационной и химической защиты Министерства обороны СССР утверждали, что не надо было «жечь» личный состав на кровле третьего энергоблока, превращая людей в «биороботов». Но отдельные ретивые руководители уже успели доложить в Правительственную комиссию по аварии на ЧАЭС, что операция по очистке крыши третьего энергоблока от радиоактивных элементов, выброшенных в результате взрыва, успешно завершена.

Проверка из Москвы доказала, что это не соответствует действительности: в декабре было экспериментально установлено, что уровни радиации на площадках, где проводились очистные мероприятия, составляют сотни, а возле главной вентиляционной трубы более тысячи рентген. По данному факту было проведено расследование с участием представителей Генеральной прокуратуры СССР и Военной прокуратуры ВС СССР (Костя еще в конце декабря 1986 года видел на атомной станции шатающихся то тут, то там военных юристов в шинелях и красных фуражках с «лепестками» на лицах, что вызывало смех у ликвидаторов от их нелепейшего вида).

Об этом тогда мало кто знал, еще больше - предпочитали молчать. Но, информация все равно просачивалась, обрастая новыми слухами и домыслами. И в тот момент было всем практически ясно: бригаде опять предстоит выйти на крышу третьего энергоблока...

Стакан горячего чая со сгущенным молоком немного укрепил голос Арсентьева.

«Обойдется, - подумал он, подбадривая себя. - Вечером к врачу обязательно схожу».

Из столовой на встречу с первым батальоном Костю все-таки сопровождал Олег. Они застали подразделения батальона, которые выстраивались на дорожке вдоль палаточного городка. Сюда же подошел майор из штаба бригады. Он, поздоровавшись с офицерами, обратился к Косте:

- Давай, комсомол, приступай к делу!

- Я, товарищ майор, говорить не могу. Видите, у меня голос сел, - ответил ему Костя.

- Не беда, - отмахнулся майор. - Тебя и мертвый услышит. К тому же ты - политработник, тебе и карты в руки.

Услышав этот разговор, подошедший к ним командир батальона отвел Костю в сторону и сказал:

- Пошел он к черту! Я сейчас начну, а ты - продолжишь! Не тушуйся, Арсентьев! Тебя же каждый солдат батальона в лицо знает и по делам уважает!

Костя махнул головой.

- Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! - слова подполковника взлетели над строем, заставив его застыть. Они уже почувствовали весь драматизм и трагизм надвигающихся событий. - Дезактивационные работы на третьем блоке атомной станции по вводу его в строй, в которых наш батальон принимает активное участие, входит в завершающий этап. Для того чтобы снизить уровни радиации в помещениях АБК-2, необходимо убрать источники облучения на крыше третьего энергоблока. Их там много: куски бетона, железа, графита из разрушенного четвертого энергоблока, и кому-то из вас придется их убирать. Сейчас о важном вам скажет старший лейтенант Арсентьев.

Костя подошел к строю и встал возле комбата.

- Товарищи! - он напряг голосовые связки. - Командование бригады поручило мне отобрать 30 добровольцев из вашего батальона, которые будут направлены на крышу третьего энергоблока. В течение двух-трех минут они должны будут сбрасывать вниз радиоактивные обломки, и за это же время каждый получит дозу облучения не менее 10 рентген. Нужны военнослужащие из числа призванных из запаса, у которых полученная на сегодняшний день суммарная доза составляет не более 5 рентген. Вопросы?

Строй молчал. Минута прошла. Мало... Но так надо! Наверное, для взвешивания человеческой жизни лишь минуту отводят. Больше нельзя, иначе человек начнет себя и своих близких жалеть и реально оценивать предстоящую опасность. Тогда не будет ни самоотверженных героических поступков, без которых подчас обойтись невозможно, ни самих героев.

- Добровольцы! Шаг вперед! - нарушил гнетущую тишину комбат.

Строй из 360 военнослужащих вдруг дрогнул и сделал свой шаг. Все! 360 бойцов и командиров!

Стоявшие перед строем офицеры растерялись: они не ожидали, что желающих обречь себя на известную им опасность будет так много. Арсентьев понимал, что именно сейчас нужно найти правильный выход из такой ситуации. И он был найден командиром своего батальона, этим седым и уже повоевавшим подполковником.

- Коммунисты и комсомольцы, выйти из строя! - вновь скомандовал комбат.

Шеренги раздвинулись, пропуская вперед около восьмидесяти человек. Это были люди разных возрастов и воинских званий, которые были самыми лучшими и смелыми, ясно понимавшими всю серьезность обстановки, но не дрогнувшие перед лицом надвигающейся на них опасности.

Комбат, его замполит, Арсентьев и майор из штаба бригады приступили к опросу добровольцев. Предпочтение отдавалось тем военнослужащим, которым было не менее 25 лет, и которые имели хотя бы одного ребенка. Таких набралось около пятидесяти человек, но у более половины из них суммарная доза облучения составляла свыше 5 рентген. Поэтому комбат был вынужден дополнить список добровольцами из числа беспартийных. Скучающий без дела майор бросился переписывать отобранных добровольцев, которых оказалось больше требуемого количества - 38.

- Восемь человек пусть будут в качестве резерва, - пояснил комбат, с которым все тут же согласились. - Среди них есть два офицера. Но кто из вас поедет с добровольцами и будет согласовывать их действия с представителями штаба ОГГО? - поинтересовался подполковник у стоящих рядом офицеров.

- С ними поедет старший лейтенант Арсентьев, - быстро среагировал майор. - Я на станции ни разу не был, ничего там не знаю, к тому же, как работать с людьми - он знает. Я останусь в штабе, у меня здесь бумаг много накопилось.

- Ну, что ж, я так и знал, - засмеялся в сторону уходящего майора комбат. - Желаю тебе, Арсентьев, военного счастья! Догоняй наших добровольцев, - он крепко пожал Костину руку и зашагал вслед за своим батальоном.

- Каков подлец, этот майор! - возмутился замполит батальона Сергеев. - Комсомол, меня поведение этой штабной крысы разозлило. Я сегодня же доложу начальнику политотдела обо всем, что здесь произошло.

- Своя рубашка ближе к телу, так, кажется, в народе про таких говорят, - буркнул Костя, удаляясь.

Идущего к машине Костю кто-то окрикнул. Обернувшись, он увидел бегущего к нему невысокого солдата.

- Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! Вы узнали меня?

- Признаться честно, нет, - прохрипел мрачный Арсентьев.

- Ну, как же! Помните, я обращался к Вам на станции за помощью по поводу зубов?

- А-а, так это Вы? Вас просто не узнать! Как Ваши дела, надеюсь, теперь все нормально?

- Так точно! Теперь зубы на месте, еще лучше, чем были, - он открыл рот, показывая новую вставную челюсть.

- Верю-верю! - остановил его Арсентьев.

- Я через три дня убываю домой, - он замешкался. - Хотелось бы поблагодарить Вас, что помогли с моей оказией справиться.

- Не стоит, ведь в этом заключается моя работа, - Костя протянул ему руку. - А сейчас мне пора: меня люди ждут.

- Спасибо тебе, сынок! За душевность и отзывчивость к солдату спасибо! Никогда не забуду твоей помощи. Пусть Бог хранит тебя! - он козырнул и побежал к строю.

Добровольцы уже сидели в КАМАЗе, когда Арсентьев подошел к машине. Возле кабины он увидел Турыгина, болтающего о чем-то с водителем.

- А ты, что здесь делаешь? - просипел Костя.

- Я у Батракова отпросился, чтобы быть с тобой рядом. Садимся?

- Ладно, уж! Садимся, раздолбай! Поедем в кузове с солдатами, а в кабину посадим двух лейтенантов.

- Как скажешь, начальник, - радостно согласился Олег, залезая в кузов.

Дождавшись, пока добровольцы из других батальонов разместятся по своим машинам, Арсентьев, согласовав все вопросы по движению колонны и присоединился к своей группе. Солдаты предусмотрительно уступили ему место на скамейке и, когда машина тронулась, засыпали его вопросами.

- Да отстаньте вы от старшего лейтенанта, - вступился за Костю Олег. - Вот приедем на место, все там и узнаем. А сейчас зачем толочь воду в ступе? Лучше давайте анекдоты потравим.

Олег первым начал рассказывать анекдоты, вызывая оживление и смех у солдат. К нему присоединились другие.

«А, все-таки, молодец Олег! Знает, как боевой дух у бойцов поднять», - рассуждал Арсентьев, искренне радуясь, что Олег не оставил его одного в такой ситуации.

После пересадки в «грязные» машины и с приближением к станции, солдаты притихли. Одни молча курили, другие сидели в темноте с закрытыми глазами. И, казалось, что от патриотического порыва не осталось и следа.

Косте в этот момент больше всего не хотелось в глазах солдат выглядеть в роли погонщика стада баранов, везущих на бойню.

- А ну, братцы-славяне, запевай! - скомандовал он и, преодолевая хрипоту голоса, затаил «Катюшу».

Олег тотчас поддержал своего товарища. В темноте стали добавляться голоса, слова стали громче и веселее звучать, кто-то подсвистывал. Арсентьев слушал их, и он, вдруг, понял, что на смену нахлынувшему унынию и тоске перед ожидавшей их неизвестностью, опасностью и страхом пришло бесшабашное безразличие к своей судьбе, успокоение и согласие с тем, что начертано судьбой...

На спрыгивающих в снег солдат, только что громко певших в машине, смотрели глаза недоуменных военных и гражданских специалистов, стоявших у входа в АБК-2. Им было в диковинку видеть только что певших солдат в этом мрачном на всей планете месте.

Полученная команда от офицера штаба ОГГО, заставила всех добровольцев бригады подняться на самый последний этаж третьего энергоблока. Пока солдаты размещались и отдыхали в помещениях этажа, офицеры проследовали в специальную комнату, в которой возле мониторов сидели операторы. Добровольцев бригады представлял начальник штаба подполковник, дотошно уточняющий характер и последовательность действий солдат части.

От них он получил инструктаж, который сводился к тому, чтобы из прибывших солдат создать штурмовые группы по пять человек. Каждый солдат группы должен был получить конкретную задачу у офицера-оператора, с указанием ему на экране монитора того, что требовалось сделать, выйдя на крышу третьего энергоблока. По определению уровня радиационного заражения и расчетам этих специалистов добровольцам отводилось не более трех минут работы.

Солдатам были выданы индивидуальные средства защиты, куда входили специальная одежда и обувь: матерчатый подшлемник, очки, наголовник с закрепленными на нем свинцовыми пластинами, прорезиненный халат, брезентовый фартук, резиновые сапоги и перчатки, на лице - «лепесток», а поверх его - армейский респиратор.

- Честно сказать - хиленькая защита, - с разочарованием признался начальник штаба присутствующим офицерам.

- Товарищ подполковник, а почему роботов не используют для выполнения этих работ? - обратился к нему Олег Турыгин. - Или робот дороже солдатской жизни?

- Я здесь ничего не решаю, - мрачно буркнул тот. - А Вы, товарищ прапорщик, что здесь из себя представителя Организации Объединенных Наций изображаете, а? Здесь техника не выдерживает. От радиации быстро выходит из строя. Так чья теперь очередь идти на крышу? Человека!

Было видно, что эта тема изрядно надоела подполковнику, поэтому вся накопившаяся злость была вылита на Турыгина.

- Я все понял, - примирительно ответил Олег и вышел из комнаты.

Тем временем солдаты первых трех групп неторопливо натягивали на себя примитивные доспехи. Им помогали офицеры и солдаты, которые подбадривали их и что-то советовали. Остальные, молча, смотрели на своих товарищей, готовящихся первыми выйти на крышу, и тревожно курили.

Операторы показали каждому солдату первой группы на экране монитора куски бетона и вывороченного железа, которые они должны были сбросить вниз. Когда они подтвердили, что уяснили свою задачу, офицер повел их к двери, ведущей на крышу. Он рывком отворил металлическую дверь, и пятерка добровольцев гуськом, быстро ринулась в проем.

Костя, как и многие присутствующие офицеры, наблюдал через экраны мониторов за действиями солдат. Казалось, что их суетливые движения и беготня по крыше не дадут какого-либо положительного результата. Но, через несколько секунд все увидели, что первый радиоактивный мусор полетел вниз. Затем второй, третий... Вздох облегчения вырвался у присутствующих.

Один из офицеров, контролирующий время нахождения на крыше солдат по секундомеру, в микрофон скомандовал:

- Назад! - и выполнившие работу солдаты устремились к открывшейся двери.

После того, как в дверь вбежал пятый солдат, на крышу ринулась вторая пятерка. Следы на снегу от ног их товарищей показывали им верное направление, в котором следовало двигаться.

Тяжело дышавшим солдатам первой пятерки уже помогали снимать спецзащиту, натягивая ее на следующих добровольцев. Подбежавшие медики-радиологи забрали у них дозиметры-накопители и удалились, чтобы снять полученную дозу облучения организма.

Процедура с переодеванием и инструктажем была доведена до автоматизма. Конвейер начал действовать.

Не прошло и десяти минут, как тридцать добровольцев первого батальона выполнили свою задачу. В их измученных глазах Костя видел лишь пустоту и отрешенность от всего происходящего. И еще нечеловеческую усталость. Кто-то из них лежал на полу, подстелив бушлат, кто-то сидел у стены и курил. В углу он увидел одного молодого солдата, стоявшего на четвереньках и плюющего густой белой массой на пол. Его трясло и выворачивало наизнанку.

- Олег, срочно достань минералки и раздай ее нашим солдатам, - скомандовал Костя оторопевшему Олегу, а сам бросился за врачом.

Увидев скучающих за столом двух офицеров с полевыми медицинскими сумками, Костя поспешил к ним.

- Товарищи врачи, солдату плохо, требуется ваша помощь.

- Куда идти? - молниеносно отреагировали они и двинулись за ним.

Бледного солдата положили на правый бок. Прибывшие врачи омыли ему лицо от рвотных масс, раздели по пояс и стали растирать ему грудь, плечи и шею. Сделанный укол в вену вскоре привел его в чувство.

- Бойца необходимо срочно вывезти из «зоны», - тихо обратился к Арсентьеву майор медицинской службы. - Он получил серьезную дозу облучения.

- Я понял, - ответил Костя и взмахом руки подозвал к себе Турыгина. - Олег, забирай наших бойцов, побывавших на крыше, и поскорее вези их в бригаду. Этого паренька следует вынести на руках, он очень плох.

- Сделаем, командир, - лихо ответил тот.

Повернувшись к недалеко находящейся группе солдат, он тут же скомандовал:

- Четверо из резерва, ко мне! Несите больного на руках в машину. Всем остальным спускаться вниз на погрузку. Мы возвращаемся в бригаду.

Пока Олег выводил добровольцев первого батальона, Костя обратился к начальнику штаба бригады:

- Можно узнать какую дозу получили наши солдаты из первых шести групп?

- Все списки выходявших на крышу добровольцев и полученные ими дозы находятся у медиков-радиологов.

- Товарищи офицеры, позвольте забрать в московскую бригаду списки с дозами за первый батальон?

- Начальник штаба вашей бригады за всех добровольцев получит списки со всеми данными, когда они будут обработаны, - не оборачиваясь, ответил высокий майор. - А, что, собственно произошло?

- У меня одному бойцу из первой пятерки плохо стало.

- Понятно, - неопределенно ответил майор. - Ты иди, старший лейтенант, к людям, мы с этим сами разберемся.

Костя вышел из помещения радиологов, не зная, что делать. Возле стены он заметил скопление солдат и поспешил к ним.

- Что случилось? - спросил он у знакомого офицера из штаба бригады, который был назначен, как и Костя, к закрепленному батальону.

- Солдату стало плохо, медики с ним сейчас занимаются.

Несколько минут спустя к начальнику штаба бригады подошел уже знакомый майор-радиолог, попросил его объявить десятиминутный перерыв, а сам направился к офицерам, сидящим у мониторов.

- Всем выходящим группам находиться в десятиминутной готовности, - громко скомандовал он.

После перерыва было объявлено, что время нахождения на крыше уменьшается до двух минут. Конвейер вновь продолжил свою опасную круговерть...

Но не долго. Погодные условия испортились неожиданно: на экране монитора было видно, что усилился ветер и повалил боковой снег. Очередная группа солдат работала на краю крыши, совместно выталкивая крупный кусок бетонного осколка с помощью лопат и ломов. Ветер был настолько сильным, что один солдат, из числа работающих на крыше, не удержался от налетевшего порыва и упал с крыши. Сдавленный крик кого-то из присутствующих возле мониторов вырвался из груди. Падение солдата произошло мгновенно. Свидетели этой нелепой трагедии были уверены в неминуемой гибели солдата, упавшего с высоты более ста метров и разбившегося вдребезги...

Но, какое же было у них удивление, когда через несколько секунд немного дальше и ниже от места падения приземлился только что выпавший солдат. Быстро поднявшись, он бросился к выходу, поднимаясь по металлической лестнице.

Его, дрожащего от волнения и страха, не понимающего драматичности ситуации, в которую он попал, привели к радиологам. Сняв с него облачения и дождавшись, когда он придет в себя после выпитой бутылки минералки, он рассказал, что с ним произошло.

Порыв ветра швырнул бойца с крыши. Его несло на металлический трос подъемного крана, свисавшего недалеко от края крыши. Солдат изо всех сил ухватился за него. Ветер, отнесший его метров на десять в сторону, вдруг резко прекратился, и раскачивающийся трос стал возвращаться в обратную сторону. Под собой он увидел приближающуюся крышу ярусом ниже и тут же отпустил трос из ослабленных рук. Жесткое приземление на неубранные куски бетона и арматуру подтвердили, что он жив, и опасность свалиться вниз миновала.

Поздравив оторопевшего солдата со счастливым спасением, его тотчас направили к врачам. Дальнейшие действия на крыше было решено приостановить в виду чрезвычайного происшествия и ухудшения погодных условий. Перерыв был объявлен на 2-3 часа. Воспользовавшись временной передышкой, многие стали устраивать места для отдыха.

Костя расположился у стены. Сев на пол, он опустил на подбородок «лепесток» и закурил, раздавая сигареты солдатам. Сильно хотелось отдохнуть от всего пережитого и увиденного за это ужасное утро. Посматривая по сторонам зала, Арсентьев заметил Олега, бродящего между групп военных.

- Прапорщик Турыгин, следуйте ко мне! - крикнул Костя, решив покуражиться над ним.

- Наконец-то я нашел тебя! - обрадовался он, устало присаживаясь рядом с Арсентьевым.

- Ты почему вернулся? Я же тебе сказал отвезти бойцов в бригаду.

- Все нормально, не волнуйся. Бойцы уехали на машине вместе с командиром первой роты, которого я попросил их сопроводить. А тебя я бросить не мог. Кстати, и сколько ты думаешь здесь торчать? Ведь скоро обед.

- Черт его знает! Добровольцы нашей бригады пока не все прошли через крышу. Погода резко ухудшилась, поэтому работы прекратили. А на сколько - никто не знает. Может статься так, что до вечера просидим в ожидании.

- Давай тогда поспим, - предложил Олег, наклонив свою тяжелую голову на Костино плечо.

Но отдохнуть им не пришлось. Не прошло и получаса, как помещение наполнилось отборным матом, истерическим визгом и отрывистыми командами. Присутствующие солдаты и офицеры напряглись и повернули головы в сторону источника беспокойства. Им оказался невысокий генерал-майор, одетый в новенький бушлат-«афганку». Скрываемое «лепестком» лицо ничего не выражало, только глаза были расширены до небывалых размеров. За ним тянулась дюжина старших офицеров с кожаными папками.

Генерал прошел в комнату, где за мониторами сидели операторы и радиологи.

- Кто от штаба ОГГО здесь старший? - обратился с вопросом к ним генерал.

- Я, майор... - начал было представляться знакомый Косте радиолог, но, перебитый словесной тирадой генерала, сразу же замолчал.

- Какого хрена прекратили работы на крыше?

- Из-за штормового ветра, доходящего до 25 метров в секунду.

- Нашел, майор, чем пугать! Я спрашиваю, кто дал команду прекратить работы?

- Я дал команду. Час тому назад один из солдат чуть не погиб, его сдуло с крыши порывом ветра. Посмотрите в мониторы: в них из-за снежной метели ничего на экранах не видно, - спокойно ответил майор, глядя на орущего генерала в глаза.

- Что, погиб? - чуть тише спросил генерал.

- Его спас счастливый случай.

- Тогда мне вообще ничего не понятно. Ты, что, майор, хочешь, чтобы я тебя снял с должности и отправил обратно в твою часть? - опять взорвался генерал, не обращая внимания на присутствие вокруг солдат и младших офицеров.

- Вы меня сюда не направляли, не Вам... - он не успел договорить, как его вновь перебил генерал.

- Да я вижу, здесь назревает саботаж! - заорал он. - Данной мне властью я освобождаю Вас, майор, от должности и сам беру на себя руководство работами на крыше. От какой части должны выходить люди на зачистку?

- От московской бригады химзащиты, - сразу ответил подполковник из свиты генерала, заглянув в свою папку.

- Кто старший? Ко мне его! - заорал не своим голосом генерал.

- Здесь был начальник штаба бригады подполковник Северский, но он отошел доложить обстановку своему командиру части, - вмешался в разговор один из офицеров-радиологов.

- Кто из офицеров бригады здесь остался? Найти и привести его ко мне.

Офицеры из свиты бросились выполнять его команду.

- Офицерам 26-й бригады подойти к генералу, - разнеслось по залу.

Костя почувствовал, как у него под ложечкой предательски засосало. Посмотрев по сторонам, он понял, что кроме него из офицеров бригады никого не было: видимо, воспользовавшись неопределенной паузой, остальные офицеры разошлись по своим делам. Костя поднялся и направился на голос.

- Ты кто, старший лейтенант? - задал ему вопрос полковник.

- Я из московской бригады, - совсем не по-военному представился Костя.

- Пошли к генералу.

Подойдя к генералу, Костя приложил руку к шапке и доложил:

- Помощник начальника политотдела 26-й бригады химзащиты по комсомольской работе старший лейтенант Арсентьев. Старший от бригады - начальник штаба - сейчас подойдет.

- Почему ваши люди не работают? - сразу набросился на Костю генерал.

- Не позволяют погодные условия.

- Я не интересуюсь, ебена мать, погодными условиями, я спрашиваю: почему не работают люди? - не унимался генерал.

Костя краем глаза заметил, что Олег ретировался в сторону выхода и исчез в дверях.

- Почти все группы уже выполнили свою задачу. Остались три группы по пять человек, которые готовы продолжить работы после того, как успокоится ветер, - Костя попытался как можно спокойнее объяснить ситуацию генералу.

- Ветра испугались! Ох, уж эти москали! Им только тепличные условия подавай! - съехидничал генерал под ироничный смешок офицеров своей свиты.

- Я не понимаю, товарищ генерал, в чем моя вина?

- Ты мне еще вопросы будешь задавать? А ну, марш к своим солдатам и, чтобы через пять минут всех их на крышу вывел. Лично! Выполняй приказ!

- Приказ моего комбрига гласит, что кадровые офицеры не должны выходить на крышу. А я являюсь кадровым офицером, к тому же у меня суммарная доза облучения составляет более 10 рентген.

- Ты, старший лейтенант, как политработник, хоть понимаешь, что без партийного билета из Чернобыля можешь уехать за срыв правительственного задания? - злобно прошипел генерал. - А ну, запишите его фамилию и личный номер, - он пальцем указал стоящему рядом полковнику. - Сообщите в Москву в Политуправление округа, как их офицер выполняет свой партийный долг в Чернобыле. Я тебе, сукин сын, карьеру-то испорчу!

Арсентьеву надоело слушать незаслуженные угрозы и оскорбления в свой адрес, поэтому он резко повернулся кругом и пошел к оставшимся солдатам своей части.

«Ну, вот и все! К моим десяти рентгенам сейчас добавится еще 15-20, и кому я тогда нужен со своими тридцатью?... - с огорчением подумал Костя. - Прощай служба, прощай здоровье...».

Обступившие его солдаты поинтересовались, что делать им дальше.

- Облачаемся в спецодежду, но очень медленно, вызываясь медленно, - инструктировал их Костя. - Может, здравый разум восторжествует, или какое-нибудь чудо произойдет...

Кто-то принес Косте резиновые сапоги, кто-то прорезиненный фартук. Он все это натянул на себя и помутневшим взглядом обвел солдат, с которыми ему предстояло по воле человека в лампасах, обремененного беспредельной властью, повести их на выполнение сумасбродного приказа.

И чудо, действительно, свершилось! Оно появилось в лице вошедших в зал комбрига и начальника политотдела. Они решительно подошли к генералу и, козырнув, представились.

- Какого черта, подполковник, Ваши люди не выполняют мой приказ по работам на крыше? - набросился генерал на комбрига.

- Мои люди выполняют мой приказ! - сдержанно, но твердо ответил комбриг. - К тому же, генерал Темирханов мною проинформирован о том, что погодные условия изменились в худшую сторону, и поэтому выход личного состава на крышу временно приостановлен.

- Я здесь командую! Следовательно, выполняй, подполковник, мои приказы! - не унимался генерал.

- Не надо на меня орать, к тому же в присутствии моих подчиненных, - Дерзко парировал комбриг.

- Я тебе, ебена мать, еще покажу, как мне указывать! - расплылся все больше генерал. - Я тебе...

Тут уже не выдержал начальник политотдела:

- Возьмите себя в руки, товарищ генерал, - спокойно сказал полковник Батраков. - Вы только матерными словами можете разговаривать с подчиненными и орать на окружающих? Думаете, что только Вы имеете право приказы отдавать и больше никто?

- Не надо, политотдел, мне на мозги капать, - уже чуть тише произнес генерал. - Лучше научите, товарищ полковник, своего помощника по комсомолу старших уважать и свой партийный долг выполнять.

- Он без Вас прекрасно знает, как его выполнять! А Вы думаете, что у окружающих Вас людей партбилет другого цвета, чем у Вас, что Вы особенный такой и что Вам все с рук сойдет? Я вынужден проинформировать начальника Политуправления Московского военного округа о Вашем поведении в письменном донесении.

- Да мне на это нас-с-с-р...! - прошипел генерал сквозь зубы и поспешил прочь из зала. За ним ретировалась и его свита.

- Арсентьев! - подозвал к себе Костю комбриг. - Молодец, сынок, что честь бригады не опозорил и людей не дал в обиду.

- Я и эти офицеры, - Костя показал рукой на радиологов, - генералу объяснили ситуацию, а ему все по барабану.

- Арсентьев, ты опять всякую дрянь на себя одеваешь? - пошутил начпо. — Ты свою миссию выполнил. Переодевайся и возвращайся в бригаду.

- Есть, - коротко и воодушевленно ответил Костя.

Рядом с ним оказался Олег, который помог ему стянуть спецодежду.

- Ты откуда взялся?

- Откуда, откуда? Оттуда, что и комбриг с начпо, - неопределенно ответил Олег. - Когда этот кадр в лампах нарисовался, я сразу смекнул, что ничего хорошего не будет. А, когда он на тебя наезжать стал, я сразу поспешил за помощью. Хорошо, что на этажах командование бригады повстречал, и все успел им рассказать.

- Ты видел, как комбриг генерала на место поставил?

- Класс! Я его еще больше зауважал после этого случая.

Костя и Олег попрощались с оставшимися солдатами и офицерами и направились прочь со станции. Они долго шли по заснеженной дороге пешком подальше от станции и молчали. Думать ни о чем не хотелось.

Вскоре их догнала белая легковушка. От поднятой Костей руки машина остановилась возле них.

- До поворота на Чернобыль подвезете?

- Садитесь, товарищи офицеры! - охотно согласился водитель.

Когда «Жигули» тронулись, Олег первым заговорил:

- И где ж эта суперсовременная техника, которая вместо человека работала бы?

- Олег, ты этот вопрос уже третий раз за сегодняшнее утро задаешь? - возмутился Костя. - Тебе все разъяснили старшие начальники.

- Вы, товарищи офицеры, вероятно, работаете на крыше третьего блока? - поинтересовался мужчина.

- Да, - устало подтвердил Костя.

- Сейчас я покажу вам эту технику, - пообещал водитель.

Въехав в город Лелев, он повернул налево и остановился перед высокими металлическими воротами, выкрашенными когда-то синей краской. Войдя в калитку, он обратился к офицерам:

- Вот та техника, которая работала до ваших солдат на крыше.

Во двор заброшенного автогаража были стащены около двух десятков колесных роботов, напоминающих больше луноходы, с отвалами, ковшами и миникранами.

- Ближко не подходите к ним, потому что они сильно фонят, - посоветовал водитель.

- А что они здесь делают? - спросил Костя.

- Здесь находятся роботы, вышедшие из строя. Эта техника была закуплена в разных странах: Японии, ФРГ, США, есть и советские экземпляры. Но они недолго выдерживают воздействие радиации, ломаются быстро и превращаются в металлолом. Поэтому, вместо них людей посылают. Парадокс в том, что человек на деле оказывается надежнее всякой техники. Вот такая аксиома, молодые люди! - он с горечью закончил свой невеселый рассказ.

Тепло попрощавшись с ним, друзья вышли на обочину дороги, чтобы поймать попутную машину в сторону своей части. Им повезло: не прошло и пяти минут, как они уже мчались в кузове военного ЗИЛ-130. Развалившись на пустых досках для сидения, они продолжили свой разговор:

- Вот тебе, Олежек, и ответ на твой вопрос, - сказал Костя.

- Знаешь, Костя, я не просто подавлен, я будто раздавлен под грузом всего того, что увидел и услышал, - он с досадой сплюнул на пол кузова и затянулся сигаретой. - Ощущение такое, что просверлили мне макушку и вместе с мозгом вытащили позвоночник. Не получается ни мыслить логично, ни действовать. Валяюсь на этой лавке, как...

- Успокойся, - прервал его Арсентьев. - Побереги свои нервы, Олег. Своими возмущениями ты не добьешься ничего путевого, да не ты здесь государственные решения принимаешь. Еще раз советую тебе воспринимать окружающую тебя действительность реально, без эмоций, иначе на долго тебя не хватит.

Вернувшись в бригаду, Костя вспомнил, что утром давал себе слово зайти в санчасть по поводу голоса. Майор медицинской службы Пономарев встретил его настороженно, но как всегда с нескрываемой долей иронии:

- Что, батенька, соизволили, наконец, заглянуть в столь нежелательное для Вас заведенье?

- Так точно, Александр Васильевич. Проблема у меня: слышите, каким голос стал? - просипел Костя. - Уже второй день что-то непонятное с голосом происходит.

- Как же, как же, к нам с радостями не приходят. Ну-с, давайте посмотрим Вашу проблему, - он включил настольную лампу, достал медицинскую ложечку и засунул ее в разинутый рот Кости.

Поковырявшись в гортани, он подошел к стеклянному шкафу и достал какие-то таблетки.

- К сожалению, Константин, это у Вас не ангина. Дело в том, что голосовые связки выглядят немного потрепанными. В момент выброса радиации из саркофага Вы находились на станции?

- А как же.

- Все ясно, - сочувственно произнес доктор. - Попейте эти таблетки, они должны Вам помочь. Это - йод.

- Спасибо, Александр Васильевич!

- Не за что. Кстати, Вы почему кровь не приходите сдавать для анализов? - строго спросил доктор.

- При всем уважении лично к Вам, товарищ майор, и к нашей советской медицине в целом, я больше не приду сдавать кровь. Почему? Да просто не хочу быть подопытным кроликом, - обиженно ответил Костя и, попрощавшись с доктором, удалился прочь.

«Рыжий лес» и могильники «зоны»

За последнюю неделю с момента начала работ на крыше третьего энергоблока атомной станции, произошли события, которые затронули и Костю Арсентьева.

Костя, прекрасно понимал, что Олег за полтора месяца их совместной службы стал для него хорошим помощником, верным товарищем, но обстоятельства оказались сильнее: ухудшение здоровья Олега вынудило медиков поставить вопрос перед командованием части о его досрочном убытии из «зоны отчуждения».

На память об Олеге остались лишь черно-белые снимки, заботливо уложенные Костей в целлофановый пакет и спрятанные в чемодан рядом с ножом, подаренным военным контрразведчиком и двумя морскими тельняшками.

Запечатлеть свое присутствие на станции, как самые яркие и значимые моменты жизни, было чрезвычайно трудно. В условиях радиации фотопленка, как правило, обречена: радиоактивное воздействие быстро засвечивает ее.

В этом на практике убедился старший лейтенант Володя Юшков. Сохранить отснятые на станции пленки ему никак не удавалось. Фотопленка выдерживала повышенный радиационный фон лишь два-три часа, а затем заснятые кадры бесследно исчезали. Поэтому, приехав на станцию, Юшков своим фотоаппаратом стремился как можно быстрее отснять всю пленку, запечатлев все и всех вокруг, и через пару часов покидал станцию, спасая уникальные кадры. Благодаря его стараниям часть фотографий, пусть даже малая, сохранилась у многих офицеров и солдат в память о времени, проведенном в чернобыльской «зоне», о людях, находившихся рядом...

Арсентьев тяжело переживал отъезд Олега, с которым они были неразлучны полтора месяца, настроение было удручающим. Этой ситуацией воспользовался подполковник Тарасенко. Ему удалось убедить начальника политотдела направить Арсентьева в пятый батальон, в котором до своего отъезда работал Олег. Батальон со дня на день должен был приступить к выполнению работ на новом объекте, напрямую не связанной с дезактивацией.

Дело в том, что по мере проведения на Чернобыльской атомной станции и в ее окрестностях ликвидационных работ большое количество различной техники вышли из строя вследствие их эксплуатации и аварийности. Она не подлежала использованию в дальнейшем, поскольку помимо механических повреждений, набрала такой уровень радиации, что стала опасной для самих людей, работавших на ней. Кроме того, стали известны факты демонтажа отдельных узлов и агрегатов зараженной техники с целью их вывоза за пределы «зоны» и продажи. Подобное обстоятельство подтолкнуло штаб ОГГО к созданию специализированного и охраняемого места, куда бы централизованно свозилась и складировалась такая техника.

Помимо этого, в результате аварии на ЧАЭС десятки тысяч гектаров соснового леса, находившегося в непосредственной близости от станции протяженностью около двух километров на запад от нее, испытали мощное радиоактивное загрязнение. Весь лес, представлявший собой стену двадцатиметровых стволов практически «сгорел», аккумулировав на себе значительные объемы радиоактивных выбросов, превращая зеленую хвою сосен в кирпичный цвет, позволив назвать его по-новому - «рыжим лесом».

Погибший лес представлял собой к тому же значительную опасность, например, при пожаре, как источник вторичного радиоактивного загрязнения. Кроме того, этот лес значительно ухудшал радиационную ситуацию возле дороги, которая была одной из

основных транспортных магистралей Чернобыльской АЭС, соединяющей города Чернобыль и Припять.

Поэтому, учитывая эти обстоятельства, где-то там наверху было принято решение, разрешающее сразу две проблемы: уничтожение опасного леса и создание на его месте транспортных площадок для вышедшей из строя радиоактивной техники рядом с самой атомной станцией.

Командованием штаба ОГГО каждой крупной воинской части (полк - бригада) были отведены свои сектора в «рыжем лесу», которые необходимо было вычистить от стволов, веток и кореньев, причем, не сжигая радиационную древесину, а отвозя для захоронения в специальные места - так называемые «могильники». Очистить свой сектор от «рыжего леса» надлежало каждой части за пять дней.

Выполнение этой, не совсем обычной задачи в 26-й бригаде РХБЗ, было поручено пятому батальону, в который и был направлен Арсентьев. Для усиления батальона техникой и оказания материальной помощи ему придавались две автомобильные роты шестого батальона с самосвалами, ИМП (инженерными машинами разграждения) и автокранами.

Подходя к «рыжему лесу», Костя успокаивал себя тем, что работать придется на «свежем» воздухе, превращая мощной военной техникой большой лес в щепки. Единственно, что удручало его, как и многих солдат и офицеров, так это крепкий мороз, подбирающийся к тридцатиградусной отметке и снежная метель. Косте пришлось утеплиться конкретно: валенки с чулками от ОЗК, ватные штаны, бушлат, двупалые армейские рукавицы. Завязывая свою шапку-ушанку под подбородком, он с внутренней опаской и презрением смотрел на заснеженные и заиндевелые свинцовые плиты саркофага, возвышавшегося в каких-то ста метрах, и чертыхался на его развороченные взрывом внутренности.

А саркофаг ничем не проявлял себя: он хранил надменное молчание и не думал ни с кем из смертных вступать в полемику.

Майор Лепешкин, замполит пятого батальона, посоветовал ему на лицо повязать два «лепестка» и сверху на них нацепить армейский респиратор. Такая конструкция действительно гарантировала чистоту дыхания, но, одновременно, и осложняло его.

Работая вместе с солдатами и офицерами батальона на морозе, Костя вскоре почувствовал, что задыхается. Еще бы: он дышал широко раскрытым ртом, шагая по глубокому снегу, проваливаясь в него по колено, с трудом выбирая путь между пеньками срезанных сосен и таская к кузовам самосвалов на плече стволы. От дыхания из респираторов поднимался пар, который тотчас окутывал открытые для мороза глаза. Поэтому брови и ресницы Кости, как и у других военнослужащих, быстро покрылись инеем, а образовавшаяся влага на респираторе обледенела. Ватно-марлиевые «лепестки» вскоре намокли от пара и почти не пропускали воздух.

Не прошло и получаса, как он, совместно с другими солдатами, был вынужден оставить работу и отправиться к машине, оборудованной под пункт обогрева личного состава. Пробравшись через бойцов поближе к печке- буржуйке, Костя очистил ото льда брови, растер слипшиеся от мороза ресницы и стал снимать респираторы. Нижнюю челюсть от напряжения свело так, что болели скулы. Мокрые от влаги «лепестки» Костя выбросил в ведро, его примеру последовали и остальные. Все молча закурили...

Молчание присутствующих в будке нарушил появившийся майор Лепешкин:

- Что, товарищи, не сладко?

- А чего хорошего - снег ногами месить? - вопросом на вопрос ответил хмурый сутуловатый солдат. - На станции работать было легче: отмыл спецраствором комнату от потолка до порога и отдыхай. Опять же, в тепле. А здесь нам день-деньской ишачить придется. В общем, не повезло нашему батальону.

- Мне так не кажется, - возразил ему майор. - Помнится, мой предшественник рассказывал, как он с бойцами своего батальона собирали вокруг взорвавшегося четвертого энергоблока куски разлетевшегося графита. Представляете, руками собирать радиоактивный графит! Вот кому не повезло, так не повезло!

- Ну, и что здесь трудного? Собирай себе камешки и в мешки складывай! - возразил ему другой солдат.

- Правильно, ничего в этом трудного нет, но вот серьезная опасность точно присутствует, - спокойно объяснял замполит, привлекая к себе внимание окружающих. - Один солдатик как-то раз решил перед возвращением домой прихватить себе на память кусочек приглянувшегося графита и положил его в карман военных брюк. Расплавленный графит чем-то схож на янтарь, красивый, взгляд завораживает. Так, вот, пока этот «кладоискатель» доехал от станции до бригады, он получил огромную, просто космическую, дозу облучения, а на ноге, на уровне кармана с находящимся в нем кусочком графита, в последствии образовалась язва.

Все молчали и внимательно слушали его тихие и проникновенные слова. По глазам солдат было очевидно, что рассказ опытного политработника произвел на них неизгладимое впечатление.

- Все, перерыв окончен, - послышался голос Лепешкина. - Выдвигаемся таскать бревнышки, как дедушка Ленин.

Бойцы взвода со своим лейтенантом плотной группой побрели в сторону лесоповала, уступая место для пятиминутного отдыха следующему взводу. Они еще долго обменивались мнениями об услышанном в рассказе замполита, взволновавшего их, и постоянно добавляли, но уже свое: «ну, а если бы...»

Дело спорилось: сосны валились штабелями, всюду работали бензопилы, гулко стучали топоры, отсекая рыжие ветки. Ревущие ИМРы без особого труда выкорчевывали своими мощными отвалами пеньки. Экскаваторы и руки солдат и офицеров загружали кузова самосвалов землей и спиленным лесом. Люди трудились с упорством, не жалея ни себя, ни технику. Казалось, в этом муравейнике людей и техники было нельзя разобрать, кто же оказывается сильнее из них. Но одно становилось очевидным: лес нехотя, но уступал их силе и упорству метр за метром своей территории.

Неожиданно наступивший обед явился для батальона чем-то вроде божьего дара.

За обедом аппетит у бойцов был зверским. Раскрасневшиеся от работы на морозе лица солдат и офицеров батальона горели. Еще бы: горячий обед, порционные добавки желающим, да привезенные замполитом коробки с сигаретами и папиросами от шефов - работников Московского часового завода, подняли настроение батальона.

Находясь на лесоповале, Костя заметил, что водители не очень-то жалели автомобильную технику. Это подтвердил и один из солдат, водитель КАМАЗа, возивший лес до «могильника»:

- Зампотех бригады сказал, что после уничтожения «рыжего леса» мы должны будем оставить наши машины здесь, на новой подготовленной площадке вместо «рыжего леса».

- Почему? - поинтересовался Костя.

- Техника часто выходит из строя, запчастей на станции практически нет. Водители и технари снимают запчасти от брошенных машин и ставят их на свои. А от них такой радиационный фон идет - мама не горюй! Зашкаливает так, что электрооборудование коротит!

- А, что из себя «могильники» представляют?

- Ну, сложно о них что-либо сказать, лучше самому увидеть. Поехали, что ли? - ненавязчиво предложил он.

- Согласен! Давай так - повезешь бревна в очередной раз, заberi меня с собой, - предложил Костя.

Грузовой КАМАЗ с очередной партией распиленного «рыжего леса» через час вез Арсентьева в сторону «могильников». Предстояло проехать мимо брошенного города Припять, огороженного колючей проволокой, не более пяти километров. Дорога была наезженной, но разбитой до безобразия. На очередной колдобине один из баллонов заднего моста самосвала не выдержал удара и лопнул.

- Вот зараза, - в сердцах ругался водитель, пиная сапогом спустившее колесо. - Нашел, когда взорваться. И заменить его у меня нет возможности: вон, в полтора раза больше леса в кузов набросали, чем разрешенная грузоподъемность машины. Не высыпать же бревна на дорогу?

- Что будем делать-то? - не на шутку заволновался Костя.

- Поедем дальше. Где-то полтора километра до «могильника» осталось. Разгрузимся там, потом и поменяем колесо, - принял решение водитель.

- А машина вытянет ли?

- Советская военная техника все выдержит, - со знанием дела заключил водитель, со скрежетом врубая первую передачу.

Машина натужно взревела и медленно, заметно надрываясь, поползла по дороге. Оставшийся путь показался Косте вечностью. Но, наконец, машина сползла на расчищенную от снега грунтовку среди невысокого сосняка и подъехала к шлагбауму.

Из будки, служившей временным КПП, вышли два солдата. Водитель остановил машину, взял путевой лист и направился к одному из них за отметкой об очередном рейсе. Другой солдат, вооружившись дозиметрическим прибором ДП-5В, залез на кабину и просунул штангу от него в кузов. Солдат пощелкал тумблерами, задержал взгляд на табло и, поцокав языком под «лепестком», крикнул напарнику:

- Два с половиной рентгена!

Тот сделал отметку в своем журнале и поднял шлагбаум. Самосвал тронулся дальше.

- Однако, много радиации в кузове везем, - заметил Костя, обращаясь к водителю. - Интересно, сколько за день дозы набегает?

- По-разному. Начальник штаба батальона пишет каждому водителю по полрентгена в день, а, сколько дозиметры-накопители показывают, нам не говорят. Самое главное, что ротация водителей в нашем батальоне происходит через полтора месяца.

Огромное поле внутри соснового молодняка было окружено высоким забором из колючей проволоки. Внутри этого поля Костя увидел три вырытые ямы, размеры которых его просто потрясли: около трехсот метров в длину, метров пятьдесят в ширину и метров тридцать в глубину. Дальние две ямы были заполнены разным хламом и уже засыпались землей экскаваторами и ИМРами, а третья, куда вел свой КАМАЗ водитель, была заполнена лишь на четверть.

В целях безопасности он попросил Арсентьева вылезти из кабины и, с трудом развернув машину, подъехал к краю ямы. Кузов поднялся, и вниз, с жутким грохотом, полетели бревна. Машина находилась от обрыва так близко, что Косте казалось, что она в любой момент может сама опрокинуться в эту же яму. Но все обошлось.

Водитель отъехал от края ямы и приступил к ремонту колеса.

- Помочь тебе? - спросил его Костя.

- Да нет, не надо. Я сам быстро управлюсь, - ответил водитель, споро работая домкратом.

Костя тем временем стал рассматривать содержимое ямы. Его взору бросилось то, что в ней смешались и останки «рыжего леса», и школьные столы, и холодильники, и всякая домашняя утварь... Детские игрушки казались нелепыми в этом могильном натюрморте, еще сильнее навевали печаль и уныние.

- Нам пора убираться из этого мертвого места, - вскоре сказал Серега, забрасывая инструмент в машину. - Одно слово - «могильник» - это и есть могила для прежней жизни людей.

Миновав КПИ, водитель направил машину в обратный путь, иногда приветствуя сигналом клаксона встречные машины, тащившие к «могильнику» очередную порцию радиоактивного хлама. Порожня машина, почувствовав кратковременную легкость, быстро бежала за очередным грузом, уже приготовленным солдатами батальона.

Арсентьев, поменяв «лепесток» и попрощавшись с водителем, присоединился к своей группе. Вторая половина дня прошла в однообразной монотонной работе, которая издали, наверное, больше напоминала движения муравьев. Копашась в земле и снегу, люди хоть и медленно, но упрямо делали свою работу.

Так прошли второй и третий день. К исходу четвертого всем стало понятно, что свою задачу батальон выполнил на сутки раньше запланированного срока. К огромному расчищенному полю, где последние семьдесят лет стояла сосновая роща, стали съезжаться представители штаба ОГГО и бригады. Костя краем уха слышал благодарственные слова генерала Темирханова в адрес солдат и офицеров московской бригады и его удовлетворение от проделанной работы. Когда кавалькада УАЗиков с представительной делегацией скрылась за поворотом, комбриг построил солдат и офицеров, работавших по уничтожению «рыжего леса», и объявил всем благодарность.

Увидев в строю Арсентьева, он, не скрывая своего хорошего расположения, спросил:

- Комсомол, и ты здесь?

- Так точно, товарищ подполковник, здесь! - молодежато ответил Костя. - Куда направили, там и нахожусь!

- Садись в мою машину, до бригады вместе поедem, - предложил комбриг.

- Спасибо, товарищ подполковник, но я с батальоном поеду. Неудобно мне в командирских УАЗиках разъезжать, когда батальон будет трястись в грузовиках. Да и сроднился я с солдатами и офицерами за эти четыре дня.

Под «лепестком» не видно было Косте, что комбриг улыбался на его слова, лишь глаза свидетельствовали об этом. Немного помолчав, он тихо сказал:

- Смотрю я на твои дела, Арсентьев, и прихожу к выводу: перерос ты свою комсомольскую должность. Пора тебя выдвигать на самостоятельную работу. Пойдешь в мою бригаду под Теплый Стан замполитом батальона?

- Благодарю Вас за такое предложение. Под Вашим командованием я с удовольствием служил бы.

- Ну, что ж, тогда мы вернемся с тобой к этому разговору, когда закончатся наши командировки.

Комбриг на прощание кивнул головой стоявшим рядом офицерам и направился к своей машине.

Закончив погрузку личного состава, колонна военной техники держала путь в свою часть. Озябшие и усталые, но бесконечно счастливые, солдаты и офицеры смотрели на удаляющееся перерытое их руками и ногами голое поле, где некогда стоял и пугал своим коричневым внешним видом больной от радиации «рыжий лес».

Никто из них не догадывался, да, в сущности, сейчас им это было не важно, что 5-й батальон 26-й бригады своими сверхчеловеческими усилиями в тяжелейших условиях в феврале 1987 года вписал в историю ликвидации последствий аварии на атомной станции очередную победную страницу, о которой мало кто будет знать. Еще меньше кто будет помнить...

В ожидании замены

Срок пребывания в командировке у Арсентьева окончился четыре дня назад, а замены так и не было. Преодолев неловкость и набравшись смелости, он по военной связи дозвонился до комсомольского отдела округа. Костю успокоили и просили еще немного подождать, поскольку, отобранный для его замены капитан, наотрез отказался ехать в Чернобыль, бросив на стол партийный билет, а новую кандидатуру сейчас подыскивают.

Подавленное Костино настроение заметил Михаил Васильевич Булгаков.

- Комсомол, почему не в духе? - осторожно поинтересовался он.

- Замена моя до сих пор не едет: кто-то там отказался, а другого офицера не могут найти. А у меня уже третий месяц пошел, как я здесь нахожусь. Мой потолок в пятнадцать рентген давно преодолен. Что мне остается? На станцию не ездить? По нарядам ходить, пока замена не приедет? - возмутился Костя.

- Не волнуйтесь, все наладится.

- Думал, что к 23-му февраля домой вернусь. Да, видно, не судьба...

- Для бригады и командования, а также Ваших коллег хорошо, что Вы с нами, - успокаивал Костю Михаил Васильевич.

Командованием бригады были назначены на этот день после возвращения со станции праздничный ужин и торжественное собрание всех офицеров в честь очередной годовщины образования Советской Армии и Военно-Морского Флота. Но эти мероприятия нисколько не радовали Костю.

Однако он должен был принимать активное участие в их подготовке. Накануне были приготовлены комсомольские награды для поощрения отличившихся воинов, пришедшие из Киевского обкома комсомола, ЦК ЛКСМ Украины, ЦК ВЛКСМ: здесь были и ценные подарки, и почетные грамоты, и высшие памятные знаки комсомола.

Торжественное собрание проходило в ангаре, в нем собрались все офицеры бригады. С коротким докладом выступил полковник Батраков, который рассказал о проделанной личным составом работе по ликвидации последствий аварии, начиная со дня образования бригады, т.е. с 29 апреля 1986 года.

Затем начальник штаба зачитал приказ командира бригады о поощрении отличившихся солдат, сержантов и офицеров. Каково же было удивление Арсентьева, когда он, в составе еще восьми офицеров, был вызван на импровизированную сцену.

Комбриг торжественным голосом объявил:

- За мужество и героизм, проявленные в ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, названные офицеры представлены к государственным наградам - орденам и медалям.

Арсентьев, услышав свою фамилию и то, что он представлен командованием к награждению медалью «За боевые заслуги», был искренне смущен и растроган. Здесь, на Чернобыльской АЭС, его служба была замечена и оценена такой высокой наградой! Да какой! Самой, что называется, боевой наградой для офицера!

Зал рукоплескал офицерам. Костя, польщенный таким вниманием к себе, оробел. Возвращаясь на свое место, к нему тянулись руки офицеров, которые поздравляли его с заслуженной наградой, улыбались и хлопали по плечу.

- Ребята, - смущенно отвечал им Арсентьев, - наградить и представить к награждению есть две большие разницы. И одно и другое, конечно же, приятно, но лучше уж будет первое.

В этот день Костя был, наверное, самым счастливым человеком во всей «зоне». И лишь одно обстоятельство огорчало его сейчас: отсутствие замены.

Следующий день был таким же обыденным, как большинство из прожитых здесь. Костя, после уничтожения «рыжего леса», вновь был отправлен в закрепленный за ним первый батальон. В нем появилось много новых солдат и офицеров, прибывших по замене. Для них Арсеньев был уже ветераном, а его выдавший виды бушлат, помятая шапка и облезлая от мороза кожа на лице, говорили, что он побывал во многих переделках.

Наступивший март немного ослабил так надоевшие всем морозы, но добавил снега и пасмурных дней. Арсентьеву вспомнилось, что он не видел солнца, наверное, не менее трех недель. Отсутствие небесного светила, а также задержка по непонятным причинам сменщика, угнетали его все больше и больше.

Еще бы. Все офицеры прежнего состава, с которыми он начинал службу здесь, на ЧАЭС, давно заменились. Прежний начальник политотдела полковник Батраков уехал сразу же после 23 февраля. Отъезд Анатолия Николаевича Костя перенес болезненно. Проникнувшись к нему большим уважением, Костя считал его учителем и наставником, так много сделавшим на своем служебном месте. Батраков был человеком слова и дела, который смело шел на решение любой проблемы. И не было случая, чтобы получилось бы не так, как желал он.

Сменивший его полковник Самсонов был его полной противоположностью. Его кабинетный стиль управления, любовь к бумагам и письменным отчетам вызывали у Кости отвращение и отторжение, поскольку в здешних условиях были просто не уместны. Теперь, чтобы выехать на станцию, нужно было подготовить письменно план своей работы на этом участке и предоставить его для утверждения Самсонову.

Новому начальнику нравилось, когда офицеры политотдела находились рядом. Их можно было озадачить вводными, часто второстепенными, а иногда и просто личного характера (что-то вроде отнести папку, забытую кем-то в кабинете, или обменять его бушлат на больший размер...).

Он практически не замечал работников политотдела, призванных из запаса, считая их некомпетентными и случайными в политотделе людьми. Поэтому те были предназначены сами себе: уезжали на станцию, непонятно с какой целью, не дежурили и не посещали совещаний. Вместе с тем кадровые офицеры политотдела, загружались им по полной программе. Это не могло не сказаться на взаимоотношениях среди политотдельцев.

Костя считал все это «мышьиной возней», которая мешает решать основную задачу, ради которой прибыли сюда все эти люди. Он старался дистанцироваться от всех нелепых слухов, сплетен и интриг. Его сильнее, чем прежде, тянуло в батальоны, к комсомольским активистам, офицерам и простым солдатам. Именно там он чувствовал себя в своей среде. В подразделениях царила атмосфера открытости, взаимовыручки, уважения и понимания...

Глава 20

Прощание с «зоной» и возвращение домой

Согласно приказу командующего округом командировка Арсентьева закончилась еще девятнадцать дней назад, но замены по-прежнему не было. В очередной раз он ехал в машине в колонне со всеми в направлении станции. Прибывший недавно по замене замполит первого батальона подполковник Новокрещенов, интеллигентный и очень образованный человек, завел с Костей непринужденный разговор:

- Что слышно о Вашей замене?

- Толком - ничего! - с грустью произнес Костя. - Я уже дважды звонил в комсомольский отдел округа и интересовался о заменщике. Все успокаивают и уверяют, что вот-вот приедет.

- Да, уж, непорядочно как-то поступают должностные лица, - посочувствовал подполковник. - Почти три недели, как срок Вашей командировки вышел, а они там, в Москве, даже не чешутся. Они не понимают, что ли, что такие как Вы, Константин, будущее нашей армии и держать Вас здесь сверх срока, значит обречь на гибель? Дозу облучения какую сейчас имеете?

- Почти двадцать рентген.

- Ну-у, это уж перебор, - не успокаивался Новокрещенов. - А, что же Ваш начальник политотдела ничего не сигнализирует в Москву?

- Он мне так и сказал, дескать, звонить в округ по моей замене не собирается, потому что я его здесь устраиваю: комсомольская работа отлажена, ситуацией в комсомольско-молодежных коллективах подразделений я владею. Получается так: пока я здесь - за комсомол в бригаде он спокоен.

- А знаешь, хорошо это или плохо, но когда-нибудь всему приходит конец, - философски заключил подполковник.

Громкие дела и героические поступки, о которых недавно говорили все и повсюду, незаметно отошли на второй план. Основная задача военных в большей степени была выполнена: убран радиоактивный мусор, отмыты от радиационной пыли все производственные помещения третьего энергоблока, установлено новое оборудование взамен вышедшего из строя. Гражданские специалисты-атомщики, прибывшие на Чернобыльскую станцию со всей страны, занимались подготовительными работами по запуску третьего энергоблока и вводу его в эксплуатацию. Их белые комбинезоны все чаще и чаще стали появляться на станции.

Физическая усталость и моральное неудовлетворение своим положением, выразившееся в понимании того факта, что Москва о нем попросту забыла, натолкнули Арсентьева на вполне логичный и справедливый вопрос: «А что он здесь, на станции, делает?»

Дождавшись, когда закончится обед на станции, Костя принял для себя решение - возвращаться в бригаду.

Машина, привезшая пищу в термосах, готовилась в обратный путь. Подполковник, заместитель начальника тыла, предложил Косте место в кабине, но он наотрез отказался, пожелав разместиться в кузове.

Ему хотелось побыть одному, и он был рад, что в кузове никого из попутчиков не было. Костя отодвинул в сторону полог брезента, чтобы лучше было рассматривать эти серые, но до боли знакомые пейзажи «зоны», запомнить ее в мельчайших деталях, в тайне надеясь, что видит всю эту картину в последний раз.

Отъезжая от станции, он вдруг заметил, как плотные низкие облака над станцией немного приоткрылись, и ее высокие корпуса осветились ярким, ставшим уже непривычным, солнечным светом. От такой неожиданной картины Костя просто не мог отвести взгляд.

Небо все больше и больше раздвигалось, уступая напору солнца, осветив при этом близлежащую округу. И, в этот момент, его луч коснулся Кости, пробежал по лицу, на мгновение, ослепив его.

Он с усилием заставил себя открыть глаза. Свет от солнца все глубже и глубже проникал в каждую клеточку Костиного тела, доставляя тепло, покой и умиротворение.

«А я ведь точно в последний раз вижу станцию, - уверенно пронеслось в голове Арсентьева. - Больше я сюда не вернусь! Смотри и запоминай весь этот коллапс и не дай бог подобное тебе и твоим детям увидеть».

По мере удаления от станции, ее очертания расплывались, уступая место новым пейзажам. Костя вновь глянул на небо и разглядел в скученных облаках некое подобие женского лица. Большие глаза были бездонны. Косте показалось, что они были обращены именно на него.

Взглянув в них, он почувствовал, как эти глаза поглощают и растворяют его. И тут он услышал адресованный ему, вполне внятный и уже как бы знакомый, голос:

- Пришло время нашего расставания. Выпавшие на твою долю испытания, тобою преодолены, поэтому я не буду чинить тебе препятствий при возвращении домой. Но это не значит, что ты забудешь обо мне. Я всегда буду напоминать тебе о себе. И ты постоянно будешь чувствовать мое присутствие рядом: болью, воспоминаниями, отношением к тебе окружающих людей. Прощай!

Голос исчез, и в этот момент, над станцией закрылось облаками небо, возвратив ее в прежний темно-серый цвет.

Костя чувствовал озноб во всем теле и знал почему. Ему отчетливо вспомнились события, произошедшие почти три месяца назад. Его первая встреча с Радиацией по дороге в «зону»... Тогда, поздним декабрьским вечером она пыталась его напугать своим всесилием, затем незримо присутствовала возле него, проникая в тело и сознание, и вот сейчас вновь дала о себе знать. Она не хочет его далеко от себя отпустить.

Но одно Костя теперь точно уже знал: пришло его время завтра покинуть эту территорию навсегда.

Упершись в задний борт ногами, и размышляя в одиночестве, он в такой позе добрался до своей бригады. Не успел он закрыть входную дверь, ведущую в штаб, как его окликнул знакомый офицер:

- Комсомол, с тебя стакан: заменщик приехал!

В своем кабинете Костя сразу увидел высокого капитана, одетого в шинель с красными петлицами.

- С приездом! - он обратился к офицеру, протянув руку. - Константин Арсентьев, помощник начальника политотдела по комсомолу.

- Значит, тебя я меняю? - поинтересовался тот. - Капитан Тарелкин.

- Меня, - с нескрываемой радостью произнес Арсентьев. - Пойдем, я тебя обедом накормлю и размещу для проживания.

- Спасибо, но я уже разместился в офицерском модуле, пока ты где-то пропадал.

Тон капитана не понравился Косте, но он не подал вида.

- Вообще-то не пропадал, а на станции, как и все остальные, свои функциональные обязанности исполнял. И потом, я же не упрекаю тебя в том, что замена моя прибыла с опозданием в три недели. Пойдем, лучше я обмундирование помогу тебе получить.

По пути на вещевой склад Костя показал капитану расположение бригады и ввел в курс выполняемых частью задач. Он помог Тарелкину донести новое обмундирование до общежития, а по дороге в штаб знакомил офицеров, встретившихся на пути, со своей заменой.

Не прошло и часа, как Костя передал всю служебную документацию капитану и, обойдя различные службы, снялся с учета. Он сдал дозиметр-накопитель и ДП-5В офицеру-радиологу, который сразу переписал их стоявшему рядом Тарелкину.

- Знаешь, как пользоваться этими приборами?

- Не совсем. За годы службы в Ярославском финансовом училище все забыл.

- Ну, тогда запоминай, - сказал Арсентьев и стал рассказывать и показывать, как работает аппаратура измерения уровня радиации.

За этим делом их застал вошедший в политотдел начальник.

- Во-во, правильно делаешь, Арсентьев: готовь себе замену, вводи капитана в курс дела. Кстати, у меня к тебе есть предложение. У тебя, сколько суток нахождения в «зоне» набралось?

- Завтра будет восемьдесят, товарищ полковник.

- Может, отложишь свой отъезд еще на десять суток? Тогда три месяца здесь будут считаться как за девять в льготном исчислении. Когда время подойдет увольняться в запас, к пенсии они не будут лишними. Обещаю, что загружать делами не буду. К примеру, эти десять дней можно дежурным по политотделу побыть.

От такого предложения у Кости начался нервный тик.

- Спасибо Вам, товарищ полковник, за душевность и заботу, но я и так три недели лишних здесь нахожусь. Да и потом доза облучения у меня приличная. Предложение не приму, домой надо ехать, да и служебных дел накопилось невпроворот.

- Ну, как знаешь! Раз решение принял, завтра уезжай. Перед отъездом заведи у меня партийно-служебную характеристику, подготовленную на тебя еще твоим прежним начальником.

Вечер для Кости был наполнен радостными хлопотами. Он собирался в дорогу домой: вытащил из целлофановых пакетов шинель, шапку, китель, брюки и форменные ботинки. В чемодан заботливо уложены морские тельняшки, подарки на день рождения от товарищей, фотографии.

«Господи, даже не верится, что я завтра покину эту «зону», - рассуждал Костя. - Осталось лишь получить денежный расчет, характеристику и карточку учета дозы облучения, поставить отметки в командировочном предписании и на попутках добраться до Киева. Весь этот кошмар теперь я увижу только во сне».

Как же он соскучился по жене и сыну! Месяц назад он получил последнее письмо из дома, где жена писала, что ждут его возвращения со дня на день. Никто не мог предположить, что командировка так затянется.

«Ничего, приеду в Киев, сразу позвоню домой, сообщу о возвращении», - успокаивал себя Костя, перебирая служебные бумаги.

Из полевой сумки он достал свой дневник, с которым здесь ни на день не расставался и по инерции вложил в чемодан. Затем, недолго думая, вытащил его обратно.

«Что ж мне делать с тобой, мой верный спутник? - как к живому существу Костя обратился к исписанной тетради, в которой он вел свои записи пребывания в «зоне». - Дневник определенно «фонит», поскольку он был там, где и я. Вывозить его отсюда нельзя. Конечно, хочется сохранить мои мысли и описанные события, приключившиеся со мной в этой командировке, но зараженный дневник может принести не только мне, но и окружающим меня людям несчастье своим радиоактивным излучением. Тогда, что с ним делать? Может быть, закопать его для будущих поколений? Да сюда, в «зону» отчуждения, и через триста лет археологов не пустят, к тому же твой дневник за это время в пыль превратится. Значит, нужно уничтожить, чтобы больше не вспоминать этот кошмар».

Он решительно встал с кровати, вытащил из кармана спички и вышел из вагончика. Обойдя его с обратной стороны, Костя ногой разгреб снег до земли и присел на корточки. Последний раз пролистав страницы тетради и пробежав глазами по исписанным листам, он поднес к ней зажженную спичку. Огонь сначала нехотя перебирался со страницы на страницу, а потом, как бы почувствовав вкус, поглотил всю тетрадь.

Забросав обугленные останки дневника снегом, Арсентьев почувствовал, как будто камень у него с груди свалился. Действительно, на душе как-то легче стало.

Утром следующего дня он проснулся позже обычного. Ему впервые за дни своей командировки не нужно было спешить на развод личного состава, поэтому он, не торопясь, после завтрака с вещами шел в сторону штаба бригады. Повесив шинель на вешалку в политотделе, Арсентьев направился в кабинет начальника политотдела.

- А, комсомол, заходи! - поприветствовал он Костю, рассматривая с ног до головы. - Э, ты какой! В повседневной форме толком и не узнать тебя.

Он посмотрел на грудь Арсентьева и, не скрывая удивления, произнес:

- Я смотрю на знак, что прикручен к кителю. Оказывается, ты у нас награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле»?

- Да, уже полтора года.

- Этим знаком толковых молодых офицеров награждают, - со знанием дела констатировал полковник. - А теперь получишь и самую высшую комсомольскую награду - знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Я вчера отправил на тебя представление в комсомольский отдел округа. Так, что жди, скоро тебя наградят. Заслужил.

- Спасибо, товарищ полковник, - совсем не по-военному поблагодарил его Костя.

Он еще немного помолчал, затем положил перед Арсентьевым два пакета и сказал:

- Знаю, что рвешься домой, но выполнить мой последний для тебя приказ ты должен. В первом пакете находится твоя характеристика, а во втором, запечатанном, донесения начальнику политуправления. Тебе придется сначала заехать в Москву, в штаб округа, и отдать эти документы, лишь затем поедешь домой. Через тебя они быстрее к начальнику Политуправления попадут на стол, а, значит, оперативнее разрешатся наши здешние проблемы.

Такого оборота Костя не ожидал. Как минимум на сутки откладывалось его возвращение к семье. Внутри все оборвалось, но отказаться он был не в силах. Будучи человеком военным, он должен подчиняться приказам, не считаясь с личными интересами.

- Я понял, и все сделаю, как Вы требуете, - упавшим голосом ответил Костя.

- Ну и славненько! А теперь прощай! - полковник протянул ему руку.

Прощавшись с офицерами политотдела и служб штаба бригады, получив все расчетные документы и деньги, Костя летел с чемоданом в руках на попутку, отправляющуюся в город Иванков за продуктами для бригады. Закинув чемодан в кузов, он разместился в кабине военного ЗиЛ-130 со знакомым капитаном-тыловином. Дорога до города за разговорами пролетела незаметно, да и настроение позволяло ему никого и ничего не замечать, потому, что он ехал домой.

Водитель подвез Костю прямо к автобусной станции. Помахав военным на прощание рукой, он устремился к билетным кассам. Возле окошка толпились желающие уехать. Пассажиры не скрывали своего раздражения: оказывается, что на ближайший рейс до Киева мест уже не было, а следующий автобус пойдет часа через два.

«Не отчаивайся, - подбадривал себя Костя, хватая чемодан и выходя на улицу, - ты должен найти выход из тупиковой ситуации, потому что тебя очень ждут дома».

Арсентьев подошел к автобусу, в котором заканчивалась посадка пассажиров. Контролерша, полная женщина лет пятидесяти, запустила в салон автобуса последнего пассажира с билетом, а остальных - безбилетников - с силой отталкивала от входной двери, используя крепкие бранные слова.

Оценив быстро ситуацию, Костя подошел к водителю со стороны его двери. За рулем автобуса, дымя папироской в приоткрытое окно, сидел пожилой мужчина, который сразу обратил внимание на Арсентьева.

- Возьмите до Киева. Пожалуйста, - осторожно, чтоб не привлечь внимания контролерши, попросил Костя.

- Так мист вже нэма.

- Я в курсе, готов в проходе постоять. А за место я заплачу. Три месяца дома не был, - скороговоркой выпалил Костя.

- Так ты оттуда? - водитель показал пальцем в сторону Чернобыля.

Костя лишь махнул головой, потирая озябшие от мороза уши.

- Ступай по шляху метрив сто впэрэд и чекай на обочине. Я остановлюсь коло тэбэ и подберу, - тихо сказал мужчина и подмигнул ему.

Отойдя на указанное расстояние, Арсентьев поставил чемодан на снег и стал ждать. Сердце отчаянно билось в груди.

«Лишь бы не обманул водила! Лишь бы! - как заклинание повторял про себя Костя. - Итак. На часах - начало пятого дня. Если уеду сейчас, то в Киеве буду около шести вечера, а на железнодорожном вокзале - в 19.00. На вечерние рейсы до Москвы останется час-два. Но, сначала, надо отсюда вырваться, черт возьми!»

Показавшийся на дороге автобус остановился почти рядом с Костей. В приоткрывшиеся двери на ходу Костя влетел на одном дыхании. Сунув в руку водителя хрустящую купюру, означавшую проезд за двоих, он прошел в конец салона и сел на поставленный на пол чемодан. Напряжение последних часов давали знать: Костя, склонив голову на руки, заснул под монотонный гул мотора.

Внутренний будильник разбудил его, когда автобус въезжал в пригород Киева. Несмотря на наступившие сумерки, улицы столицы Украины были освещены довольно сносно. На проспектах и площадях светила праздничная иллюминация, говорящая о том, что сегодня - Международный женский день, сияли мириадами разноцветных огней витрины магазинов, кафе, ресторанов, кинотеатров. От такого изобилия света у Кости закружилась голова. Чуть больше полтора месяца назад со дня последнего визита в Киев, ситуация с электроснабжением города кардинально изменилась в лучшую сторону.

«Вот она - мощь третьего энергоблока! - с гордостью и восхищением подумал Костя. - Люди, едущие сейчас со мной в одном автобусе, идущие по освещенным тротуарам, сидящие вокруг праздничных столов в теплых домах, даже не догадываются, что в этом есть малюсенькая доля и моего участия - старшего лейтенанта Арсентьева!».

Костя невольно улыбнулся таким мыслям, и на душе стало легко и радостно.

Тем временем тормоза автобуса скрипнули, останавливая его возле центрального автовокзала. Костя поспешил к выходу, поблагодарил водителя и бросился ловить такси. Со второй попытки ему удалось остановить пустую машину с шашечками по бокам.

- Шеф, нужно срочно на железнодорожный вокзал, опаздываю на поезд! - взмолился Костя.

- Грузись! Вмиг домчу, служивый! - согласился таксист.

С такой стремительной скоростью по городу Костя давно не ездил. Водитель хорошо знал город и особенности езды по нему. Поэтому без лишних приключений они быстро подъехали к железнодорожному вокзалу.

Щедро расплатившись с таксистом, Арсентьев, волоча за собой чемодан, пробирался к билетным кассам. Людей было много, шум стоял невообразимый. Вокруг десяти работающих касс вокзала не было живой очереди, люди просто толпились возле них и лезли к заветным окошкам чуть ли не через головы.

Ситуация вокруг кассы для военнослужащих была не лучше.

«Здесь не только на ближайший поезд не взять билет, но и на следующий день еще не факт, что получится пробиться к окошку, - лихорадочно размышлял Костя. - Черт, что же делать?».

В этот момент Арсентьев вспомнил, что у него есть телефон попутчика-железнодорожника, с которым он восемьдесят дней тому назад ехал в Киев в одном купе.

«Кажется, его звали Игорь Сергеевич, - напрягал память Костя. - Хоть бы он был на месте, хоть бы...».

Он лихорадочно расстегнул пуговицы шинели, чтобы из внутреннего кармана достать удостоверение личности. Под его обложкой лежал небольшой клочок бумаги с номером телефона железнодорожника. Обнаружив его, Костя оглядел зал в поисках телефона.

Аппарат с металлическим шумом проглотил двухкопеечную монету и издал протяжные гудки. Вскоре послышалось представительное «алло».

- Игорь Сергеевич, здравствуйте! С Вами говорит Костя Арсентьев! Помните старшего лейтенанта, с которым Вы в декабре прошлого года в одном купе до Киева ехали?

- Как же, как же, помню! Здравствуйте, Константин! Как Ваша служба в Чернобыле?

- Закончилась моя командировка, чему я неслыханно рад. Теперь, вот, возвращаюсь домой, но через Москву. Мой бывший начальник приказал мне передать важные служебные документы вышестоящему командованию, но билет на Москву невозможно купить. Поэтому, Игорь Сергеевич, я обращаюсь к Вам за помощью.

- Константин, не волнуйтесь, эту проблему мы сейчас разрешим, - успокоил Игорь Сергеевич. - Подойдите через минут десять к воинской кассе, Вас позовут.

- Спасибо за поддержку, Игорь Сергеевич, - поблагодарил его Костя. - Как Вы оказались правы тогда, в декабре, когда говорили, прощаясь со мной, что скоро для меня понадобится Ваша помощь!

- В этом нет ничего удивительного. Просто я знаю, что будет потом... Всего Вам хорошего и не забывайте наши разговоры в купе!

Костя, волнуясь, расположился напротив людей, обступивших окошко воинской кассы. Не прошло и десяти минут, как он услышал женский голос билетного кассира, пытавшегося перекричать шум толпы:

- Где Арсентьев из Чернобыля?

- Здесь я! - крикнул Костя, направляясь на голос.

Толпа нехотя, но брезгливо, услышав слово «Чернобыль», расступилась, пропуская его к окошку, за которым сидела дородная женщина лет пятидесяти. Ее лицо отражало непреклонную суровость и ответственность к делу, которым она занималась.

- Где же Вы, старший лейтенант, гуляете? - нарочито набросилась она на Костю. - Вас уже час ищут, а Вы все не идете за зарезервированным билетом. Давайте быстро Ваши документы, а то поезд без Вас уйдет.

Костя сунул в окно служебное удостоверение и проездные документы. Пока кассир выписывала билет, до Костиного уха долетали нелюбезные слова окружающих его с двух сторон людей:

- А чего это офицер без очереди полез? - вдруг заголосил прыщавый студент лет двадцати.

- Так он же из Чернобыля! - то ли оправдывал Костю, то ли, наоборот, подзадоривал толпу единственно стоявший в очереди военный с погонами майора.

- Этим чернобыльцам многое уж позволено! - истерично взвизгнула накрашенная молодая блондинка. - Обнаглели, нахалы!

Последние слова сильно зацепили Костю. Он повернул голову в ее сторону и посмотрел на нее с укором. Рожца, не выдержав сурового и осуждающего Костиного взгляда, мгновенно скрылась.

«Разве можешь знать ты, белая моль, что такое добровольно сделать шаг в бездну и обречь себя к будущим страданиям, болезням и скорой гибели? - Мысленно упрекал он ее, пытаясь унять нахлынувшее вдруг внутреннее волнение. - Вот как народ, точнее, часть его, относится к своим спасителям?!».

Получив от кассира долгожданный билет. Костя бросил взгляд на привокзальные часы: до отъезда оставалось меньше пятнадцати минут. Он быстро пробрался до ближайшего буфета и купил в дорогу несколько пирожков.

Московский поезд был подан на первый путь первой платформы. Поэтому Арсентьев особо не волновался, что тот уйдет без него. Он быстрым шагом направился к своему плацкартному вагону, который расположился недалеко от центрального выхода из здания вокзала. На перроне было много провожающих, прилипших к окнам вагонов и разговаривающих с пассажирами через стекло окон. Костя благополучно их обогнул и решительно подошел к своему вагону.

Проводница, приняв от него билет, пропустила в вагон и сказала, закрывая входную дверь:

- Последний!

Смысл этого ничего не значившего слова Костя понял через пару секунд, когда стал протискиваться по проходу вагона. Плацкартный вагон вместил в себя столько пассажиров, что в нем не осталось ни одного свободного места.

Костино место находилось в середине вагона. Семь пар глаз женских и мужских, детских и взрослых с любопытством разглядывали появившегося в проеме купе офицера. Костя немного растерялся, увидев такое количество пассажиров, плотно прижавшихся друг к другу на сидениях.

- У Вас какое место? - спросила Костю молодая женщина.

- Девятнадцатое.

- А, мы как раз на Вашей полке сидим. Если Вы не возражаете, товарищ военный, давайте поменяемся местами, а то я еду на верхней полке вместе с двумя маленькими детьми, - она обняла сидевших по бокам двух мальчишек трех и пяти лет.

- Не возражаю, - великодушно ответил Костя, закидывая свой чемодан на верхнюю полку.

Он, стараясь не мешать сидевшим, пропустил снующих туда-сюда пассажиров, снял с себя верхнюю одежду и положил ее поверх чемодана.

Поезд тронулся, оставляя на привокзальном перроне провожающих, успокаивая пассажиров монотонными звуками колес и настраивая их на долгий путь к Москве.

- Эй, старлей! - незнакомый молодой человек в спортивном костюме, сидевший за столиком через проход, махнул рукой Косте. - Давай знакомиться! Данила. Лейтенант. Возвращаюсь домой из Чернобыля.

- Я тоже из Чернобыля, - Костя пожал ему руку и присел рядом. - Еду до Москвы, а затем в Воронеж домой. А ты?

- До Брянска. Там живут мои родители, там же и служу. Слушай, путь у нас не близкий, да и ужинать пора. Как на счет водочки? Компанию составишь? - предложил новый знакомый.

- Могу. Я только на полку постель застелю и харчи захвачу.

Через несколько минут офицеры разложили продукты на столике и откупорили бутылку.

- Ну, что? За знакомство! - произнес Данила, и ребята тихо чокнулись гранеными стаканами, на время одолженными у проводницы.

Плотно закусив, они вновь плеснули водки в стаканы.

- Давай выпьем за то, что мы все-таки вырвались из этого ада, - сказал Костя. - Ты, кстати, где служил?

Данила рассказал, что ровно три месяца он провел в селе Ораное. Службу проходил в автомобильной ремонтной базе в должности командира роты. Ему повезло: на станцию он ни разу так и не выехал, даже не знал, где она находится.

- Вот, приеду домой, - рассуждал захмелевший лейтенант, - сразу женюсь. Родители уже нашли мне невесту.

Поболтав еще немного, офицеры разошлись по своим местам. Косте не верилось, что он уже не в «зоне отчуждения», что теперь не нужно искать новые «лепестки» для работы на станции, опасаться получить большую дозу облучения, бегом преодолевать опасные места, постоянно снимать показания дозиметра-накопителя, переодеваться и мыться по несколько раз за день и т.д.

В вихре проносящихся мыслей, Косте пришло осмысление того, что он уже не тот старший лейтенант Арсентьев, каким был до командировки в Чернобыль...

Подъем был ранним, за окном было еще темно. На месте Данилы расположился другой пассажир. Очевидно, что вчерашний Костин попутчик сошел в своем родном Брянске.

В вагоне по-прежнему было много людей. Перед самой Москвой Арсентьеву удалось умыться и привести себя в порядок, и теперь он, сидя на крае нижней полки, с наслаждением отхлебывал мелкими глотками горячий безвкусный чай.

Вскоре пассажиры дружно, как по команде, стали одеваться и собирать вещи. Общему порыву последовал и Костя. Ему не терпелось вырваться на свежий воздух, увидеть родную столицу, отвезти документы в штаб округа и купить билет на ближайший поезд домой.

Москва встретила его серым рассветом, снегом и холодом. Косте захотелось увидеть улицы и площади любимого города, поэтому он решил не ехать в метро, а поймать такси. Немного постояв в очереди на Киевском вокзале, он дождался такси. Водителем оказалась женщина средних лет, довольно крепкая и словоохотливая.

- Куда едем? - спросила она, трогаясь с места.

- На улицу Полины Осипенко, - назвал адрес Костя.

- В штаб округа, что ли? - уточнила она.

- Так точно! - по-военному ответил он. - Только у меня к Вам просьба: давайте через центр поедem, по Москве соскучился.

- Издалека едете? - поинтересовалась она, поворачивая машину на Садовое кольцо.

- Из Чернобыля, - устало обронил Костя, поглядывая по сторонам. - Даже не верится, что только вчера там был, а сейчас чувствую себя так, как будто в другой мир попал: люди по тротуарам спешат по своим делам, машины, автобусы и троллейбусы едут, детишки в школу идут. Чудно!

- Ну, как там обстановка? Страшна радиация?

- Обстановка нормализуется с каждым днем. Вон, уже третий энергоблок запустили. Слышали? Люди проявляют мужество и героизм, устраняя последствия аварии. Сама радиация действительно страшна, потому что губительна для всего живого, в том числе и человека.

- А, что от нее спрятаться нельзя?

- А как? Она и на станции, и от нее в радиусе тридцати километров, и за «зоной» тоже. А еще накапливается в тех вещах, которые попали под ее воздействие. Прячься, не прячься, а она все равно достанет. Главное что? Люди должны поскорее понять, что радиация - это самый опасный и коварный враг на земле! Не видимый, не осязаемый, но безжалостный!

- Правильно ли я Вас поняла: от Вас тоже исходит радиация? - спросила женщина-таксист, посмотрев на Костю.

- Ну, как Вам сказать? - замялся Костя от неожиданно прямого вопроса. - Конечно же, я - фоню, но это не значит, что от общения со мной, пока мы пять минут едем вместе, Вы получите смертельную дозу радиоактивного облучения.

Она засмеялась и задумчиво произнесла:

- А, все-таки, странная штука - жизнь. Сколько езжу по Москве, с разными людьми приходилось встречаться: с учеными, артистами, чиновниками всякими, «афганцами», но с «чернобыльцем» - впервые.

Тем временем машина выкатилась на улицу Полины Осипенко и через пару сотен метров плавно остановилась напротив бюро пропусков.

- Спасибо за экскурсию по столице, - произнес Костя, протягивая таксистке деньги за проезд. - Теперь у Вас останется надолго в памяти общение с «чернобыльцем».

- И Вам спасибо. Сколько всего познавательного пришлось узнать за пять минут! Удачи тебе, старший лейтенант! Живи долго и счастливо! - и желтое такси тотчас растаяло среди потока спешащих по делам машин.

В бюро пропусков он дождался своей очереди и позвонил по телефону внутренней связи офицеру, которому надлежало ему передать увесистый пакет документов. Не прошло и десяти минут, как из ворот центрального входа вышел долговязый подполковник, который сразу направился к Косте.

Поприветствовав подполковника, Костя поинтересовался:

- И как Вы сразу отличили меня от других офицеров, что это именно я прибыл оттуда?

- Очень просто: другие офицеры имеют на щеках румянец от мороза, а у тебя лицо серого цвета.

- Вот не замечал! Все время проводил в «лепестке» да в респираторе.

- Да не переживай ты так, - подполковник улыбнулся во весь рот. - Я сам недавно оттуда вернулся. Подлечился чуток, теперь вот опять на службе. И у тебя все устаканится!

Пообщавшись с ним еще немного, Костя, не спеша, направился в сторону ближайшей станции метро «Новокузнецкая». Он выполнил свою последнюю боевую задачу закончившейся служебной командировки, теперь ему предстояло купить билет на ближайший поезд до Воронежа, да и позавтракать не мешало бы.

На Казанском вокзале Костя выстоял в воинскую кассу не хилую очередь, но приобрел билет на воронежский поезд, который убывал из Москвы в начале восьмого вечера. Поскольку голод настойчиво давал о себе знать, то он был вынужден зайти позавтракать в привокзальный ресторан.

Утреннее меню не изобиловало кулинарными излишествами, поэтому пришлось остановиться на традиционном: пельмени, сметана, блинчики и чай. Не торопясь, он с большим удовольствием все съел. До поезда оставалось еще семь часов. Что делать, куда податься? Не думал он, что таким долгим окажется возвращение домой.

До поезда оставалось еще семь часов, и Костю мучили терзания, чем занять это долгое время ожидания.

В здании железнодорожного вокзала он разыскал кабины с междугородней телефонной связью, позвонил соседям, и попросил передать Насте о своем возвращении домой.

В зале ожидания он с трудом нашел свободное место, устроился, как смог, на изогнутом фанерном сидении и заснул.

Проснувшись через четыре часа, он вспомнил, что по пути к метро он купил несколько свежих центральных газет. Достав их из чемодана, Костя с жадностью набросился на их изучение. Там было как всегда все: и трудовые успехи наших сталеваров, животноводов и работников пищевой промышленности, великолепные выступления советских артистов балета в странах Западной Европы, достижения в спорте. Но ни слова ничего не говорилось о событиях в Чернобыле.

Это обстоятельство не просто расстроило Арсентьева, а разозлило его. Он хорошо помнил, что в редакции ведущих газет страны почти каждый день направлялась почтой масса статей и публикаций, в которых сообщалось об обстановке и проблемах на атомной станции, об отличившихся в борьбе с радиацией военнослужащих, шедших навстречу запределным дозам облучения, прекрасно понимая грозящую им опасность, спасающих терявших сознание товарищей, об их героическом труде во имя человечества...

«Ну почему, почему до народа нашей большой страны мало, что доводят о событиях в Афгане и в Чернобыле? Ладно бы, «Правда» и «Комсомолка» умалчивали, а то и «Красная звезда» туда же, одни соцсоревнования в армии и на флоте описывает!» - с раздражением подумал Костя и выбросил газеты в стоящую возле входа в вокзал мусорную урну.

Вскоре к перрону подали долгожданный поезд «Москва-Воронеж», и Костя одним из первых вошел в купейный вагон. Постепенно вагон заполнился вальяжными пассажирами, которые больше молчали, посматривая по сторонам, или тихо разговаривали между собой.

Поезд тронулся. Разговаривать с попутчиками Косте не хотелось, и он, растянувшись на верхней полке, крепко заснул.

Воронеж встретил его ярким утренним солнцем, веселыми весенними ручьями и разнородными голосами птиц. Костя только сейчас заметил, что мир вокруг него за последние восемьдесят дней преобразился и приобрел разную цветовую палитру.

Сердце радостно забилось, когда он увидел трамвай со знакомым номером на привокзальной площади. Его двери радушно открылись, впуская в себя всех спешащих по своим делам людей. Костя, расположившись на задней площадке, еле сдерживал нахлынувшее волнение.

Трамвай мчался, как никогда, быстро. Несмотря на то, что он время от времени делал остановки, порой казалось, что для него нет ни светофоров, ни перекрестков.

А вот и родная остановка! Здесь ничего не изменилось, только снега на тротуаре стало поменьше, да и людей побольше.

Костя прибавил ходу, постоянно подгоняя себя. Увидев впереди свой дом, он почувствовал, как учащенно стало биться сердце.

«Неужели этот кошмар, длившийся почти три месяца, кончился? - этот вопрос за последние двое суток Костя задавал себе в сотый раз. Ему не верилось, что все, что теперь его окружает, - не сон, не проделки радиации, а реальность. - Вот сейчас я поднимусь по лестнице на пятый этаж, позвоню в дверь. Ее, как и прежде, откроет Настя, а рядом с ней - сынишка».

Костя часто представлял эту сцену, находясь еще там, в «зоне». Поэтому давно и твердо решил: пока он не снимет с себя и не уничтожит находящееся на нем обмундирование, не обнимет своих родных. Именно так он хотел оградить семью от преследующей его радиации.

На ватных ногах Арсентьев наконец-то добрался до пятого этажа, облизал пересохшие губы и позвонил в дверь. Через секунду дверь отворила жена.

- Ура! Папа приехал! - закричала она и бросилась к Косте.

- Не прикасайтесь ко мне, Настенька! Я обниму вас позже, - он выставил впереди себя руки, останавливая, таким образом, жену и сына. - Моя одежда опасна для вас.

Костя осторожно вошел в прихожую, поставил в угол чемодан, стал снимать с себя военное обмундирование и сваливать его в кучу.

- Принеси, пожалуйста, мне чистое белье и большой пакет или мешок, - он обратился к Насте.

После принятого душа, Костя переделся в гражданскую одежду, бросил на плечи офицерский бушлат, прихватил с собой топор, туго набитый вещами мешок и вышел за дверь. Дорога до близлежащего мусорного контейнера через весенние ручейки была короткой.

Высыпав содержимое мешка на мокрый снег, Костя приступил к его уничтожению. Никто не должен был воспользоваться этим радиоактивным обмундированием. Он разрубил его на части и, засунув тряпье обратно в мешок, опустил его в мусорный ящик вместе с топором. Ему понадобилось еще пару минут, чтобы в дребезги разбить свои часы, считавшиеся противоударными, и отправить их вслед за обмундированием. Только после этого он понял, что разрубил в себе этот «чернобыльский узел», как когда-то Александр Македонский сделал тоже самое с «Гордиевым узлом».

После этого ему стало легче на душе.

Домой Костя летел, словно птица. Отворив входную дверь, он подхватил на руки бросившегося к нему сына, обнял жену, и крепко целуя ее в пылающие и соленые от слез губы, произнес долгожданные для его любимых людей слова:

- Здравствуйте, мои дорогие! Я вернулся домой!

Содержание

От автора

Глава 1. Начало пути

Глава 2. Расставание

Глава 3. Попутчики

Глава 4. Благие намерения

Глава 5. Встреча с радиацией

Глава 6. Вступая в должность

Глава 7. Первые вводные

Глава 8. Знакомство с «зоной»

Глава 9. Бросок в бездну

Глава 10. Курс на ускорение

Глава 11. Профиль чернобыльской ночи

Глава 12. Угол замера

Глава 13. Новогодние приключения

Глава 14. В окружении незримого врага

Глава 15. Рейд за дезертирами

Глава 16. Дыхание реактора, или принцип «самовара»

Глава 17. Добровольцы

Глава 18. «Рыжий лес» и могильники «зоны»

Глава 19. В ожидании замены

Глава 20. Прощание с «зоной» и возвращение домой

Алексеев Виктор Петрович

Предписание в радиус тридцати...

Издательство «Русич» г.Смоленск, ул.Соболева, д. 7

Подписано в печать 07.06.2010 г. Формат 60x84. Объем 17 п/л. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3395.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им В.И. Смирнова».

214000 г.Смоленск, проспект им Ю.Гагарина, 2.

Виктор Алексеев

Молодой офицер Костя Арсентьев срочно командирован в бригаду химзащиты для участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции. Оказавшись в омуте драматических событий, он становится непосредственным свидетелем и участником противорадиационных работ. В «зоне отчуждения» и на самой атомной станции постоянно происходят необъяснимые мистические события, с которыми Костя сталкивается сам или ему рассказывают очевидцы. Повсюду присутствующая радиация предстает перед ним в реальном и сюрреалистическом облике.

Арсентьев видит ежедневные героические поступки солдат и офицеров, помогает слабым преодолеть страх и растерянность перед радиацией, добивается оказания медицинской помощи нуждающимся. Ему поручено отобрать добровольцев и подготовить их для заброса на крышу третьего энергоблока атомной станции для того, чтобы вручную очистить ее от радиоактивных осколков. Вместе с батальоном он принимает участие в уничтожении «рыжего» леса. Понимая, что все находящиеся в радиоактивном эпицентре обречены на физические и моральные страдания от радиационного облучения, Арсентьев глубоко переживает это обстоятельство, но иного выхода, как направить людей в опасное место, просто нет. И он идет вместе с ними...

ISBN 978-5-8138-0993-4

9 785813 809934